Александръ Плещеевъ

МОЕ ВРЕМЯ

ПАРИЖЪ

Любимому Аркадию

Ефимовичу

Шайкевичу

с старой дружбой

А. Плещеев

Париж 1939

Александръ Плещеевъ

МОЕ ВРЕМЯ

ПАРИЖЪ.

Читатель, если Вы натолкнетесь въ этой книжкѣ на какія-нибудь повторенія того, о чемъ я писалъ раньше, — прошу быть ко мнѣ снисходительнымъ.

Я позволилъ себѣ помѣстить здѣсь болѣе обстоятельный и подробный варіантъ о Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ (1880 г.). Послѣ выхода въ свѣтъ моей книги: «Что вспомнилось», въ памяти начали воскресать нѣкоторыя новыя, не записанныя подробности, и мнѣ казалось, что я долженъ ими подѣлиться, чтобы сберечь каждую мелочь, каждую, хотя бы и незначительную черточку былой, незабываемой картины.

Все это — исторія, и исторія драгоцѣнная для насъ, потому что съ ней связано имя Пушкина прежде всего, и имена Тургенева, Достоевскаго и др.

Александръ Плещеевъ

А. И. КУПРИНЪ ОБЪ А. А. ПЛЕЩЕЕВѢ И ЕГО КНИГАХЪ.

I.

Древній родъ Плещеевыхъ всегда былъ боярскимъ. Въ придворной службѣ, съ ея мѣстничествомъ, интригами и пролазничествомъ, о Плещеевыхъ что-то не слыхать.

Александръ Алексѣевичъ родился въ одной изъ тѣхъ простыхъ, милыхъ, въ мѣру либеральныхъ русскихъ семей, гдѣ живо интересовались искусствомъ, наукой, театромъ и литературой, но гдѣ цѣнили и старые прочные обычаи, съ гостепріимствомъ на первомъ планѣ.

Отецъ А. А., Алексѣй Николаевичъ, былъ извѣстный въ свое время литераторъ и поэтъ; его задушевные лирическіе стихи неизбѣжно входили въ тогдашнія хрестоматіи и антологіи, но еще шире былъ извѣстенъ А. Н. своей мягкой и деликатной любовью къ подрастающему писательскому поколѣнію.

Я не ошибусь, сказавъ, что наши писатели, начинавшіе свой печатный путь въ концѣ 70-хъ, въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ г. г. прошлаго столѣтія, прошли черезъ нестѣснительное покровительство, черезъ теплую заботу, черезъ вѣрную дружбу Плещеева-отца, о чемъ ярко свидѣтельствуютъ письма и воспоминанія современниковъ. Стоитъ ли прибавлять,

что, открывая восходящей литературной звѣздочкѣ свою душу, Алексѣй Николаевичъ охотно открывалъ и свой не всегда полный кошелекъ. Получивъ, незадолго передъ смертью, довольно крупное наслѣдство, А. Н. Плещеевъ сталъ на время какимъ-то добрымъ волшебникомъ для малой пишущей братіи. Разсказываютъ, что однажды остановилъ его на Невскомъ молодой репортеръ съ горестной просьбой помочь его больной теткѣ. А. Н. охотно, какъ всегда, далъ ему просимое и, весьма сочувственно пожимая ему руку, сказалъ съ участіемъ:

— Какъ я радъ, что ваша тетушка жива. Вѣдь два мѣсяца назадъ она, бѣдная, скончалась, а это, согласитесь, гораздо хуже.

Несомнѣнно, этотъ случай былъ не единственный.

Въ такой-то доброй, ладной, уютной семьѣ родился и выросъ Александръ Алексѣевичъ. Послѣ окончанія ученія, передъ нимъ лежали блестящіе жизненные пути, но уже давно извѣстно, что нѣтъ дороги заманчивѣе и безотвязнѣе, чѣмъ тернистая дорога писателя и журналиста. Тотъ, кто однажды вкусилъ сладкій и горькій ядъ литературы, тотъ никогда уже отъ него не оторвется.

Литературный багажъ А. А. Плещеева чрезвычайно великъ. Я думаю, что самому автору было бы невозможно не только собрать, но даже припомнить огромное количество написанныхъ имъ и разбросанныхъ по газетамъ и журналамъ повѣстей и разсказовъ, сценокъ, статей, замѣтокъ и шуточныхъ экспромтовъ.

Было также написано Плещеевымъ изрядное количество драматическихъ пьесъ и водевилей, изъ которыхъ многіе шли одновременно въ нѣсколькихъ театрахъ. Тутъ умѣстно сказать, что первые шаги Плещеева въ искусствѣ были на театральныхъ подмосткахъ. А. А. игралъ не только въ петербургскихъ садахъ, вродѣ «Озерковъ», но выступалъ не безъ успѣха и въ Александринскомъ. Но Шекспиръ гово-

ритъ словами Меркуціо: «Самая сильная любовь — вторая». Ароматъ типографской краски переманилъ Плещеева.

Очень большую часть своего творчества отдалъ Плещеевъ балету. Вотъ область, въ которой онъ, рядомъ съ В. Свѣтловымъ, является и знатокомъ, и жрецомъ, и поклонникомъ, и внутреннимъ пѣснопѣвцемъ.

Въ жизни Плещеевъ сохранилъ добрый образъ своего славнаго отца и продолжилъ его, горѣвшую какъ свѣча, чистую любовь къ литературѣ. Всегда онъ суетится, чтобы помочь нуждающемуся собрату, возмущается оказанной писателю несправедливостью, умилительно радуется восходящему таланту и безкорыстно содѣйствуетъ всякому успѣху...

Спросятъ меня:

— Почему такая длинная біографія?

— Да потому что совсѣмъ недавно перешагнулъ милый Александръ Алексѣевичъ (весь Петербургъ его называлъ Сашенька Плещеевъ) изъ седьмого десятилѣтія въ восьмое, и объ этомъ, вслѣдствіе его скромности, мало кто знаетъ.

Пошли ему Богъ еще много здоровыхъ счастливыхъ лѣтъ!

Теперь мы съ легкимъ сердцемъ перейдемъ къ новой книжкѣ Плещеева, которая недавно вышла въ рижскомъ издательствѣ «Литература» и, надо поздравить автора, безъ обычныхъ досадныхъ опечатокъ. Заглавіе ея — «Безъ ужасовъ».

Это чуть-чуть странное и, если произнести его вслухъ, сильно шипящее заглавіе хорошо идетъ, однако, и къ смыслу, и къ тону книжки, а еще больше къ писательскому и къ житейскому характеру А. А. Плещеева. Онъ всегдашній врагъ позы, хожденія на цыпочкахъ, приподнятыхъ плечъ, сумрачно сдвинутыхъ бровей, трагическаго жеста. Онъ не терпитъ никакихъ ужасовъ. Ни оккультныхъ, ни половыхъ,

ни мистическихъ, ни кровавыхъ, ни преступныхъ, ни зазывающихъ. Онъ попросту любитъ видѣть и понимаетъ жизнь, никого не осуждаетъ, и если освѣщаетъ свой маленькій разсказъ улыбкой, то улыбка эта свѣтла, игрива, благодушна и никому не причинитъ огорченія. Такъ улыбаются старые, добрые, умные, много-много видѣвшіе на своемъ вѣку слоны.

Въ книгѣ около тридцати разсказовъ, и содержаніе ихъ весьма разнообразно. Кого-кого только не извлекаетъ авторъ сачкомъ изъ человѣческой сажалки! Тутъ: игроки-фантазеры, мелкіе мошенники, обжоры, врали, педагоги, пассажиры, школьныя учительницы, горе-рыболовы, актеры, доктора, литераторы, газетчики, музыканты, таможня, кавказскія минеральныя воды, безвѣстная Косая улица на прежней Выборгской сторонѣ въ С.-Петербургѣ. Пестрый калейдоскопъ. Показывая своихъ маленькихъ героевъ попросту, въ незатѣйливыхъ клочкахъ жизни, Плещеевъ умѣло и остроумно перемѣшиваетъ легкій прозрачный юморъ съ самой крошечной дозой тихой грусти. Онъ тщательно избѣгаетъ описаній лицъ и предметовъ, развѣ обронитъ изрѣдка краткое, мѣткое словечко. Еще строже онъ къ описаніямъ природы. Ихъ вовсе нѣтъ въ книгѣ, точно такъ же, какъ нѣтъ даже случайныхъ заскоковъ въ сторону политики или философіи.

Авторъ въ своихъ разсказахъ совсѣмъ не участвуетъ. Онъ только подымаетъ занавѣсъ, рекомендуетъ читателю: «Вотъ это — госпожа Бирюлькина, а вотъ г. Сушкинъ». Затѣмъ онъ уходитъ за кулисы, ложится на диванъ и спокойно куритъ: а его персонажи дѣлаютъ, что хотятъ: танцуютъ, обѣдаютъ, ѣдутъ въ вагонѣ, хитрятъ, привираютъ и выражаютъ свои мысли и чувства въ быстромъ, живомъ, занимательномъ діалогѣ. Авторъ не отвѣчаетъ за нихъ. Такъ писалъ когда-то и Чеховъ свои самыя молодыя проказливыя вещички. Изъ разсказовъ назовемъ наудачу «Диктатура сердца», «Дни нашей жизни», «Лавка старинныхъ вещей», «Сановникъ», «Крюшонъ», «Конкурсъ», «Заготовка», «Ея праздникъ», «Театральная аристократія», «На кавказскихъ

водахъ», «Газетчики», «Домикъ»... Повторяю, что беру разсказы наобумъ.

Какое общее впечатлѣніе? Неглубоко — это такъ, но мило, весело и нѣжно. Порой, съ удовольствіемъ, беззаботно посмѣешься, порою — незамѣтно вздохнешь, а глядь — книга уже проглочена.

II.

«Что вспомнилось» (за 50 лѣтъ) — подъ такимъ заглавіемъ вышла на-дняхъ новая, чрезвычайно содержательная и прекрасно изданная книга Александра Алексѣевича Плещеева.

Впечатлѣніе отъ нея самое пріятное: добродушіе, спокойствіе, вѣжливость, искренность и отличный русскій языкъ, безъ ломанія и безъ надуманныхъ выкрутасовъ, — языкъ, отъ котораго уже начинаемъ отвыкать мы, живущіе по обѣимъ сторонамъ рубежа.

Мнѣ кажется, что теперь всѣ, даже самые небрежные и разсѣянные читатели, успѣли убѣдиться въ томъ, что подавляющее большинство современныхъ русскихъ мемуаровъ, записокъ и воспоминаній полны горечи, злобы, мелкихъ, ядовитыхъ личныхъ счетовъ, безстыднаго раскрыванія государственныхъ тайнъ и чужихъ постелей и, наконецъ, самооправданія и самовозвеличенія въ пошлыхъ и лживыхъ формахъ.

Плещеевъ пишетъ совсѣмъ иначе. Его воспоминанія суть записные листочки добраго, благожелательнаго большого человѣка, не знавшаго никогда ни ревности, ни зависти, ни мстительныхъ замысловъ, въ теченіе своей счастливой, беззаботной и чрезвычайно богатой жизни. Читая его книгу, то и дѣло натыкаешься на старыя, давно знакомыя по Москвѣ и Петербургу имена, которыя въ послѣдней четверти XIX столѣтія были отмѣчены насмѣшками, презрѣніемъ и еще прижизненнымъ забвеніемъ тогдашняго общества.

И что же? — Нигдѣ Плещеевъ не клеймитъ ихъ. Нигдѣ не повторяетъ грязныхъ сплетенъ, а наоборотъ, старается найти въ ихъ жизни и дѣлахъ мягкія, оправдывающія стороны. Это — свойство не старости автора, а именно его природнаго благодушія.

Его отецъ, извѣстный поэтъ Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ, былъ въ молодости замѣшанъ въ процессъ Петрашевскаго и стоялъ на эшафотѣ рядомъ съ Достоевскимъ. Освобожденный отъ смертной казни, онъ всю свою остальную жизнь прожилъ подъ негласнымъ надзоромъ. Но это прошлое окружило милаго поэта и прекраснѣйшаго человѣка всеобщей любовью, довѣренностью и почтеніемъ тогдашней интеллигентной среды.

Вотъ почему А. А. Плещеевъ, еще съ первыхъ младенческихъ лѣтъ и до зрѣлаго возраста, имѣлъ счастье видѣть въ родномъ гостепріимномъ домѣ всѣхъ замѣчательныхъ и талантливыхъ людей того времени: Некрасова, Достоевскаго, Тургенева, Григоровича, Чехова, братьевъ Курочкиныхъ и братьевъ Рубинштейновъ и т. д., и т. д.

Съ раннихъ лѣтъ А. Плещеева потянуло къ театру, и нѣсколько лѣтъ, не какъ любитель, а какъ актеръ-профессіоналъ онъ игралъ на московскихъ и петербургскихъ сценахъ. Тутъ не менѣе широки и пестры его воспоминанія: Рыбаковъ, П. М. и М. П. Садовскіе, В. В. Самойловъ, Южинъ, Ленскій (кн. Оболенскій), Федотова, Ермолова, Савина, Киселевскій, Далматовъ, Давыдовъ и пр., и пр.

Книга заключается непринужденными набросками прежней широкой жизни: балетъ и балетоманы конца прошлаго столѣтія: Юрасовъ, Скальковскій, Н. А. Морозовъ (шлиссельбуржецъ), Л. Б. Бертенсонъ и пр., и пр.

Книга щедро иллюстрирована портретами.

А. Купринъ.

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.

Москва! Какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось...
Пушкинъ.

Передо мной старая Москва конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ. Та дорогая Москва, о которой вы будете только читать, но которой уже не увидите... Москва съ мелькающими по улицамъ «линейками», т. е. общественными экипажами, запряженными четверкой лошадей. Пассажиры сидѣли въ два ряда, спинами другъ къ другу. Помѣщалось ихъ человѣкъ по двадцать въ каждой линейкѣ. Незабываемый еще экипажъ въ Москвѣ того времени былъ «колибри», на которомъ могли помѣститься только два человѣка, сидѣвшіе верхомъ одинъ за другимъ, или рядомъ. Колибри напоминали нынѣшнія бѣговыя дрожки, но были высокія и на рессорахъ. Извозчикъ былъ одѣтъ въ армякъ и въ войлочную шапку, суживающуюся кверху. Какъ и всѣхъ извозчиковъ, въ Москвѣ его называли «Ванька».

Такъ, бывало, и говорили прислугѣ: «Поди, приведи Ваньку». «Будочники» (тогдашній прообразъ городового) сидѣли въ будкахъ или ходили около нихъ, почему ихъ называли также «хожалыми».

«Квартальный» — наводилъ грозу. Однако, помню, какъ

эту «грозу» вышучивали смѣлые «раешники», показывавшіе картины въ райкахъ (панорама) и иллюстрировавшіе эти картины рифмованными объясненіями. Если же появлялся самъ квартальный и прислушивался, что говоритъ раешникъ, то слышалъ только однѣ похвалы себѣ. Стоило ему отдалиться, какъ раешникъ начиналъ злобно вышучивать его.

По дворамъ въ Москвѣ ходили поводыри съ учеными медвѣдями и давали представленія, собирая жильцовъ дома. Они заставляли медвѣдя показывать, какъ старухи ходятъ на богомолье и т. п.

На воротахъ многихъ московскихъ домовъ красовались небольшія вывѣски, уцѣлѣвшія кое-гдѣ еще до самой революціи: «свободенъ отъ постоя», что означало — сюда нельзя помѣщать солдатъ. На Новинскомъ бульварѣ, на Масляной и Святой недѣляхъ, для развлеченія жителей, устраивались гулянья съ балаганами, качелями, самокатами и старыми дѣдами, плясавшими съ молодыми дѣвками. Въ толпѣ шныряли «сбитенщики», «пирожники», продавцы моченыхъ яблокъ. Въ балаганахъ показывали чертей, арлекина, Пьерро и пр. Тутъ же можно было видѣть Юлію Пастрану — женщину съ бородой, говорящую голову, великановъ, карликовъ и другія всемірныя «чудеса». Въ Москвѣ тогда славился циркъ Гинэ на Воздвиженкѣ. Впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ выросло палаццо Морозова. Особеннымъ успѣхомъ въ циркѣ въ мое время пользовался русскій «канатоходецъ», гулявшій по канату съ большимъ балансомъ, на концахъ котораго были свинцовые грузы. Канатоходецъ часто выступалъ пьяный и на моихъ глазахъ полетѣлъ однажды съ каната и пробилъ шестомъ голову одному изъ зрителей. Ему кричали: «сукинъ сынъ» и хотѣли его разорвать.

Незабываемы нѣкоторые трактиры того времени, примѣрно — трактиръ Охотнаго ряда, купца Егорова. Въ немъ полъ былъ усыпанъ опилками, на окнахъ висѣли клѣтки съ птицами. Чайники и чашки были украшены розовыми

и голубыми букетами. Въ каждой комнатѣ были громадные иконостасы. Въ этомъ маленькомъ трактирѣ заключались милліонныя сдѣлки купечествомъ. Въ большинствѣ трактировъ были «чистыя половины» для «благородной публики», именитаго купечества. Чай пили только «въ прикуску», экономя сахаръ. Хересъ и мадеру подавали съ кусочкомъ яблочка на закуску. Что-то патріархальное чувствовалось во всей этой трактирной жизни.

Семидесятые годы считались расцвѣтомъ московскаго Малаго Театра. Имена Прова Садовскаго, родоначальника знаменитой театральной династіи и законнаго наслѣдника Щепкина, С. В. Шумскаго, И. В. Самарина, Гл. Федотовой, М. Н. Ермоловой, Акимовой, В. И. Живокини, Н. А. Микулиной, Н. М. Медвѣдевой, Н. И. Музиля и др. славились на всю Москву. Театральный залъ Малаго Театра выглядѣлъ совсѣмъ другимъ, нежели въ восьмидесятыхъ годахъ. Дамскіе туалеты отличались большей частью дорогими шалями и платками. Въ ложахъ видно было много пожилыхъ женщинъ изъ купеческаго міра, съ головами, обмотанными разноцвѣтными фулярами. Московскіе франты носили костюмы изъ клѣтчатыхъ матерій, сюртуки преобладали темно-коричневые и темносиніе. Въ модѣ была «табакерка» и разноцвѣтные фуляровые носовые платки.

Я еще помню въ театральной залѣ зрительныя трубки, которыя потомъ были вытѣснены биноклями. Московское дворянство пріѣзжало въ театры со своими ливрейными лакеями, и съ мѣшками, куда прятали шубы господъ. Не принято было сдавать верхнюю одежду на храненіе и долго ожидать ее при разъѣздѣ. Публика рѣдко называла актеровъ Малаго театра по фамиліямъ, а звала ихъ по именамъ: «Провъ Михайловичъ », «Сергѣй Васильевичъ». Словно была

одна семья и на сценѣ, и въ зрительной залѣ. Нѣкоторые бенефиціанты печатали, для почетной публики, афиши на атласѣ... Случалось это въ Москвѣ не часто, этотъ обычай былъ заимствованъ изъ провинціи. Въ театральномъ музеѣ Бахрушина собрано не мало атласныхъ афишъ Большого и Малаго театровъ.

Попутно не могу не разсказать стараго анекдота изъ закулисной жизни Малаго театра. Тамъ игралъ очень много лѣтъ актеръ Никифоровъ, котораго обрекли на изображеніе лакеевъ. Кто-то изъ его товарищей написалъ мѣломъ на дверяхъ его уборной: «Лакейская». Никифоровъ обидѣлся, взялъ мѣлъ и прибавилъ одно слово: «шутка».

Разумѣется, въ то время въ Маломъ театрѣ постановки отличались примитивностью и простотой. Не было даже намековъ на какія-нибудь режиссерскія новшества, и тѣмъ не менѣе большіе актеры достигали своей игрой такихъ вершинъ творчества, что впечатлѣніе оставалось неизгладимое. На моей памяти тогдашній ансамбль Малаго театра очень рѣдко былъ наблюдаемъ даже въ Художественномъ театрѣ.

До какихъ совершенствъ ни доходила бы современная режиссерская изобрѣтательность, на первомъ планѣ въ театрѣ оставались и остаются таланты и дарованія.

Балетные спектакли въ Большомъ театрѣ въ Москвѣ тогда не пользовались вниманіемъ широкой публики, и только на праздникахъ, на утренніе спектакли, не хватало мѣстъ: возили дѣтей смотрѣть балеты «Робертъ и Бертранъ», или «Два вора», «Конекъ-Горбунокъ», или «Корсаръ», гдѣ знаменитый декораторъ и машинистъ Вальцъ удивлялъ московскую публику сценой гибели корабля.

Первую роль въ общественной жизни Москвы игралъ Малый театръ, а не балетъ и не опера, хотя и въ балетѣ, и въ оперѣ было не мало выдающихся исполнителей.

Въ балетѣ гастролировала пріѣзжавшая въ Москву заграничная танцовщица Генріетта Доръ. По тогдашнему времени рѣдкая виртуозка. Особенный успѣхъ на ея долю выпадалъ въ балетѣ, если не ошибаюсь, «Царь Кандавлъ».

Московская театральная школа поставлена была образцово, и на выпускные экзамены ея начальство приглашало многихъ писателей — Островскаго, Боборыкина, Плещеева и другихъ.

Москва освѣщалась тогда очень скупо: кое-гдѣ газовыми фонарями, а кое-гдѣ масляными лампами; вымощена была неровно крупными булыжниками, въ честь которыхъ повсюду въ Россіи продавали пряники, называвшіеся «Московская мостовая». Домовъ съ проведенной водой не знали, — воду привозили въ бочкахъ изъ городскихъ фонтановъ или прямо изъ Москва-рѣки. При тушеніи пожаровъ обыкновенно воды не хватало. Лѣтомъ въ городѣ стояла такая пыль, что ее легко было принять за туманъ. На многихъ заборахъ пестрѣли надписи: «Не останавливаться!» Понимай, какъ знаешь!..

По случаю какихъ-нибудь патріотическихъ торжествъ и праздниковъ, на улицахъ Москвы, какъ и Петербурга, зажигались масляныя «плошки».

Москва подъ снѣгомъ совершенно измѣняла свою физіономію. Тройки, пары съ пристяжкой, лихачи съ теплыми медвѣжьими полостями, катанье въ загородные рестораны...

Неотъемлемой принадлежностью стараго московскаго дворянскаго быта былъ особнякъ, съ его залами, амфиладами комнатъ — «диванными», «портретными», «дѣвичьими», «боскетными» и др., съ его садами, бесѣдкой, фонтанами, со всей его рѣдкой старинной обстановкой... Въ особнякѣ Фа-

мусовъ принималъ московскую знать, Ростовъ устраивалъ торжественные пріемы, по случаю пріѣзда сына на побывку изъ арміи...

Старый особнякъ!.. Свидѣтель навсегда заглохшей красивой жизни Москвы...

Теперь этого нѣтъ, и что тамъ — я не знаю... Словно опустился театральный занавѣсъ, скрывшій отъ моихъ глазъ старую Москву....

Незабываемымъ остается въ моей памяти упраздняемое теперь, какъ мы узнали, старинное кладбище Новодѣвичьяго монастыря. Его разбили по новому плану... Перенесли могилы писателей — Писемскаго, Плещеева, Лажечникова и другихъ.

Быть можетъ, это стало и красивѣй (я не знаю плана), но самая, если можно такъ выразиться, перемѣна декораціи, которая запечатлѣна въ моей памяти, всегда удручаетъ. Съ начала 60-хъ годовъ я помню кладбище Новодѣвичьяго монастыря. Я ходилъ въ дѣтствѣ на могилу моей матери, куда перевезъ въ 1893 году изъ Парижа прахъ моего отца, который, согласно его волѣ, былъ похороненъ тамъ же...

Какъ сейчасъ, вижу справа отъ входа, покрытый, словно саваномъ, бѣлымъ сверкающимъ снѣгомъ уголокъ кладбища у высокой зубчатой каменной стѣны, за которой молчитъ застывшая Москва-рѣка. Тишину и покой нарушали лишь непрерывные крики галокъ; на бѣломъ фонѣ тутъ и тамъ мелькали черные уборы молчаливыхъ монашекъ...

Пробираясь къ дорогимъ могиламъ, я неизмѣнно проходилъ мимо памятниковъ А. П. Чехова и его отца.

Противъ могилы моего отца покоился Левъ Поливановъ, мой первый учитель, основатель извѣстной московской гимназіи, и Пагануцци, одинъ изъ соредакторовъ «Русскихъ Вѣдомостей», большой другъ моего отца...

И этотъ печальный уголокъ, гдѣ я сиживалъ часами и, выходя оттуда, любовался «Московскими Альпами» — Воробьевыми горами, — исчезъ.

Прощай, старое, привычное и дорогое!..

Чѣмъ дальше уходишь отъ дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ, тѣмъ ярче въ памяти воскресаютъ картины молодости, этого «праздника жизни».

Милая, старая Москва, какъ дорога ты моему сердцу!.. Я не забылъ твоихъ переулковъ, площадокъ, горокъ...

Если столица славилась балами и вечерами, на которые приглашалась вся знать, все родовое барство, то еще соблазнительнѣе были случайныя вечеринки, когда москвичи забѣгали другъ къ другу, такъ сказать, «на огонекъ». Замѣтятъ, бывало, освѣщенныя окна въ знакомой квартирѣ и заходятъ въ гости...

Одинъ изъ такихъ маленькихъ домовъ, куда любили заглянуть «на огонекъ» и гдѣ хозяева встрѣчали гостей съ сердечнымъ радушіемъ, находился у Арбатскихъ воротъ, въ Калашномъ переулкѣ. Это недалеко отъ Никитскаго бульвара.

Домъ принадлежалъ Щепотьевой. Тамъ большую квартиру занимала семья Кашперовыхъ, у которыхъ я бывалъ почти ежедневно.

Владиміръ Никитичъ Кашперовъ, одинъ изъ культурнѣйшихъ людей той эпохи, былъ извѣстенъ какъ композиторъ, написавшій оперы «Гроза», «Тарасъ Бульба» и др., а также много русскихъ пѣсенъ и романсовъ.

Какую Москву можно было случайно встрѣтить въ гостиной Кашперова, преподававшаго тогда пѣніе въ Консерваторіи!

Братья Николай и Антонъ Рубинштейны, знаменитый въ то время виртуозъ-скрипачъ Лаубъ, А. Н. Островскій и

его братъ Петръ Островскій, оперный пѣвецъ теноръ Ф. К. Никольскій, И. С. Тургеневъ — когда онъ наѣзжалъ въ Москву, И. Ф. Горбуновъ, И. А. Аксаковъ, Д. Самаринъ и Провъ Садовскій, оперная пѣвица Меньшикова, величайшій изъ итальянскихъ пѣвцовъ Котони, А. Н. Плещеевъ, пѣвицы сестры Маркезіо (которыхъ смѣшиваютъ съ Маркези) и многіе другіе.

Тутъ можно было слышать изумительные квартеты и, вообще, концерты, литературныя чтенія, о которыхъ много говорили въ Москвѣ. Проводили время у Кашперовыхъ куда пріятнѣе, нежели на званыхъ пышныхъ вечерахъ и балахъ.

Тургеневъ дружилъ съ В. Н. Кашперовымъ и его супругой Аделаидой Николаевной, очаровательной хозяйкой, умнѣйшей женщиной и тонкимъ художественнымъ критикомъ, къ голосу котораго всѣ прислушивались.

Тургеневъ останавливался, когда пріѣзжалъ въ Москву, у Масловыхъ, жившихъ на Пречистенскомъ бульварѣ. У Кашперовыхъ Иванъ Сергѣевичъ читалъ свои новыя произведенія.

А. Н. Островскій читалъ свои пьесы, «Грозу», «Свои люди — сочтемся» и другія. Федоръ Калинычъ Никольскій, кругленькій, коротенькій человѣчекъ съ брюшкомъ, обладавшій феноменальнымъ по силѣ и красотѣ теноромъ, но совсѣмъ малокультурный, пѣлъ, какъ говорили, «на весь Калашный переулокъ». Даже на ближайшемъ бульварѣ было слышно его!.. Этотъ пѣвецъ Божьей милостью, бывшій семинаристъ, былъ предметомъ анекдотовъ, ходившихъ по Москвѣ. Напримѣръ, въ одной оперѣ ему надо было умереть. Режиссеръ за кулисами видитъ, что Никольскій уходитъ вглубь сцены и тамъ равнодушно готовится къ смерти.

— Что же, Федоръ Калинычъ, — смѣялись затѣмъ надъ нимъ, — почему ты не умеръ на авансценѣ?

— Въ либретто сказано, — отвѣчаетъ серьезно Никольскій, — что я умираю на травкѣ, а травка дальше... Я и пошелъ туда.

— Калинычъ, спой, пожалуйста, — просилъ Никольскаго И. Ф. Горбуновъ.

— А что тебѣ спѣть? Клиросное или свѣтское?

Я слышалъ этого пѣвца въ Петербургѣ, гдѣ онъ былъ фаворитомъ публики.

Кашперовъ былъ добрымъ и, какъ всѣ тогда культурные русскіе люди, либеральнымъ человѣкомъ. Онъ еще до освобожденія крестьянъ отдалъ имъ свое имѣніе, чѣмъ огорчилъ свою супругу, которая воскликнула:

— Что ты дѣлаешь, вѣдь у тебя дѣти!

— Да вѣдь и у мужиковъ дѣти, — спокойно возразилъ Владиміръ Никитичъ.

За границей Кашперовъ, какъ разсказывали, встрѣчался съ Герценомъ, Бакунинымъ, Огаревымъ, Гарибальди и другими. Владиміръ Никитичъ и Аделаида Николаевна провели нѣсколько лѣтъ за границей, въ Италіи и въ Германіи. Въ Миланѣ Кашперовъ написалъ оперу, которая была тамъ поставлена. На него возлагали большія надежды, особливо въ музыкально-артистической средѣ.

Въ Берлинѣ Кашперовы были въ дружескихъ отношеніяхъ съ Михаиломъ Ивановичемъ Глинкой, цѣнившимъ дарованіе Владиміра Никитича и художественное тонкое чутье Аделаиды Николаевны. Мнѣ передавала одна изъ дочерей Кашперова, какъ курьезъ, о забавной привычкѣ Глинки — не разставаться дома съ длиннѣйшимъ карандашомъ, которымъ онъ, расхаживая, записывалъ приходящія ему въ голову мелодіи и, тутъ же напѣвая ихъ, дирижировалъ все тѣмъ же карандашемъ. Любилъ онъ также въ разговорѣ вставлять французскія слова.

Глинка, какъ мнѣ разсказывали, отличался, подобно многимъ русскимъ геніальнымъ людямъ, слабостью къ вину.

Въ одномъ изъ русскихъ историческихъ журналовъ, едва ли не въ «Русскомъ Архивѣ», была воспроизведена ли-

тографія, которая изображала скончавшагося Глинку и рядомъ двѣ фигуры — мужчину и женщину. Увѣряли, что это и были супруги Кашперовы.

Въ Москвѣ, послѣ смерти Глинки, ходили упорные слухи, что два романса Кашперова были изданы какъ романсы Глинки. Какъ-то Кашперовъ принесъ Глинкѣ нѣсколько романсовъ, чтобы узнать его мнѣніе о нихъ, а затѣмъ эти два романса были найдены въ бумагахъ Глинки и приписаны ему. На это были явныя указанія, но московскій музыкальный издатель, если не ошибаюсь, Петръ Юргенсонъ не согласился съ этимъ и издалъ эти романсы, какъ написанные Глинкой. Приписали сначала Глинкѣ и пѣсню Кашперова: «Какъ здоровъ, да молодъ», но ошибку, будто бы, исправили, въ виду неоспоримыхъ доказательствъ.

Когда у Кашперовыхъ ждали Тургенева, чувствовалась какая-то суетня, торжественность. Рѣдкій гость! Когда показывалась фигура Ивана Сергѣевича, его встрѣчали не только хозяева, но и ихъ семья и приглашенные.

Москва чуть не въ тотъ же день знала, что Тургеневъ провелъ нѣсколько часовъ у Кашперовыхъ и даже прочелъ какой-то отрывокъ изъ написаннаго имъ новаго разсказа. Москвичи словно слѣдовали за писателемъ, зная, у кого онъ былъ и гдѣ его ждутъ.

Вспоминая о Россіи, пѣвецъ и артистъ Божіей милостью, итальянецъ Котони, съ которымъ я встрѣтился въ Римѣ въ 1893 году, называлъ имя Кашперова. Онъ, между прочимъ, очень хвалилъ его оперу «Тарасъ Бульба» и удивлялся, почему ее не ставили въ Москвѣ. Котони любовно говорилъ о Кашперовыхъ. И Владиміръ Никитичъ, и Аделаида Николаевна свободно владѣли итальянскимъ языкомъ, и итальянскіе артисты, пѣвшіе въ Москвѣ, чувствовали себя у нихъ въ семьѣ какъ дома.

Съ Котони Кашперовы познакомились еще въ Италіи, въ Миланѣ, гдѣ этотъ артистъ исполнялъ первыя произведенія Владиміра Никитича. Въ Италіи Кашперовы познакомились и съ сестрами Маркезіо. Онѣ тоже исполняли его произведенія.

Все это сѣдая старина, которую возстанавливаю въ памяти со словъ оставшихся въ живыхъ свидѣтелей. Это уже «слышанное», а не «видѣнное»...

Александръ Николаевичъ Островскій былъ связанъ близкой дружбой съ Кашперовыми. Оба они, вмѣстѣ съ тогдашнимъ театраломъ В. И. Родиславскимъ и др., основали въ Москвѣ общество русскихъ драматическихъ писателей и композиторовъ. При отчетѣ 25-лѣтняго юбилея этого общества приложена фототипія, на которой изображена группа учредителей. Кромѣ драматурга Островскаго, у Кашперовыхъ бывалъ его братъ — Петръ Николаевичъ, — необыкновенно одаренный, исключительно начитанный человѣкъ, по характеру совершенная богема. Онъ пробовалъ служить, но мѣнялъ службу на чтеніе книгъ, поглощая ихъ безъ конца. Онъ былъ другомъ моего отца и бывалъ у насъ чуть не ежедневно.

Хорошъ съ Кашперовыми былъ и Михаилъ Николаевичъ Островскій, министръ государственныхъ имуществъ, человѣкъ очень сдержанный и болѣе сухой. Встрѣчалъ я тутъ же и четвертаго брата драматурга — Андрея, пріѣзжавшаго, если не ошибаюсь, изъ Казани. Кажется, всѣхъ братьевъ Островскихъ было пятеро.

Высоко почитала Москва Александра Николаевича, и тѣмъ не менѣе, по словамъ Горбунова, домъ, гдѣ жилъ въ первое время геніальный драматургъ и гдѣ онъ написалъ первыя пьесы, былъ сданъ впослѣдствіи подъ кабакъ.

Л. Н. Толстой говорилъ одной изъ дочерей Кашперо-

ва, встрѣчавшейся съ нимъ, что языкъ Островскаго — это жемчугъ. Что ни слово, то жемчужина.

Семьи Кашперовыхъ, Садовскихъ, Островскихъ и др. справедливо считались очагами московской культуры. А сколько тогда было такихъ центровъ!

Всѣмъ своимъ гостямъ, которые пѣли или играли на струнныхъ инструментахъ, аккомпанировалъ самъ Кашперовъ. Онъ отлично игралъ на роялѣ и считался однимъ изъ лучшихъ учениковъ Гензельта. Фигура Владиміра Никитича, отличавшагося высокимъ ростомъ, доминировала надъ всѣми, и даже И. С. Тургеневъ, который тоже былъ высокъ, былъ ниже Кашперова.

Въ памяти моей сохранилась еще встрѣча съ Кашперовымъ и Петромъ Островскимъ, когда они пришли къ отцу въ гости. Мы жили тогда на Спиридоновкѣ. Кашперовъ и П. Островскій застали отца, но быстро ушли: они увидѣли полный разгромъ квартиры, наполненной арестантами въ сѣрыхъ курткахъ.

Въ Москвѣ былъ обычай приглашать арестантовъ для переноски вещей. Они являлись въ сопровожденіи конвойнаго и работали охотно и энергично. На чай имъ давать запрещалось, а принимавшихъ «чаевыя» строго наказывали. Тѣмъ не менѣе, правило это обходили и арестанты, и добрые люди, жалѣвшіе ихъ.

Къ этимъ арестантамъ у насъ всѣ относились сердечно, угощали ихъ. Обычай приглашенія арестантовъ для работы считался особенно гуманнымъ: несчастные, благодаря этому, видѣли свѣтъ Божій, прогуливались и по окончаніи срока заключенія получали заработную плату на руки.

Говорили, что въ домѣ какого-то купца въ Замоскворѣчьи, когда у него работали арестанты, пропали часы. Обыскъ не далъ результатовъ, но тѣмъ не менѣе заподозрѣнныхъ въ кражѣ начальство преслѣдовало и оставляло безъ работы.

Часы купецъ нашелъ, и это на него такъ подѣйствовало, что онъ послалъ работавшимъ у него арестантамъ денежную награду, подарилъ что-то конвойному и покаялся въ своемъ грѣхѣ, уѣхавъ въ монастырь, гдѣ горько плакалъ.

Въ большіе праздники богатые москвичи, нерѣдко безъ всякихъ просьбъ, посылали арестантамъ деньги, и, кромѣ того, существовалъ обычай посылать подъ Пасху калачи, крашеныя яйца и всякіе припасы на розговѣны «несчастненькимъ», какъ называли тогда заключенныхъ.

Но не только награждали московскіе благотворители арестантовъ передъ праздниками. Думали и о нищихъ. Наша домовая хозяйка раздавала нищимъ и бѣднякамъ билетики на право помыться въ банѣ и получить безплатный вѣникъ, чтобы попариться.

Хозяйка эта была извѣстна тѣмъ, что никогда не ѣздила по желѣзной дорогѣ...

Какихъ, какихъ оригиналовъ не видѣла старая Москва, такъ геніально запечатлѣнная своимъ великимъ бытописателемъ А. Н. Островскимъ...

Москва издавна гордилась своими «полубогами» — Катковъ, Захарьинъ, Плевако, Лентовскій и др.

Пріѣхавъ какъ-то въ Первопрестольную, я зашелъ на сцену Малаго театра, въ уборную извѣстнаго тогда актера М. А. Рѣшимова, на сестрѣ котораго былъ женатъ знаменитый віолончелистъ и директоръ Петербургской Консерваторіи К. Ю. Давыдовъ. У Рѣшимова я возобновилъ знакомство съ М. В. Лентовскимъ, служившимъ тогда въ томъ же Маломъ театрѣ. Служилъ онъ здѣсь только чести ради, чтобы называться актеромъ Императорскихъ театровъ.

Лентовскій былъ въ то время антрепренеромъ моднаго сада «Эрмитажъ» на Антроповскихъ Ямахъ, гдѣ вся Москва проводила вечера. Онъ завоевалъ симпатіи москвичей, и его

опереточный театръ, для котораго онъ собралъ, или вѣрнѣе создалъ, исключительную по талантамъ труппу, гремѣлъ на всю Москву. Въ этой группѣ блистали «Саша» Давыдовъ (настоящее имя его было — Карапетъ), Родонъ, Зорина, Бѣльская и пр. восходящія звѣзды.

М. В. Лентовскій пригласилъ меня притти вечеромъ въ театръ, чѣмъ я и воспользовался. Шла оперетта «Синяя Борода». Я убѣдился, что подобнаго опереточнаго театра ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ еще не было. Не говоря уже объ огромномъ оркестрѣ, огромномъ хорѣ и рѣдкихъ по роскоши костюмахъ и декораціяхъ, исполненіе было совершеннымъ. А. Д. Давыдовъ былъ кумиромъ публики, особливо ея дамской половины... Такого изящнаго, романтичнаго и мѣстами веселаго рыцаря «Синей Бороды» мнѣ не случалось видѣть ни у насъ, ни за границей.

«Хижина» помѣщалась налѣво отъ входа въ Эрмитажъ. Когда я, потолкавшись въ толпѣ, пришелъ туда, магъ и волшебникъ, какъ звали Лентовскаго, одѣтый въ русскій армякъ съ ременчатымъ поясомъ, сидѣлъ за столомъ. На груди у него висѣла цѣлая гроздь медалей, жетоновъ и разныхъ знаковъ. Его окружало нѣсколько секретарей или «тѣлохранителей», наряженныхъ въ точно такіе же костюмы, какъ и самъ Михаилъ Валентиновичъ.

Въ дождливую погоду Лентовскій и его приближенные щеголяли по саду въ черныхъ плащахъ, напоминая мнѣ ряженыхъ разбойниковъ изъ «Горячаго сердца» Островскаго

Лентовскій, какъ объяснилъ мнѣ кто-то изъ состоявшихъ при немъ, занятъ конкурсомъ на поставку матеріаловъ для новой оперетки, но что сейчасъ все кончится и посторонніе уйдутъ. Три коммерсанта объявили Лентовскому свои цѣны — 25, 20 и 14 тысячъ рублей. Михаилъ Валентиновичъ вынесъ рѣшеніе: отдать заказъ тому, кто спросилъ съ него дороже. Соперничавшіе въ цѣнахъ очень обидѣлись, указывая, что надо было предпочесть ихъ.

— Я предпочелъ того, кто спросилъ съ меня дороже, — сказалъ Лентовскій, — потому что знаю, что это стоитъ дорого, но будетъ хорошо. А на ваши цѣны хорошаго сдѣлать нельзя.

Лентовскій пригласилъ обидѣвшихся поставщиковъ ужинать, и все обошлось благополучно. Пили и ѣли много и жадно.

Михаилъ Валентиновичъ никогда не считался съ экономіей въ своемъ предпріятіи, дѣйствительно не останавливаясь ни передъ какими расходами. Не экономничалъ онъ и въ личной жизни, проживая огромныя деньги, вѣчно принимая гостей, раздавая направо и налѣво безъ счета деньги друзьямъ и пріятелямъ.

«Эрмитажъ» давалъ ему не разъ по двѣсти тысячъ рублей чистой прибыли за лѣтній сезонъ, а въ коронаціонный годъ эта прибыль возросла, какъ говорили, до трехсотъ тысячъ рублей. Но въ результатѣ Лентовскій всегда имѣлъ дефицитъ. Большую часть его доходовъ поглощалъ садовый буфетъ, арендованный Будановымъ. Послѣдній платилъ Лентовскому большія деньги за аренду буфета, но не только возвращалъ ихъ съ барышемъ отъ самого Лентовскаго, но представлялъ къ концу сезона Михаилу Валентиновичу гигантскіе счета за забранныя у него яства и питье.

Бражничали у Лентовскаго въ «Хижинѣ» вплоть до утренняго кофе, а то, глядишь, и до завтрака.

«Магъ и волшебникъ», бывало, выйдетъ утромъ изъ своей хижины, умоется холодной водой, а черезъ два-три часа командуетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, на репетиціяхъ.

Масштабъ московскаго «полубога» во всемъ и всегда поражалъ грандіозностью, гомеопатическихъ дозъ въ своихъ затратахъ онъ не зналъ и кулакомъ, выжимавшимъ барыши, никогда не былъ. Трудъ своихъ артистовъ онъ расцѣнивалъ такъ широко, что другіе театральные предпринимате-

ли, завидовавшіе ему, возмущались имъ: онъ страшно поднялъ вознагражденіе исполнителей. Когда Лентовскій позднѣе привезъ свою труппу въ Петербургъ, онъ прямо поразилъ петербургскую публику ансамблемъ и постановками, превосходившими часто Императорскіе театры.

Въ подмосковныхъ дачныхъ мѣстностяхъ тогда были въ модѣ балы подъ открытымъ небомъ. Устраивались они вскладчину по подпискѣ. Дачники приглашали военный оркестръ, очищали и утрамбовывали площадку, украшали ее разноцвѣтными фонариками, приносили съ собой стулья и устраивали буфетъ. При такой незатѣйливой обстановкѣ веселились и плясали до утра. Любимыми танцами тогда были кадриль, полька, вальсъ въ два па, мазурка, лансье и пр., и пр. Выбирали распорядителя танцевъ, отдавая обыкновенно преимущество молодымъ офицерамъ.

Распорядитель такъ громко кричалъ, дирижируя, что къ утру оставался безъ голоса.... «Шанжэ во дамъ!», «Балансэ!», «Плю дантрэнъ!», «Шенъ шинуазъ», «Гранъ ронъ», «Вояже»... Вотъ только до этого «вояже» доберутся, такъ и потянутся гирляндой по ближайшимъ дорожкамъ и даже по чужимъ садамъ, а когда возвратятся, то на распорядителя смотрѣть жалко. Потъ льетъ градомъ, щеки горятъ, а на лицѣ сіяющая улыбка: угодилъ всѣмъ! Эти балы я видѣлъ въ Петровско-Разумовскомъ, въ Давыдовкѣ, въ Мазиловѣ, Останкинѣ и во многихъ другихъ дачныхъ мѣстностяхъ. Во Владыкинѣ такіе балы отличались уже фешенебельностью: здѣсь игралъ оркестръ Сумского драгунскаго, а потомъ гусарскаго полка, и веселиться пріѣзжали многіе изъ Москвы. Почти послѣ каждаго такого лѣтняго бала вскорѣ приходилось узнавать о помолвкахъ и свадьбахъ.

Въ болѣе близкія къ намъ времена въ Москвѣ любили танцовать подъ рояль, на которомъ игралъ свои произведе-

нія Лабади, композиторъ вальсовъ, полекъ, кадрилей и пр. Особеннымъ успѣхомъ пользовался его вальсъ «Майскій вѣтерокъ» и «На волнахъ».

Изъ публичныхъ баловъ, не считая, конечно, баловъ московскаго дворянства, наиболѣе пышнымъ считался балъ Инженернаго училища въ залахъ Благороднаго Собранія, которыя были декорированы съ удивительной роскошью: пальмами, цвѣтными фонтанами. Впослѣдствіи эти балы были перенесены въ помѣщеніе Инженернаго училища.

Пользовался у москвичей успѣхомъ и ежегодно устраиваемый балъ прессы въ Дворянскомъ собраніи. Но гвоздемъ сезона можно было назвать балъ въ пользу театральнаго общества, устраивавшійся А. А. Бахрушинымъ. Устроитель умѣлъ привлекать къ участію всѣ первыя артистическія силы Москвы, изобрѣталъ разные трюки, и ему театральное общество навсегда останется благодарнымъ. Самому А. А. Бахрушину этотъ балъ обходился не дешево: онъ затрачивалъ на него много своихъ личныхъ средствъ.

Незабываемымъ вечеромъ для москвичей остается грандіозный балъ во время Великой войны, устроенный въ Большомъ театрѣ въ пользу раненыхъ въ первый день Рождества. До этого времени подобныя развлеченія — въ первый день праздника — были воспрещены. На этотъ разъ испрошено было высочайшее разрѣшеніе. Директоръ театровъ Теляковскій говорилъ мнѣ, что иниціаторами этого праздника были балерина Балашова и М. М. Мордкинъ. Чистый сборъ достигъ 200 тысячъ рублей.

Не только сцена, полъ которой былъ сравненъ со зрительнымъ заломъ, была занята публикой, но даже царскія комнаты предоставили въ распоряженіе устроителей. Въ нихъ разыгрывалась лотерея, выигрыши для которой жертвовали первыя торговыя фирмы Москвы. Охотный рядъ прислалъ много «живности», кто-то пожертвовалъ двухъ рысаковъ и т. д.

Фуроръ произвело, когда на сцену вывели лошадей, поросятъ, куръ, свиней, гусей и пр. Они подняли такой концертъ, какого императорская сцена еще никогда не слышала. Весь этотъ балъ отличался московскимъ масштабомъ и говорилъ объ исключительной широтѣ московскаго общества, откликавшагося на все русское, національное.

Наѣзжая въ молодые годы въ Москву, я встрѣчалъ тамъ Константина Августиновича Тарновскаго, стараго барина, гурмана и извѣстнаго драматурга, славившагося своими передѣлками французскихъ пьесъ на русскій языкъ. Съ репертуара не сходили комедіи его «Тетеревамъ не летать по деревамъ» и другія. Тарновскій пригласилъ меня обѣдать въ Купеческій клубъ, занимавшій еще старое помѣщеніе. Въ столовой было всего нѣсколько членовъ клуба. Вошелъ высокій, элегантный человѣкъ, красивый, съ жидкими усами, рѣдкой растительностью вмѣсто бороды. Улыбка незнакомца мнѣ показалась мефистофельской.

— Кто это такой? — заинтересовался Тарновскій, — породистый, изящный, съ военной выправкой... Не встрѣчалъ его никогда.

Незнакомецъ заинтриговалъ многихъ членовъ Купеческаго клуба. Тарновскій не выдержалъ и побѣжалъ узнать, кто этотъ неизвѣстный гость, а послѣдній усѣлся въ столовой и спросилъ обѣдъ и бутылку шампанскаго.

— Кто? — спросилъ я у Тарновскаго, возвратившагося въ столовую.

— Потомъ скажу.

Когда мы вошли въ читальню, Константинъ Августиновичъ сказалъ:

— Это знаменитый авантюристъ «корнетъ Савинъ»... Справлялся, на чье имя онъ вошелъ. Оказывается, назвалъ

чье-то, вѣроятно наудачу, а швейцаръ, видя передъ собой столь почтенную фигуру, произнесъ: пожалуйте!

Савинъ оставался довольно долго въ клубѣ, но видя, что всѣ его съ любопытствомъ разглядываютъ, отбылъ, не забывъ заплатить за обѣдъ.

Вскорѣ я встрѣтилъ корнета Савина въ Петербургѣ, въ редакціи «Петербургской Газеты», куда онъ принесъ свои воспоминанія. Редакторъ испугался и просилъ меня выйти къ нему. Мнѣ удалось убѣдить Савина, что мемуары не входятъ въ программу нашей газеты. Савинъ былъ изысканно любезенъ.

Въ тотъ же день вечеромъ я посѣтилъ отмѣченный еще Щедринымъ увеселительный садъ «Демидронъ». Въ антрактахъ, когда я гулялъ по саду съ редакторомъ «Новаго Времени» М. П. Федоровымъ, насъ разъединилъ врѣзавшійся между нами сзади и взявшій насъ подъ руки Савинъ. Онъ зналъ уже и Федорова, такъ какъ приносилъ воспоминанія и ему.

— Господа, — сказалъ Савинъ, — по стакану Редерера!

Мы благодарили, отговариваясь, что много пили за обѣдомъ.

Не преувеличивая, скажу, что впечатлѣніе, произведенное Савинымъ, было безусловно въ его пользу. Только репутація «корнета» страшила всѣхъ.

ПУШКИНСКІЙ ПРАЗДНИКЪ ВЪ МОСКВѢ (1880 Г.).

Открытіе памятника А. С. Пушкина въ Москвѣ было незабываемымъ праздникомъ русской литературы.

Москва взяла въ свои руки организацію этого культурнаго торжества и, какъ всегда, устроила все въ широкомъ масштабѣ. Разославъ писателямъ и журналистамъ разныхъ газетъ приглашенія, Городское Управленіе предупредило, что для нихъ будутъ оставлены помѣщенія въ гостиницахъ Москвы и что въ опредѣленные дни изъ С.-Петербурга въ Москву отойдутъ спеціальные поѣзда для приглашенныхъ гостей. И поѣзда, и помѣщеніе Москва предоставила гостямъ безплатно.

Среди гостей были И. С. Тургеневъ, Ф. М. Достоевскій, Я. П. Полонскій, А. К. Майковъ, А. Н. Плещеевъ, Д. В. Григоровичъ и другіе. Еще въ вагонѣ Николаевской дороги писатели, раздѣлившіеся на маленькія группы, обсуждали значеніе московскаго празднества для русской литературы вообще, и значеніе открытія памятника ея геніальному родоначальнику, гордости Россіи. Полонскій, Майковъ и Плещеевъ читали одинъ другому стихи, посвященные Пушкину.

На лицахъ всѣхъ пассажировъ вагона можно было прочесть радостное настроеніе, какое-то, сказалъ бы, благоговѣніе. Не помню кто именно, но помню, что писателей

сопровождалъ делегатъ города Москвы. Все было организовано «по-московски», какъ говорилъ Достоевскій.

Мнѣ удалось ѣхать вмѣстѣ съ журналистами, въ томъ же вагонѣ. Корреспонденты принялись за работу тутъ же, сообщая подробности о литературныхъ поѣздахъ.

На Николаевскомъ вокзалѣ въ Москвѣ пріѣзжавшихъ гостей встрѣчалъ городской голова и кое-кто изъ московскихъ писателей и журналистовъ. Были приготовлены экипажи. Словомъ, никакихъ личныхъ заботъ и хлопотъ никому не предстояло. Ф. М. Достоевскій и мой отецъ А. Н. Плещеевъ получили комнаты въ Лоскутной гостиницѣ, гдѣ почти жилъ у отца и я, навѣщая его постоянно. Тутъ же не разъ я встрѣчалъ на лѣстницѣ Достоевскаго, поднимавшагося съ большимъ усиліемъ во второй этажъ. Управляющій гостиницей Шереръ и всѣ служащіе въ поясъ кланялись почетнымъ гостямъ. У каждаго гостя въ его комнатѣ, на столѣ стояли записи дней и часовъ празднества, пригласительные билеты на торжественныя засѣданія Общества любителей россійской словесности въ залѣ Россійскаго Благороднаго Собранія, на торжественное засѣданіе въ Московскомъ университетѣ и т. д. Билеты для присутствія на открытіи памятника на площади у Страстного монастыря были присланы всѣмъ въ Петербургъ.

На Тверской улицѣ, около гастрономическаго магазина Бѣлова, я увидѣлъ высокую фигуру, немедленно узнанную прохожими. Это былъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Гдѣ жилъ въ Москвѣ Тургеневъ, я точно не помню, но онъ сказалъ, что отказался отъ приготовленныхъ ему комнатъ въ гостиницѣ и остановился у своихъ московскихъ друзей на Пречистенскомъ или Никитскомъ бульварѣ.

Въ лавочкахъ и магазинахъ, а также у продавцовъ на улицѣ можно было видѣть медали съ изображеніемъ памятника Пушкину, бумагу съ портретомъ поэта, изображеніе домика Пушкина въ селѣ Михайловскомъ, алебастровыя

изображенія памятника, фотографіи, альбомы и всевозможныя бездѣлушки, которыя я, лѣтъ десять назадъ, увидѣлъ еще разъ въ пушкинскомъ музеѣ Онѣгина въ Парижѣ. Къ Онѣгину меня привелъ его пріятель, библіофилъ и знатокъ литературы, В. П. Катеневъ.

Площадь передъ Страстнымъ монастыремъ выглядѣла парадной, кое-гдѣ висѣли флаги, гирлянды изъ кленовыхъ листьевъ, городскіе гербы и пр. Часть площади, примыкающая къ памятнику, затянутому парусиной, была отгорожена. Сюда допускали только получившихъ пригласительные билеты. Народъ толпился вокругъ этого мѣста съ ранняго утра. День былъ ясный и солнечный. Представители Городской Думы, съ бантиками въ петлицахъ, помогали полиціи въ заботахъ о порядкѣ.

Начали собираться гости. Нѣкоторые изъ нихъ, явившіеся рано, пользовались случаемъ, чтобы осмотрѣть Страстной монастырь, въ галлереѣ котораго въ оконномъ пролетѣ я засталъ Тургенева, Полонскаго и Плещеева.

Къ памятнику собрались мѣстныя власти. Пришелъ А. А. Пушкинъ, сынъ поэта, въ мундирѣ одного изъ гусарскихъ полковъ, наконецъ, прибылъ принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, которому поручено было открыть памятникъ поэту въ Москву. Онъ занялъ мѣсто впереди всѣхъ, а недалеко отъ него стоялъ А. А. Пушкинъ, которому множество лицъ пожимали руки, привѣтствуя съ предстоящимъ торжествомъ.

Писатели распылились въ толпѣ. По знаку, данному принцемъ Ольденбургскимъ, который, если не ошибаюсь, перерѣзалъ лично какой-то шнурокъ, спала пелена, и передъ нами выросла бронзовая фигура поэта... Всѣ обнажили головы. Взволнованный смотрѣлъ на памятникъ А. А.

Пушкинъ, по лицу котораго нѣтъ-нѣтъ, да скатывались слезы.

Принцъ Ольденбургскій жалъ ему руку и что-то говорилъ, А. А. Пушкинъ благодарилъ его.

Сходство лица А. А. Пушкина съ лицомъ его отца, запечатлѣвшимся въ нашей памяти по портретамъ, представлялось исключительнымъ. Самое сознаніе, что передъ нами сынъ Пушкина, заставляло волноваться. Мы переживали съ чувствомъ глубокой радости этотъ праздникъ русской литературы. Благоговѣніе охватило всѣхъ присутствующихъ.

Торжественныя засѣданія Общества любителей россійской словесности въ домѣ Россійскаго Благороднаго Собранія были сердцемъ всего пушкинскаго праздника въ Москвѣ. Едва ли не въ первый разъ въ жизни русское общество очутилось съ глазу на глазъ почти со всѣми корифеями своей литературы во главѣ съ Тургеневымъ и Достоевскимъ. Встрѣча эта не можетъ изгладиться изъ памяти тѣхъ, кто ее видѣлъ. Встрѣча была бурная, трогательная и величественная.

Появленіе Тургенева и Достоевскаго ознаменовалось небывалыми оваціями. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, встали со своихъ мѣстъ.

— Оставайтесь съ нами! — кричали Тургеневу.

На эстрадѣ зала Благороднаго Собранія полукругомъ стояли стулья, на которыхъ во время засѣданія сидѣли писатели и другія лица, имѣвшія близкое отношеніе къ торжеству. Участвовавшіе выходили съ лѣвой стороны отъ публики изъ особой комнаты, отведенной въ ихъ распоряженіе.

Вершиной Пушкинскаго праздника въ Благородномъ Собраніи была, конечно, знаменитая рѣчь Федора Михайловича Достоевскаго.

Писатель читалъ ее, стоя у маленькой кафедры, а не сѣлъ за столъ, какъ читали свои произведенія другіе.

Съ того момента, когда стихла овація, встрѣтившая писателя, и Федоръ Михайловичъ приступилъ къ чтенію, — бурные аплодисменты прерывали рѣчь, и писателю приходилось читать ее съ перерывами. Аплодисменты и восторженные крики росли и росли. Всѣ были потрясены словами и убѣдительностью Достоевскаго.

Незабываемъ былъ моментъ, когда Достоевскій, упоминая о художественномъ обликѣ Татьяны, подобнаго которому онъ не зналъ въ нашей литературѣ, словно спохватился, повернулъ голову, взглянулъ на сидѣвшаго позади И. С. Тургенева и добавилъ: «И вотъ еще... и вотъ еще... образъ Лизы въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ» И. С. Тургенева...».

Аудиторія опять прервала Достоевскаго, и залъ огласился криками и аплодисментами по адресу, какъ это было ясно, Тургенева. Иванъ Сергѣевичъ не принялъ этого на свой счетъ и аплодировалъ Ф. М. Достоевскому. Отношенія между этими двумя писателями не были тогда близкими, и кто это зналъ — а знали почти всѣ — были потрясены происходившимъ. Словно вотъ они обнялись и расцѣловались...

Въ залѣ потомъ говорили, что И. С. Тургеневъ прослезился, но сумѣлъ сдержать свои нервы.

Когда Достоевскій закончилъ свою рѣчь, восторги публики перешли границы. Толпа, особливо молодежи, бросилась къ эстрадѣ, крича... Шумъ несся страшный, какъ будто рычало невиданное чудовище... Овація стихла лишь тогда, когда объявили, что Достоевскій чувствуетъ себя плохо и проситъ извиненія, что не въ силахъ выйти.

Потрясающее впечатлѣніе, произведенное рѣчью Достоевскаго, перенеслось съ быстротой молніи за стѣны Благороднаго Собранія въ городъ, и можно безъ преувеличенія сказать — выросло въ историческое событіе. Только о Достоевскомъ въ Москвѣ и говорили. Казалось, весь празд-

никъ Пушкина заключался именно въ этой рѣчи, а прочее отодвинуто на задній планъ.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, очутившійся въ самомъ невыгодномъ положеніи, потому что ему приходилось говорить послѣ Достоевскаго, началъ съ того, что заявилъ:

— Федоръ Михайловичъ сказалъ все, что можно было сказать... Большаго не скажешь... Добавить нечего.

За три года передъ Пушкинскимъ праздникомъ мы хоронили въ петербургскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ Николая Алексѣевича Некрасова.

Передъ открытой могилой поэта, его напутствовалъ словомъ Ф. М. Достоевскій, напомнившій толпѣ, что Некрасовъ былъ первымъ послѣ Пушкина. Нѣсколько голосовъ молодыхъ людей, окружавшихъ могилу и взобравшихся на деревья сосѣднихъ могилъ, прервали оратора восклицаніями:

— Онъ для насъ выше Пушкина! Пушкинъ и Лермонтовъ — это «байронисты»!

— Нѣтъ, онъ ниже Пушкина! — оборвалъ ихъ твердымъ голосомъ Федоръ Михайловичъ.

Споръ не разгорѣлся и быстро смолкъ, а Достоевскій продолжалъ рѣчь.

Впрочемъ, ему кричали еще: «Федоръ Михайловичъ, запахните шубу... Морозъ, вы простудитесь!» Достоевскій подчинился и, держа въ рукахъ шапку, размахивалъ ею, продолжая рѣчь.

Помню, какъ тогдашніе фельетонисты и публицисты, въ родѣ Григорія Градовскаго, хотѣли раздуть шумиху изъ пререканій между молодежью и писателемъ, доказывая, что молодежь была «возмущена» Достоевскимъ. Это было настолько преувеличено и неправдоподобно, что успѣха не имѣло. Можно было не соглашаться съ Достоевскимъ, но Некрасова онъ вспоминалъ съ любовью и скорбью, совер-

шенно искренними... Федору Михайловичу никакого скандала молодежь не дѣлала.

И вотъ какое противорѣчіе!

Русская учащаяся молодежь увѣряла, что Пушкинъ только «байронистъ», а три года спустя, славословила въ той же Москвѣ того же Достоевскаго, вознесшаго Пушкина на еще болѣе недосягаемую высоту.

Во время антракта на торжественномъ засѣданіи, послѣ рѣчи Достоевскаго, Д. И. Григоровичъ сообщилъ, что Ф. М. Достоевскій чувствуетъ себя лучше и желаетъ проститься съ московскимъ обществомъ.

Снова съ лѣвой стороны показалась утомленная фигура Достоевскаго. Выйдя впередъ, Достоевскій низко кланялся, а толпа неистово кричала... Увѣряли, но я не видѣлъ, что Достоевскому нѣсколько лицъ цѣловали руки. Видѣлъ я лишь, какъ множество людей, окруживъ Федора Михайловича при уходѣ его съ эстрады, жали ему руки. Онъ очутился буквально у живыхъ стѣнъ изъ публики.

Да... я видѣлъ и помню ясно этотъ праздникъ русской литературы подъ лучами пушкинской славы...

Вся Москва говорила только о рѣчи Достоевскаго. Послѣ своего тріумфа, Достоевскій возвратился въ гостиницу, какъ разсказывали ея служащіе, слабымъ и совсѣмъ уставшимъ, съ трудомъ и даже съ помощью швейцара и управляющаго Лоскутной поднявшись по ступенькамъ.

На другой день, или на третій — не помню, — въ Москвѣ, особливо въ кружкахъ интеллигенціи, разсказывали подробности объ обѣдѣ, данномъ въ честь гостей. Я не былъ на этомъ обѣдѣ и лишь смутно припоминаю разсказы о немъ.

Обѣдъ ознаменовался скандаломъ: М. Н. Катковъ поднялъ бокалъ за единеніе писателей, за прекращеніе раздоровъ и дѣленія на либераловъ и консерваторовъ, словомъ, за примиреніе. И. С. Тургеневъ не протянулъ руки Катко-

ву, всталъ и вышелъ изъ-за стола. За нимъ послѣдовали всѣ его единомышленники.

Передавали, что Тургеневъ возмутился и сказалъ, что шансы ихъ не равны, консервативная печать пользуется полной свободой и пишетъ все, что ей угодно, а либеральной зажимаютъ глотку. Разумѣется, московское общество раздѣлилось на двѣ части, и та часть, которая сочувствовала Тургеневу, оказалась куда больше, нежели почитатели Каткова.

Факты эти, повторяю, сохранились въ памяти моей туманно.

Покидая Москву, Ф. М. Достоевскій будто бы настойчиво отказывался воспользоваться предложеннымъ гостепріимствомъ города и желалъ во что бы то ни стало заплатить за свой пансіонъ въ Лоскутной.

Прошло 56 лѣтъ со времени Пушкинскаго торжества въ Москвѣ, и, я думаю, читатель проститъ мнѣ, если вкралась какая-нибудь неточность. Едва ли, впрочемъ, она есть.

Кромѣ Тургенева, Достоевскаго и Аксакова, выступали А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, А. Н. Плещеевъ и др. Аудиторія принимала всѣхъ горячо, заставляя поэтовъ повторять стихи.

Первые дни послѣ праздника, около памятника Пушкина толпился народъ и продолжалась продажа разныхъ сувенировъ о торжествѣ.

ПОСЛѢДНІЯ...

Дагеротипы и портреты дѣтства и юности такъ сильно запечатлѣлись въ моей памяти, что я ихъ мижу передъ собой и до сихъ поръ. Они даже не выцвѣли, не утратили своей яркости...

Рѣдко, но отчетливо я вижу передъ собой мелькающія тѣни былой сановитой Москвы, обитавшей въ своихъ особнякахъ и жившей своей особой, но совсѣмъ не замкнутой жизнью...

Лѣтъ пять-шесть назадъ былъ я въ Ниццѣ и пилъ чай у глубокаго старика князя Д. Оболенскаго, сохранившаго, однако, рѣдкую подвижность, интересъ къ искусствамъ, литературѣ...

Князь былъ пріятелемъ Л. Н. Толстого, портретъ котораго стоялъ на столѣ... Левъ Николаевичъ своей теплой надписью на портретѣ словно свидѣтельствовалъ тѣ пріятельскія отношенія, которыми Оболенскій гордился.

Князь со своей супругой, выброшенные революціоннымъ ураганомъ изъ Москвы, дѣлился со мной воспоминаніями о красотѣ старой жизни.

Во время нашей бесѣды въ дверяхъ показалась старая княгиня, въ накидкѣ, соломенной шляпѣ, перчаткахъ и съ зонтикомъ въ рукахъ. Я хотѣлъ встать, чтобы привѣтствовать ее, но князь шепнулъ:

— Не обращайте вниманія, она, бѣдная, ненормальна...

Старая княгиня, не обращая на насъ никакого вниманія, сдѣлала два круга по комнатѣ и произнесла:

— Подавать!

Она, очевидно, приказывала слугѣ, чтобы подавали, какъ всегда, лошадей.

Она «поѣхала» на Кузнецкій мостъ, въ Голофтѣевскую галлерею... Эта галлерея играла въ старой Москвѣ роль парижскаго магазина «Лувръ».

Княгиня ушла въ свою комнату, воображая, что сѣла въ карету, куда подсадилъ ее ливрейный лакей, и понеслась по пыльнымъ, тогда не знавшимъ поливки, московскимъ улицамъ.

Завидное, — думалъ я, — душевное состояніе... У княгини въ жизни все безъ перемѣнъ.... для нея все еще звонятъ московскіе колокола, созывая народъ къ пасхальной заутренѣ...

Мнѣ стало вдругъ жалко! Княгиня показалась мнѣ символической фигурой уходящей московской барыни... Старая барыня уходитъ въ вѣчность... Мы все рѣже и рѣже встрѣчаемъ ее среди выброшенныхъ ураганомъ обломковъ. Обломки раскиданы по пяти частямъ свѣта...

Скоро умеръ и почтенный старый князь, привлекательный баринъ, и старая княгиня, ѣздившая каждый день на Кузнецкій мостъ... Эту несчастную и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда счастливую старую барыню я не могу забыть.... Трогательный символъ старой московской жизни... Исчезаетъ та русская женщина, съ которой насъ познакомили когда-то Пушкинъ, Тургеневъ, Некрасовъ. Въ ней было много высокой красоты духовной, сердца, ума, вѣры и рѣшимости.

Да... Старая московская барыня — это фигура вовсе не

комическая и каррикатурная. Эта фигура теперь — трагическая.

На-дняхъ въ Парижѣ скончалась въ преклонномъ возрастѣ Софья Николаевна Глѣбова. Ну, что же! Скончалась какая-то Глѣбова, прочитали коротенькій некрологъ, объявленіе и опустили въ землю...

О Софьѣ Николаевнѣ Глѣбовой, московской барынѣ, о ея особнякѣ на Молчановкѣ, знала вся Москва, какъ о культурномъ дворянскомъ гнѣздѣ Первопрестольной. Послѣ революціи семья Глѣбовой частью очутилась въ Парижѣ. Высокую, сгорбленную старуху съ сумочкой и всегда съ какими-то сверточками я часто встрѣчалъ въ Парижѣ. Она напечатала въ «Фигаро» очень интересную страницу своихъ воспоминаній. Мнѣ она разсказывала о Л. Н. Толстомъ. Сынъ великаго писателя Михаилъ женатъ на дочери Глѣбовой.

Другая дочь Глѣбовой была замужемъ за сыномъ московскаго городского головы кн. Голицына; братья Глѣбовой — проф. Ев. В. Трубецкой, другой братъ — предводитель московскаго дворянства... Одна изъ внучекъ ея — замужемъ за сыномъ К. С. Станиславскаго.

Къ Софіи Николаевнѣ съ большимъ почтеніемъ относился московскій генералъ - губернаторъ вел. кн. Сергѣй Александровичъ. Окруженіе этой московской барыни показываетъ, что это была за фигура. Въ Москвѣ ходило много разсказовъ о разсѣянности и забывчивости Софіи Николаевны. Однажды она пригласила гостей къ обѣду и забыла объ этомъ. Въ назначенный день начали съѣзжаться приглашенные и позвонилъ по телефону великій князь, сообщивъ, что онъ, къ сожалѣнію, не можетъ пріѣхать. Сама хозяйка возвратилась поздно.

Комическое происшествіе разрѣшилось очень просто:

телефонировали въ ближайшій ресторанъ «Прага». Оттуда, словно по мановенію волшебнаго жезла, привезли роскошно сервированный обѣдъ.

Былъ, говорятъ, случай, когда разсѣянная Софія Николаевна совсѣмъ забыла о приглашенныхъ гостяхъ и осталась сама обѣдать у знакомыхъ.

Встрѣчалъ я на Ривьерѣ еще одну, едва ли не старшую московскую барыню, довольно властную, гордую. Въ Москвѣ про нее говорили, что она въ карты играла только въ перчаткахъ, чтобы не испортить холеныя ручки.

Она не была похожа на тѣхъ москвичекъ, о которыхъ я только что упоминалъ.

— Графъ Олсуфьевъ, — вспоминала она, — былъ чудаковатый старикъ... Наперекоръ всѣмъ, придумалъ для своего кучера бархатные наушники, разрѣшая надѣвать ихъ въ морозъ. Такъ всѣ и знали, — если на козлахъ кареты кучеръ съ ослиными ушами, значитъ — Олсуфьевъ ѣдетъ... Онъ, видите ли, объяснялъ, что онъ любитъ народъ и жалѣетъ его... Ну, такъ дай кучеру башлыкъ... Нѣтъ, уши ослиныя придумалъ...

Въ одной изъ южныхъ губерній одна богатая помѣщица, старая княжна, часто навѣщала своихъ знакомыхъ въ уѣздномъ городѣ. Пріѣзжала она въ просторномъ ландо съ выѣзднымъ лакеемъ. Ландо останавливалось у подъѣзда, указаннаго княжной, выѣздной соскакивалъ и звонилъ. Дверь отворялась, и изъ нея показывался швейцаръ. Всѣ швейцары барскихъ домовъ хорошо знали княжну въ лицо и почтительно ей кланялись.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, барыня дома...

Княжна, съ помощью своего выѣздного, вылѣзала изъ ландо и вдругъ останавливалась.

— Постой. Пойди, узнай сначала, Ефремъ, что сегодня у васъ поваръ господамъ на обѣдъ готовитъ?

— Слушаю-съ!

Швейцаръ бѣжалъ на кухню и быстро возвращался.

— Ну, что?

— Супъ съ фрикадельками, ваше сіятельство, битки въ сметанѣ и компотъ.

— Ничего этого не терплю! Поѣдемъ дальше! — командовала она кучеру. Ее подсаживали въ ландо, и прихотливая барыня уѣзжала, направляясь къ другимъ знакомымъ...

Въ Москвѣ, въ далекіе отъ насъ годы, проживала старушка княгиня Волконская, разорившаяся, оскудѣвшая, но старавшаяся поддерживать барскій тонъ жизни.

— Изъ какихъ она Волконскихъ? — спрашивали про нее.

— Изъ какихъ! — объясняла другая старая барыня. — Кто ее разберетъ! Волконскихъ да Оболенскихъ въ Москвѣ столько, что припомнить всѣхъ невозможно. Да что вамъ говорить... Въ Благородномъ собраніи былъ разъ концертъ, самъ Николай Рубинштейнъ игралъ. Вдругъ кто-то объявилъ, что въ домѣ князя Волконскаго, на Волховкѣ — пожаръ! Ну, всѣ Волконскіе повскакали со своихъ мѣстъ, и... половина зала оказалась пустой... Рубинштейнъ разсердился...

Оскудѣвшая старушка, о которой я говорилъ выше, ѣздила по Москвѣ на «Ванькѣ»... на самомъ бѣдномъ извозчикѣ, а на козлахъ, рядомъ съ извозчикомъ, едва ухитрялся помѣщаться ливрейный лакей Никифоръ, въ траченой молью и мышами ливреѣ съ гербами. Одна половина выѣздного лакея держалась въ саняхъ, а другая висѣла въ воздухѣ... Безъ своего человѣка княгиня не выѣзжала. Когда онъ умеръ, то въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» появилась публикація: «Старая барыня ищетъ выѣздного лакея, съ ба-

ками или бритаго. Съ усами просятъ не приходить». Наниматься приходило нѣсколько человѣкъ, но подходящаго нашли не скоро! Ливрея на енотовомъ мѣху отъ времени укоротилась, и потому высокіе люди не подходили, имъ прямо отказывали:

— Не подходишь, любезный, по длинѣ моей ливреи. Мнѣ нужно покороче! — говорила княгиня.

ЗАБЫТЫЙ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ колоннады Аничкова дворца, на углу Караванной улицы, помѣщалась популярная тогда кондитерская «Аколла». Она занимала нѣсколько залъ, окна которыхъ выходили на тротуаръ Невскаго проспекта. Мальчикомъ я бывалъ здѣсь съ отцомъ, а затѣмъ ходилъ сюда уже одинъ.

Петербуржцы здѣсь пили кофе, чай, ѣли бутерброды, забѣгали «заморить червячка» и заглянуть въ газеты. Въ то время жилыхъ помѣщенiй напротивъ, въ Аничковомъ дворцѣ, не было, а была колоннада. Много позднѣе между колоннами выложили каменныя стѣны, и получился невысокiй, тянувшiйся вдоль Невскаго и Фонтанки, флигель. Кондитерскую «Аколла» увѣковѣчилъ въ одной изъ своихъ поэмъ Некрасовъ. Поэтъ былъ и самъ не чуждъ этого уголка. Впослѣдствiи домъ перешелъ во владѣнiе Лихачева. «Аколла» безслѣдно исчезла.

Однажды, рано утромъ, возвращаясь съ именинъ прiятеля, шелъ я съ двумя сверстниками, и захотѣлось намъ выпить кофе. Завернули къ «Аколлѣ» и помѣстились у окна. Черезъ полчаса вошелъ человѣкъ въ скунсовой шапкѣ, въ пальто на мѣху, откуда высовывалась только сѣдая бороден-

ка; на ногахъ вошедшаго были высокіе ботики. Господинъ усѣлся недалеко отъ насъ и хриплымъ голосомъ приказалъ офиціанту подать ему стаканъ горячаго кофе со сливками и плюшку. Это былъ поэтъ Н. А. Некрасовъ.

— Принеси газету, — добавилъ Некрасовъ, — «С.-Петербургскія Вѣдомости».

Меня Николай Алексѣевичъ хорошо зналъ, но онъ не смотрѣлъ въ нашу сторону, а подойти къ нему я не рѣшался: онъ казался утомленнымъ и мрачнымъ.

Пошли догадки, откуда онъ появился такъ рано, и пріятель мой высказалъ предположеніе, что Николай Алексѣевичъ заигрался въ клубѣ и оттуда пѣшкомъ возвращался домой. Другой, однако, возразилъ, что едва ли изъ клуба, такъ какъ клубы закрывались раньше, или съ игроковъ взыскивались многотысячные штрафы... А по всей вѣроятности, онъ послѣ клуба игралъ еще гдѣ-нибудь въ частномъ домѣ. (Въ Петербургѣ, какъ извѣстно, всегда говорили, что поэтъ ведетъ огромную игру). Все могло быть, но сомнѣнія не было, что Некрасовъ гдѣ-то игралъ въ карты: онъ нервно вынималъ изъ кармана пачки денегъ и, небрежно взглянувъ на ихъ, снова совалъ «кредитки» въ карманъ.

Прочитавъ газету и выпивъ кофе, Николай Алексѣевичъ вышелъ отъ «Аколлы» и повернулъ направо, въ Караванную, пробираясь, очевидно, на уголъ Литейной и Бассейной, гдѣ онъ жилъ въ домѣ Краевскаго. Утро было чудное, морозное.

Къ нашему столу неожиданно подскочилъ общій другъ, водевильный актеръ Алексѣевъ, пожилой, маленькій, юркій и оживленный человѣкъ.

— Здравствуйте, ребята! Вы видѣли старика Перепельскаго, онъ сейчасъ здѣсь былъ... Что вы ротъ-то разинули?.. Перепельскій — театральный псевдонимъ поэта Некрасова.

— Мы всѣ его узнали, — возразилъ я.

— Сердитый былъ, — продолжалъ Алексѣевъ, — должно быть, продулся въ клубѣ. Меня узналъ. Въ прошломъ году онъ мнѣ за ложу въ мой бенефисъ хорошо отвалилъ. Я самъ къ нему билетъ возилъ. «Пошли, говоритъ, вамъ Господь собрать побольше». Супругѣ представилъ, Зинаидѣ Николаевнѣ. Рекомендовалъ сосѣда навѣстить, Андрея Андреевича Краевскаго. «Онъ, говоритъ, сдержанный... деньгу любитъ, но вы не смущайтесь...»

— И что же Краевскій?

— Десять рублей накинулъ, какъ призъ... А у меня здѣсь сегодня свиданіе — купца съ Лиговки поджидаю... Второго Островскаго нашелъ. Хочу его пьесу къ вамъ, въ Александринскій театръ, протащить.

Официантъ въ зеленомъ сюртукѣ, который намъ служилъ, замѣтилъ многозначительно и гордо:

— Самъ Некрасовъ у насъ сегодня былъ, вотъ тамъ сидѣлъ. Почаще бы заходилъ: на него публика идетъ. Увидятъ въ окно и зайдутъ посмотрѣть... Хорошо пишетъ. Нашъ, ярославскій!

Не заходя въ кондитерскую, мимо оконъ прошелъ, вѣроятно спѣша на репетицію въ Александринскій театръ, актеръ-водевилистъ Петръ Каратыгинъ, въ николаевской шинели и въ мѣховомъ картузѣ. Глядя на Каратыгина, на его старомодный обликъ, мнѣ всегда казалось, что я любуюсь осколкомъ предыдущаго царствованія. Да и безъ шинели, съ шеей, обмотанной чернымъ фуляромъ, съ торчащими изъ-подъ него бѣлыми язычками воротника, Петръ Андреевичъ оставался неизмѣнно такой же фигурой.

Быстро вошелъ къ кондитерскую и всѣмъ пожалъ руки сотрудникъ «Петербургской Газеты» Леонидовъ, авторъ разсказовъ изъ еврейскаго быта и репортеръ.

— Въ редакцію? — спросили его.

— Нѣтъ, оттуда уже.

— Такъ рано?

— Ходилъ самого майора Худякова захватить безъ свидѣтелей...

— Насчетъ аванса?

— Вчера письмо послалъ, 25 просилъ.

— Далъ?

— Встрѣтилъ дружественно. Иду, говоритъ, навстрѣчу вашему желанію.

— Далъ?

— Сунулъ въ руку... Я вышелъ на улицу, разжалъ кулакъ... гляжу: всего 10 рублей. У майора ужъ такая манера — уменьшать просимое сотрудниками наполовину. Что-то ужъ много онъ мнѣ сбавилъ... а вѣдь я ему сегодня далъ замѣтку «Пожаръ съ человѣческими жертвами»... Замѣтьте, съ тремя, и этого еще никто не зналъ, потому что горѣло-то не въ Петербургѣ, а въ Лиговѣ.. И всего 10 цѣлковыхъ!.. Другія газеты прозѣвали...

Кондитерская то наполнялась, то пустовала. Леонидовъ къ нѣкоторымъ обращался съ вопросомъ:

— Читали сегодняшнюю «Петербургскую Газету»?

— А что тамъ? Ваше что-нибудь?

— «Пожаръ съ тремя человѣческими жертвами», это мое... Тамъ есть просто «пожаръ» — это не мое, а съ «тремя человѣческими жертвами — это мое.

Сергѣй Николаевичъ Худяковъ, собственникъ и редакторъ «Петербургской Газеты», создалъ все это, обогатившее его впослѣдствіи дѣло, своимъ собственнымъ горбомъ. Съ половины девятаго утра и до половины третьяго дня онъ безпрерывно принималъ публику и сотрудниковъ, не имѣя при себѣ даже секретаря. Мудрено ли, что ему приходилось производить такой учетъ авансовъ.

Прежде Худяковъ состоялъ на военной службѣ и покинулъ ее въ чинѣ майора. «Майоромъ» его звалъ весь литературный Петербургъ.

По Невскому проспекту то и дѣло проѣзжали «конки»,

т. е. вагоны конно-желѣзной дороги, запряженые парой лошадей. Красные вагоны съ бѣлой отдѣлкой напоминали китайскіе домики на коробкахъ конфетъ. Отъ Николаевскаго вокзала до Адмиралтейства за верхнее мѣсто взимали 3 копейки, а внутри вагона 5 копеекъ. Не было, кажется, ни одного «перегона» безъ того, чтобы «конка» не сошла съ рельсъ, особливо — въ морозные дни. Тогда всю публику кондукторы приглашали къ участію въ водвореніи вагона на надлежащее мѣсто.

Съ «конками» чередовались на Невскомъ такъ называемые «щапинскіе дилижансы» или, зимой, «сани», извѣстные въ С.-Петербургѣ подъ названіемъ «40 мучениковъ». Эти экипажи были запряжены четверкой тощихъ клячъ, отсюда и произошло выраженіе: «тощъ, какъ щапинская кляча», встрѣчавшееся во многихъ литературныхъ произведеніяхъ того времени.

На общественныхъ саняхъ сидѣть было крайне неудобно, такъ какъ туда впихивали столько пассажировъ, сколько это было возможно, по мнѣнію кондуктора... Вотъ эти-то пассажиры и назывались сорока мучениками.

Въ парныхъ саняхъ, съ необыкновенно высокой спинкой, можно было видѣть изъ оконъ кондитерской проѣзжавшаго мимо моднаго тогда лейбъ-медика Сергѣя Петровича Боткина, изобрѣтателя «Боткинскихъ капель» и «Боткинскаго порошка».

Выпуклой фигурой столицы былъ оберъ-полицеймейстеръ Ф. Ф. Треповъ. Онъ ѣздилъ всегда на парѣ съ пристяжкой, стоя и держась одной рукой за воротникъ кафтана кучера, а другой грозя направо и налѣво, когда замѣчалъ какіе--нибудь непорядки на улицѣ.

Съ пристяжной ѣздилъ и брандмайоръ.

Много народа ходило и ѣздило по Невскому, но эти типичныя фигуры тогдашняго Петербурга уцѣлѣли незабываемыми въ памяти.

Наѣзжавшій изъ-за границы романистъ П. Д. Боборыкинъ былъ также гостемъ описываемой кондитерской, гдѣ встрѣчался иногда съ друзьями, и въ одномъ юмористическомъ журналѣ ему были посвящены слѣдующія строки:

Жилъ въ Парижѣ, на Ривьерѣ,
Знаменитый нашъ Бобо *),
Говорилъ онъ о Мольерѣ,
О Бальзакѣ, Мирабо,
О Жюдикъ, кафе-шантанахъ,
Крѣпко Францію любя....
Ну, а больше про себя,
Про красу своихъ романовъ.

Заглядывавшій сюда же драматургъ Д. Аверкіевъ, не любившій Боборыкина съ его западничествомъ, ехидно читалъ направо и налѣво стихи Шумахера:

Гнилому Западу въ угоду,
Его умомъ хотимъ мы жить,
И сдуру приняли методу
Все иностранное хвалить.

Нерѣдко встрѣчали у «Аколлы» знаменитаго балетнаго артиста и преподавателя танцевъ Тимофея Стуколкина. Онъ училъ танцамъ дѣтей высочайшихъ особъ, преподавалъ въ корпусахъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также и во многихъ аристократическихъ домахъ. Онъ не вылѣзалъ изъ фрака и носилъ его съ утра до вечера. Въ такомъ парадномъ видѣ онъ однажды пришелъ въ кондитерскую. Кто-то изъ случайныхъ посѣтителей, увидя человѣка утромъ во фракѣ, принялъ его за офиціанта и сказалъ:

— Я бы выпилъ чашку шоколаду.

---

*) Такъ называли въ шутку Боборыкина.

— И я бы тоже, — отвѣчалъ ему Стуколкинъ. — Распорядитесь, чтобы намъ подали двѣ чашки!

Посѣтитель такъ сконфузился, что предпочелъ незамѣтно исчезнуть.

Кромѣ танцевъ, Т. Стуколкинъ, по его словамъ, преподавалъ граціозныя движенія и хорошія манеры. Такъ, одного юнаго великаго князя онъ спрашивалъ:

— Ваше высочество, представьте себѣ, что въ вашемъ присутствіи дама уронила платокъ. Какъ вы поступите въ данномъ случаѣ? Вы должны его элегантно поднять и передать дамѣ. Или, если, напримѣръ, дама спроситъ ваше высочество: что это за книга около васъ? Вы должны встать... обязательно встать.... и, взявъ книгу, съ поклономъ передать ее дамѣ.

Мнѣ говорили, что этотъ талантливый артистъ умеръ, какъ солдатъ на своемъ посту, на сценѣ, во время представленія балета «Коппелія».

Смотря въ окна на Невскій проспектъ, я случайно увидѣлъ какъ-то старую барыню въ старомодномъ салопѣ и въ капотѣ, ѣхавшую на плохихъ саняхъ, запряженныхъ клячей, съ выѣзднымъ лакеемъ, примостившимся на узкихъ козлахъ, рядомъ съ извозчикомъ. Выѣздной былъ одѣтъ въ старую ливрею, а на головѣ у него былъ лаковый цилиндръ съ галунами.

Такъ и хотѣлось мнѣ крикнуть ей:

— Здравствуйте, бабушка! Я узнаю васъ, старую русскую барыню... Изъ какихъ вы, изъ какого рода? Изъ Тугоуховскихъ, Хлестовыхъ, или Фамусовыхъ?.. Помню васъ, бабушка, въ каретѣ, помню въ парныхъ саняхъ съ выѣзднымъ ливрейнымъ лакеемъ, гордо стоявшимъ на запяткахъ, помню васъ въ аллеяхъ Лѣтняго сада, сопровождаемой тѣмъ рослымъ слугою въ ливреѣ... Онъ же ожидалъ васъ въ вестибюлѣ Большого театра, съ вашимъ салопомъ въ рукахъ,

когда вы изволили присутствовать на представленіяхъ придворнаго балета...

Вы все та же... вы такъ же величественны, благородны, такъ же гордо поддерживаете свое дворянское достоинство... Васъ не смутилъ нагрянувшій расцвѣтъ оскудѣнія... Я скорблю и жалѣю васъ...

Часто мнѣ грезится чудесный Лѣтній Садъ. Я засталъ его, когда тамъ устраивались народныя гулянья съ благотворительными лотереями, приблизительно въ концѣ семидесятыхъ годовъ. На гуляньѣ собирались десятки тысячъ жителей столицы. Разыгрывались, напримѣръ, лошадь съ пролеткой и упряжью или корова. Счастливцевъ, на долю которыхъ выпадали выигрыши, толпа привѣтствовала криками «ура». Для «благородной» публики, для фешенебельнаго общества, въ Лѣтнемъ Саду, ближе къ Невѣ, на берегу Фонтанки, былъ открытъ ресторанъ Балашева, доступный по тому времени лишь людямъ состоятельнымъ. Въ обѣденные часы тутъ можно было встрѣтить «сливки» общества, какъ писали тогда фельетонисты «малой» прессы. Балашева, отлично кормившаго, осуждали за дорогія цѣны, за грабежъ публики. Въ дни народныхъ гуляній за входъ въ садъ платили по 50 и 30 коп. Въ обѣденные часы въ павильонѣ близъ ресторана игралъ оркестръ военной музыки. Пресса, укорявшая дворцовое вѣдомство за то, что оно допустило открыть въ Лѣтнемъ Саду ресторанъ и тѣмъ лишаетъ скромную публику вечернихъ семейныхъ прогулокъ, добилась, что ресторанъ закрыли. А когда закрыли, принялись возмущаться, почему закрыли: онъ-де никому не мѣшалъ. Надо было писать о чемъ-нибудь!

Въ царственныхъ густыхъ аллеяхъ Лѣтняго Сада, украшенныхъ безконечными вереницами старинныхъ мраморныхъ

бюстовъ, по большей части съ отбитыми носами, чувствовалось величіе далекаго прошлаго. Откуда попали сюда изуродованные бюсты боговъ, богинь и философовъ? Говорили, что часть ихъ была привезена изъ Царства Польскаго.

Въ Лѣтнемъ Саду нашли уютный уголокъ для памятника дѣдушкѣ Крылову, около котораго всегда толпилась дѣтвора, повторявшая его басни.

По утрамъ здѣсь любилъ прогуливаться императоръ Александръ II, для «случайныхъ» встрѣчъ съ которымъ жаловали сюда фрейлины и забытые старые генералы, чтобы напомнить о себѣ. Когда шелъ Государь, то впереди его показывались полицейскіе и агенты охраны, а позади наиболѣе приближенныя лица свиты. Какъ Россія помнитъ, въ Лѣтнемъ Саду, 4 апрѣля 1866 года раздался выстрѣлъ Каракозова. Это было сигналомъ цѣлой серіи дальнѣйшихъ покушеній и политическихъ убійствъ, заставившихъ содрогнуться всю Россію. Впослѣдствіи, на мѣстѣ покушенія, при выходѣ на Неву изъ Лѣтняго Сада, была сооружена часовня въ память избавленія Государя отъ опасности.

Помню, какъ Москва, гдѣ я провелъ дѣтскіе годы, была взволнована и потрясена, какъ къ намъ на дворъ приносили продавать лубочную картинку, изображавшую гусара съ женой, а также его алебастровые бюсты и газеты съ напечатанными крупнымъ шрифтомъ описаніями событій и пр.

Гусаръ былъ не кто иной, какъ Комиссаровъ-Костромской, который ударилъ стрѣлявшаго по рукѣ и тѣмъ спасъ царя.

Упомянувъ о покушеніи Каракозова на жизнь Александра II, я вспоминаю и нѣкоторыя подробности этого происшествія, о которыхъ я слышалъ, когда впослѣдствіи жилъ въ Петербургѣ.

Въ столицѣ, въ семидесятыхъ годахъ, пользовался извѣстностью и общими симпатіями докторъ Александръ Алек-

сандровичъ Кобылинъ. Онъ лѣчилъ меня и мою семью. Про него разсказывали, что наканунѣ покушенія въ Лѣтнемъ Саду, Каракозовъ пришелъ къ нему въ гости и остался ночевать. Эта случайность грозила Кобылину серьезной опасностью — онъ былъ привлеченъ къ дѣлу и ему пришлось предстать передъ судомъ.

Знаменитый дѣлецъ, юристъ Яковъ Марковичъ Серебрянный, въ то время начинающій адвокатъ, защищалъ Кобылина и спасъ его.

Около памятника И. А. Крылова, когда пахло уже весной и начиналъ таять снѣгъ, я однажды увидалъ на скамейкѣ сидѣвшаго въ глубокой задумчивости дряхлаго и рыхлаго человѣка. Это былъ И. А. Гончаровъ, творецъ «Обрыва», жившій недалеко отъ Лѣтняго Сада, на Моховой.

Видѣлъ здѣсь разъ Аполлона Майкова, кстати сказать, чудесно воспѣвшаго дѣдушку Крылова. Когда онъ самъ читалъ въ первый разъ это стихотвореніе, посвященное Крылову, на вечерѣ Литературнаго Фонда, ему была устроена шумная овація. Публично Аполлонъ Николаевичъ выступалъ рѣдко, читалъ онъ превосходно, отчеканивая каждое слово. Съ Майковымъ какъ-то я встрѣтилъ здѣсь И. А. Вышнеградскаго. Въ Лѣтнемъ Саду можно было часто видѣть великаго князя Константина Николаевича. Этотъ садъ, эти тѣни, живутъ въ моей памяти!

Какъ далеко это прошлое!..

З. Н. НЕКРАСОВА.

Помогай же мнѣ трудиться, Зина!
Трудъ — меня всегда животворилъ.
Вотъ еще красивая картина —
Запиши, пока я не забылъ.

Все, что связано съ дѣтствомъ и юностью, съ необыкновенной сохранностью запечатлѣлось въ моей памяти.

Воскресаетъ образъ замѣчательной русской женщины, о которой совсѣмъ почти не говорили, которую мало знали и которой восхищался очень ограниченный кругъ ея друзей. Сама она была чужда исканій популярности, желанія рисоваться и напоминать о себѣ.

Я говорю о Зинаидѣ Николаевнѣ Некрасовой, женѣ поэта, спутницѣ послѣднихъ годовъ его жизни.

Да это будетъ и кстати: вѣдь недавно исполнилось шестьдесятъ лѣтъ со дня смерти Некрасова.

Помню холодный рождественскій вечеръ, когда въ окнахъ сосѣднихъ съ Некрасовыми домовъ горѣли елки, которыми любовались прохожіе съ улицы.

Петербургъ узналъ о кончинѣ поэта, и около подъѣзда дома Краевскаго, на углу Литейной и Бассейной ул., замѣчалось усиленное движеніе. Много людей, особенно студентовъ, входили и выходили изъ подъѣзда, сообщая другъ другу какія-то таинственныя новости. Какъ бы случайно

прогуливался полицейскій офицеръ, не входившій въ подъѣздъ. Хотя кончину поэта нельзя было назвать неожиданной (ее ждали съ часу на часъ), но впечатлѣніе, произведенное ею, было очень сильное.

Некрасовъ, сходя въ могилу, какъ бы всенародно благословилъ Зинаиду Николаевну, посвятивъ ей нѣсколько стихотвореній въ «Послѣднихъ пѣсняхъ». — «Зина, усни», — такъ кончалось одно изъ нихъ.

Въ этомъ «усни» мы читаемъ благодарность умиравшаго поэта своему ангелу-хранителю.

Еще сильнѣе Н. А. подчеркнулъ свою любовь къ Зинаидѣ Николаевнѣ, обвѣнчавшись съ нею незадолго до своей кончины, будучи уже прикованнымъ къ постели.

Эта свадьба, происходившая въ такой исключительной обстановкѣ, какъ говорили, вызвала неудовольствіе высшаго духовнаго начальства по адресу прот. Горчакова, обвѣнчавшаго больного, лежавшаго въ постели Некрасова. По другимъ источникамъ, вѣнчаніе происходило съ разрѣшенія протопресвитера военнаго и морского духовенства, такъ какъ прот. Горчаковъ былъ священникомъ морского вѣдомства.

О. Горчаковъ, когда отпѣвалъ Некрасова, отмѣтилъ свое глубокое чувство любви къ поэту и съ волненіемъ вспомнилъ въ своемъ словѣ благоговѣйное, истинно-христіанское отношеніе поэта къ церкви, ярко звучавшее во многихъ его произведеніяхъ.

Я помню день этой свадьбы, помню какъ отецъ мой, А. Н. Плещеевъ, собирался на нее. Онъ долженъ былъ быть шаферомъ, но опоздалъ къ вѣнчанію; почему-то оно состоялось на полчаса ранѣе.

Дружба отца съ Некрасовымъ способствовала и моей близости къ семьѣ поэта. Я началъ ходить къ нимъ еще мальчикомъ 12-ти лѣтъ и въ теченіе пяти лѣтъ постоянно бывалъ у нихъ, проводя много времени съ Зинаидой Нико-

лаевной, такъ какъ Некрасовъ рѣдко сиживалъ дома. Она брала меня не разъ въ театры Большой и Александринскій.

Кто была Зинаида Николаевна? Гдѣ поэтъ нашелъ свое сокровище — я не знаю, но для него она была несомнѣнным сокровищемъ.

Она сумѣла сблизиться со многими сотрудниками «Отечественныхъ Записокъ», войти въ эту дружную литературную семью и жить отчасти ея интересами.

Трудно представить себѣ, какъ могла Зинаида Николаевна, молодая, красивая женщина, лѣтъ на двадцать моложе Некрасова, проводить время въ ихъ темной квартирѣ на Литейной, въ домѣ Краевскаго, выѣзжая иногда покататься по городу или вечеромъ въ театръ. Некрасовъ и въ театръ сопровождалъ ее рѣдко, пріѣзжая на спектакль всегда съ опозданіемъ. Въ ложу Некрасовы приглашали В. П. Гаевскаго, предсѣдателя Литературнаго фонда, если не ошибаюсь, присяжнаго повѣреннаго, моего отца, И. Ф. Горбунова и др., и нѣсколько разъ брали и меня съ собой.

Николай Алексѣевичъ не дожидался обыкновенно конца спектакля, исчезая въ клубъ, и Зинаида Николаевна развозила гостей. Частымъ гостемъ ея былъ другъ Николая Алексѣевича — Иванъ Федоровичъ Горбуновъ. Онъ съ ними и на охоту ѣздилъ, распоряжаясь на привалахъ хозяйственной частью, былъ онъ на почетномъ мѣстѣ и на домашнихъ обѣдахъ Некрасова и считался въ домѣ поэта своимъ человѣкомъ.

Зинаида Николаевна, по словамъ Горбунова, на этихъ обѣдахъ, среди личныхъ знакомыхъ поэта и часто нужныхъ ему лицъ, вела себя съ рѣдкимъ тактомъ, возбуждая общія симпатіи и создавая на рѣдкость уютную, интимную атмосферу.

Внѣшній образъ Зинаиды Николаевны способствовалъ впечатлѣнію, производимому ею на гостей.

Ея пепельные, свѣтлые волосы, добрые, лучистые гла-

за, открытый лобъ, профиль камеи, красивыя руки — не могли не нравиться.

Но весь этотъ чарующій, незабываемый обликъ З. Н., казалось, блѣднѣлъ передъ ея обликомъ духовнымъ, передъ ея умомъ и душевными качествами. Ея отношеніе къ поэту радовало всѣхъ друзей Некрасова.

Въ личную жизнь большихъ людей беззастѣнчиво и неделикатно вторгается сплошь и рядомъ улица, особливо въ жизнь писателей и актеровъ. Общественное мнѣніе въ такихъ случаяхъ создается на сплетняхъ, разговорахъ, слухахъ и клеветѣ. Въ чужой жизни роются безъ всякаго права, затрагивая самыя интимныя ея стороны.

Зинаидѣ Николаевнѣ Некрасовой посчастливилось, и имя ея всегда оставалось въ тѣни, словно ея и не существовало. Зато трепали и поносили имя самого поэта, обвиняя его въ лицемѣріи, прежде всего: пишетъ про нищету и бѣдность, а самъ не выходитъ изъ клуба! Я не знаю, какъ только ни чернили Некрасова! Зинаида Николаевна, какъ мнѣ постоянно приходилось слышать отъ людей, знавшихъ ее, отъ друзей Некрасова — сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ», и возмущалась этимъ, и страдала за него. Ея забота о Н. А. выражалась, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы создать для него благопріятную, спокойную атмосферу.

Вспоминается на рѣдкость доброе, можно сказать, заботливое отношеніе служащихъ у Некрасова къ Зинаидѣ Николаевнѣ. Всѣ были єю довольны, служили, чтобы угодить Некрасовымъ, а не по обязанности, не за страхъ, а за совѣсть. Самъ Некрасовъ смотрѣлъ на служившихъ у него Никанора и Василія, какъ на своихъ, никогда не возвышалъ голоса, а въ случаѣ какихъ-либо провинностей, ограничивался замѣчаніями въ дружескомъ тонѣ. Въ домѣ была, дѣйствительно, спокойная, мирная жизнь. Никакихъ церемоній, никакихъ барскихъ пріемовъ не существовало. Когда, бывало, входишь къ Некрасовымъ, словно къ себѣ входишь. Въ

передней стояло чучело огромнаго медвѣдя, убитаго на охотѣ, при участіи поэта.

По своей натурѣ, Зинаида Николаевна вовсе не была безвольной и смиренной, но доброе сердце, умъ и тактъ выработали у нея сдержанность, которой она не измѣняла, и не только для Некрасова, но, пожалуй, рѣшительно для всѣхъ.

— У нея на чердакѣ-то свѣтло, — говаривалъ Горбуновъ, показывая на свою голову, — подвезло поэту.

Многимъ изъ обращавшихся къ Некрасову, въ отсутствіи его, Зинаида Николаевна помогала, чѣмъ могла, особенно учащейся молодежи.

Она дѣлилась съ друзьями разсказами о Некрасовѣ, и я самъ слышалъ, и въ свою очередь передавалъ ихъ моимъ товарищамъ и друзьямъ. Возвращаясь нерѣдко домой разстроеннымъ и недовольнымъ, очевидно потерпѣвъ крушеніе въ клубѣ или у друзей, Некрасовъ уходилъ въ кабинетъ, садился за письменный столъ и писалъ часами. Иногда будилъ Зинаиду Николаевну, читалъ ей свои стихи, и она видѣла, что его настроеніе совсѣмъ уже другое, и онъ преображался, забывая въ моменты творчества всѣ непріятности.

Зинаида Николаевна какъ-то бережно взяла листокъ почтовой бумажки и показала мнѣ: «Это Николай Алексѣевичъ написалъ мнѣ вчера записочку въ стихахъ... Меня не было дома, а онъ уѣхалъ къ Краббе по дѣлу». Я помню и этотъ листокъ бумажки съ зеленоватыми перекрещенными иниціалами Н. Н. Поэтъ всѣмъ писалъ на такой бумагѣ, часто карандашемъ. Зинаида Николаевна говорила какъ-то, что къ Николаю Алексѣевичу пріѣхали студенты и привезли почетный билетъ на ихъ годичный балъ. Некрасовъ на эти балы молодежи не ѣздилъ, но давалъ часто за билетъ по сто рублей. «Пойдите къ Андрею Краевскому въ нашемъ же домѣ»,

посовѣтовалъ онъ молодымъ людямъ. Когда они ушли, Некрасовъ сказалъ: «Пусть раскошелится! Онъ этого не любитъ!» Андрей Александровичъ Краевскій *) обладалъ хорошими средствами, но былъ расчетливымъ человѣкомъ.

Некрасовъ, въ какомъ бы состояніи духа ни возвращался домой, радостномъ или угнетенномъ, съ проигрышемъ или выигрышемъ, не подвергался никакимъ допросамъ жены. Она всегда была одинаковая, привѣтливая, отлично угадывала настроенія его души, читая ихъ на его лицѣ, но оставалась спокойной, радовавшей его своей лаской. Ей дорогъ былъ Некрасовъ, и она стремилась беречь его нервы.

Но не только карточныя неудачи отражались на нервахъ Некрасова; онъ куда сильнѣе реагировалъ, когда цензура ополчалась на «Отечественныя Записки», и приходилъ порой въ отчаяніе при мысли, что журналъ могутъ прикончить.

Зинаида Николаевна и это умѣла отлично учесть, она волновалась не меньше поэта, боясь этой надвигающейся «грозы». Для нея «Отечественныя Записки» сдѣлались родными и дорогими. Ей самой жилось хорошо и спокойно, когда былъ спокоенъ Некрасовъ. Эту характеристику Зинаиды Николаевны мнѣ приходилось слышать отъ многихъ друзей поэта и сотрудниковъ его журнала, начиная съ отца. Они всѣ почитали Зинаиду Николаевну, какъ искренняго друга Николая Алексѣевича.

Умеръ Некрасовъ, умерла и Зинаида Николаевна. Дальнѣйшая ея жизнь для меня неизвѣстна. Говорили, что она примкнула къ сектѣ «пашковцевъ», затѣмъ узнали, что она уѣхала на жительство въ Саратовъ. Когда я ѣздилъ по Волгѣ, я посѣтилъ Саратовъ и узналъ отъ мѣстныхъ жителей, что Зинаида Николаевна скончалась. Жила въ послѣдніе годы въ нуждѣ. Этому имѣется подтвержденіе: газета «Рус-

*) Соиздатель «Отечественныхъ Записокъ».

ское Слово», узнавъ о тяжеломъ положенiи Зинаиды Николаевны, по инициативѣ С. В. Яблоновскаго, собрала для нея, кажется, шесть тысячъ рублей. Зинаида Николаевна принять эти деньги отказалась, прося отдать ихъ еще болѣе бѣднымъ. Отказъ этотъ снова напомнилъ о великодушномъ и добромъ, благородномъ сердцѣ Зинаиды Николаевны.

Послѣ кончины поэта, Зинаида Николаевна располагала, какъ всѣ знали, достаточной возможностью доживать свои дни. Когда и при какихъ обстоятельствахъ она обѣднѣла — неизвѣстно. Поговаривали, что она раздала что имѣла.

Мы, немногiе оставшiеся въ живыхъ современники Некрасова, навсегда сохранимъ въ памяти свѣтлый образъ чудесной русской женщины, подруги его жизни, согрѣвшей своей самоотверженной любовью послѣднiе дни поэта, полные тяжкихъ страданiй.

«САЛОНЪ ДЛЯ УЧАСТВУЮЩИХЪ».

Семидесятые годы. Зимній, мокрый вечеръ. На Невскомъ проспектѣ у Казанскаго моста подъѣздъ затянутъ полосатой, красно-бѣлой парусиной, что указывало на какое-то торжество въ этомъ домѣ.

Сегодня здѣсь, въ залѣ Купеческаго Собранія, — литературный вечеръ, съ участіемъ рѣдкаго гостя такихъ вечеровъ — поэта Н. А. Некрасова, согласившагося, противъ обыкновенія, принести себя въ жертву Литературному Фонду.

Билеты, еще до поступленія въ продажу, были расхватаны. Многимъ хотѣлось взглянуть на любимаго поэта.

Кромѣ Некрасова, должны были читать свои произведенія П. И. Вейнбергъ, А. Н. Майковъ, А. Н. Плещеевъ и другіе, имена которыхъ стерлись въ моей памяти .

Въ качествѣ родственника одного изъ участвующихъ и знакомаго почти всѣхъ остальныхъ, я испросилъ разрѣшеніе проскользнуть безъ билета въ «Салонъ для участвующихъ», какъ гласилъ прибитый на двери комнаты листокъ. По крайней мѣрѣ за часъ до начала вечера я и пришелъ туда.

Въ «Салонѣ» толпилась прислуга Купеческаго Клуба, сервировавшая чай для участвующихъ. Были вазы съ фруктами, было варенье, были двѣ бутылки вина, печенье и пр.

Я смѣло, какъ свой человѣкъ, вошелъ туда, снялъ и повѣсилъ пальто и присѣлъ въ уголку.

Торжественность уже давала чувствовать себя.

Вошелъ неизвѣстный, съ шипящимъ ароматнымъ куреніемъ, сдѣлалъ кругъ по комнатѣ, наполнилъ ее душистымъ паромъ и выскользнулъ въ боковую дверь.

Помню, какъ лакей взялъ бутылку мадеры, намѣреваясь откупорить, но другой, очевидно старшій, остановилъ его: «Я потомъ открою, не трогай!» Ясно было, что онъ, по опыту, предвидѣлъ всякія возможности.

Вскорѣ начали съѣзжаться участвующіе и близкіе имъ лица, подобныя мнѣ.

Показалась закутанная въ мѣховую шубу фигура И. Ф. Горбунова, непремѣннаго члена литературныхъ кружковъ, неподражаемаго по наблюдательности и таланту актера и писателя.

— Здравствуй! — обратился онъ ко мнѣ, протянувъ руку.

Въ этотъ моментъ вошелъ небольшой господинъ, радостно привѣтствовавшій Горбунова.

— Викторъ Павловичъ! — умилился Иванъ Федоровичъ и поцѣловалъ его трижды.

Это былъ, если память мнѣ не измѣнила, В. П. Гаевскій, предсѣдатель Литературнаго Фонда и личный другъ Некрасова.

— Ну, какъ, «ваше превосходительство», — послушать нашего великаго поэта пришли? — спросилъ онъ Горбунова, который, какъ всѣ знали, изображалъ созданнаго имъ самимъ генералъ-майора Дитятина, въ дѣйствительности никогда не существовавшаго.

Зажившійся на свѣтѣ генералъ, сверстникъ исчезнувшихъ поколѣній, получившій по завѣщанію отъ своей крестной матери Маріи Савишны право носить «помочи» изъ Геор-

гіевской ленты, какъ говорилъ Горбуновъ въ одномъ изъ своихъ шуточныхъ разсказовъ.

Поразительно было перевоплощеніе И. Ф. въ созданнаго имъ древняго старика, ворчуна-генерала.

— Литературу люблю... — немедленно захрипѣлъ онъ. — Вотъ Херасковъ умѣлъ взять быка за рога... А молодежь!.. Отставной коллежскій секретарь Тургеневъ, «Федоръ» Достоевскій, Григоровичъ... что они собой представляютъ?.. Щенки!.. Да и Некрасовъ тоже...

Генералъ Дитятинъ не докончилъ, потому что появился Петръ Исаевичъ Вейнбергъ, съ его длинной ветхозавѣтной бородой и головою, какъ сказалъ про кого-то тотъ же Горбуновъ, «напоминавшей стертый полтинникъ».

Горбуновъ всѣхъ поцѣловалъ по очереди и по три раза.

— Пророку почтеніе! — привѣтствовалъ онъ Вейнберга. Вейнбергъ привелъ съ собой въ салонъ неизвѣстнаго юношу, не проронившаго ни слова и усѣвшагося у двери.

Д. В. Григоровичъ ввалился въ войлочныхъ ботикахъ, оставивъ слѣды въ комнатѣ.

— Иванъ Федоровичъ! Здравствуйте, монъ шеръ! — слѣдовалъ опять троекратный поцѣлуй.

— Самого еще нѣтъ? — спросилъ Григоровичъ, оглядывая присутствующихъ и подразумѣвая подъ «самимъ» Некрасова. — Аполлона Майкова тоже нѣтъ? А вотъ Плещеевъ! Здравствуй, Алексѣй Николаевичъ!

Горбуновъ живо обернулся ко входившему моему отцу.

— Алексѣю, митрополиту Московскому...

Опять поцѣлуи.

— Прошу чаю! — ласково приглашала пожилая дама, взявшая на себя заботы объ угощеніи участвующихъ и ихъ свиты.

— Вотъ клюквенный морсъ, аршадъ, варенье, мадера...

— Разлива братьевъ Елисѣевыхъ № 14... сухая... — продолжалъ Горбуновъ въ тонъ хозяйкѣ.

— Пріѣхали-съ! — громко объявилъ дворецкій Собранія, — господинъ Некрасовъ съ супругой, — поднимаются по лѣстницѣ.

Всѣ нѣсколько растерялись въ ожиданіи желанныхъ и рѣдкихъ гостей.

Сначала показалась Зинаида Николаевна, жена Некрасова, въ скунсовой шубкѣ, съ такой же муфтой, а за ней поэтъ въ глубокихъ сѣрыхъ ботикахъ, мѣховомъ пальто и пушистой мѣховой шапкѣ. Н. А. Некрасовъ выглядѣлъ весьма недурно, ему помогъ Киссингенъ, гдѣ онъ лѣчился.

Зинаида Николаевна была скромно наряжена. Она казалась замѣтно смущенной, благодаря своей скромности и застѣнчивости.

Ее окружили и забрасывали комплиментами. Ей было какъ будто не до этого.

— Не люблю я, когда Николай Алексѣевичъ читаетъ... онъ волнуется, его безпокоитъ, — будетъ ли слышенъ его голосъ?.. У него голосъ, какъ вы знаете, съ хрипотой и слабый. Не могла перечить ему, потому вечеръ Литературнаго Фонда... Близко его сердцу...

Комната все наполнялась и наполнялась. Въ ней съ трудомъ уже можно было двигаться. Несмотря на принятыя мѣры, сюда проникли люди совершенно незнакомые. Къ Некрасову приходили друзья и пріятели. Помню прекраснаго маленькаго, кругленькаго старичка съ бѣлой головой. Это былъ А. А. Краевскій, издатель «Отечественныхъ Записокъ». Затѣмъ суетился какой-то почтенный нотаріусъ, едва ли не Успенскій, докторъ Н. А. Бѣлоголовый и др.

Около дверей комнаты образовался заторъ, скопилось много учащейся молодежи — студентовъ и курсистокъ, съ горящими, безпокойными глазами... Какая-то дѣвица, пріѣхавшая, какъ говорили, изъ Порхова Псковской губ., обратилась къ поэту съ просьбой подписать портретъ. Некрасовъ разсердился.

— Да гдѣ же, мать моя, тутъ...

У дѣвицы были приготовлены перо и пузырекъ съ чернилами. Некрасовъ подошелъ съ трудомъ къ столу и передалъ молодой особѣ портретъ. Но тутъ случилось новое замѣшательство... Она хотѣла поцѣловать руку поэта, что повергло его въ крайнее раздраженіе. Некрасовъ бросился въ сторону, отрицательно помахивая руками:

— Я вѣдь не Маріо и не Комиссаржевскій! — произнесъ онъ.

— Черезъ четверть часа мы начинаемъ вечеръ, — громко сказалъ предсѣдатель Литературнаго Фонда, прося постороннихъ лицъ оставить комнату.

Приглашенію неохотно повиновались.

Николай Алексѣевичъ вынулъ изъ бокового кармана фрака корректурный оттискъ со стихами, которые долженъ былъ читать, и перечитывалъ про себя:

Одинъ, одинъ! А ту, кѣмъ полны
Мои ревнивыя мечты,
Умчали роковыя волны
Пустой и милой суеты.

Все стихло. Вечеръ открылъ П. И. Вейнбергъ.

Въ комнату вошелъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, человѣкъ средняго роста, скорѣе худощавый, съ черствымъ выраженіемъ лица. Но едва онъ раскрылъ ротъ, какъ добрѣйшая улыбка и привѣтливость уничтожили эту кажущуюся черствость лица поэта. Майковъ поздоровался съ находившимися здѣсь писателями, поклонился незнакомымъ и спросилъ, скоро ли ему придется читать.

Некрасовъ сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ Майкову и погрузился въ перечитываніе корректурнаго оттиска. Онъ волновался, подходилъ къ Зинаидѣ Николаевнѣ, что-то шепталъ ей, но она тоже была охвачена волненіемъ.

— Сядь вотъ въ кресло, Николай Алексѣевичъ, — приглашала она.

Майковъ бесѣдовалъ съ моимъ отцомъ. Они съ ранней юности сохранили добрыя отношенія, хотя литературные пути ихъ совершенно расходились.

Не помню точно порядка чтенія, но въ памяти ясно сохранилось, что Некрасовъ выступилъ раньше А. Н. Майкова.

— Николай Алексѣевичъ Некрасовъ, — громко сказалъ Гаевскій, пріотворяя дверь.

Некрасовъ сдѣлалъ какое-то движеніе правой рукой, словно желая осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, и пошелъ на Голгофу, какъ сказалъ кто-то изъ бывшихъ тамъ.

Зинаида Николаевна тоже вышла, но я потерялъ ее изъ виду въ группѣ людей, толпившихся здѣсь.

Салонъ для участвующихъ мгновенно опустѣлъ, и поднялся ураганъ рукоплесканій. Кругомъ стучали, махали платками. Прежде всѣхъ зааплодировали собравшіеся вдоль стѣны зала. Помню неописуемую, громовую овацію, помню дорогую сердцу бурю, радостную до слезъ.

И долго, долго, Некрасовъ ждалъ, опустивъ голову, тишины, чтобы начать чтѣніе...

ВСТРѢЧИ СЪ С. Я. НАДСОНОМЪ.

Семенъ Яковлевичъ Надсонъ — одинъ изъ привлекательнѣйшихъ образовъ, запечатлѣвшихся въ моей памяти.

Біографія Надсона хорошо извѣстна русскому обществу, и я не буду распространяться о томъ, какъ Надсонъ, воспитывавшійся въ Павловскомъ военномъ училищѣ, познакомился съ моимъ братомъ, который передалъ его стихи моему отцу — поэту А. Н. Плещееву, завѣдывавшему тогда отдѣломъ стиховъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Отецъ просилъ брата привести Надсона къ нему, очень заинтересовался имъ и помѣстилъ его стихи. Надсонъ вскорѣ сдѣлался другомъ нашей семьи, гдѣ я постоянно и встрѣчался съ нимъ.

Служа офицеромъ къ Кронштадтѣ, Семенъ Яковлевичъ пріѣзжалъ къ намъ, какъ только заводились у него три рубля на дорогу, или когда получалъ гонораръ за свои стихи. Но не только за стихи любили его мой отецъ и вся наша семья, любили его, какъ необычайно скромнаго, рѣдкаго по душевной красотѣ и сердечности молодого человѣка, бредившаго тогда только литературой. Его всегда волновала Муза, не давала ему покоя; онъ носился со своими стихами, читалъ ихъ Плещееву, друзьямъ, передѣлывалъ ихъ по нѣ-

сколько разъ, исправлялъ и ликовалъ, когда стихи появлялись въ печати.

Надсона упрекали въ гражданственности, въ томъ, что онъ примкнулъ душою къ либеральнымъ теченіямъ нашей литературы. Тутъ усматривали вліяніе моего отца, что, можетъ быть, было справедливо, потому что Семенъ Яковлевичъ всегда прислушивался къ голосу Плещеева, къ которому относился, какъ любящій сынъ.

Покойный нынѣ лейбъ-медикъ Бертенсонъ, искренній другъ всѣхъ писателей и артистовъ, незадолго до своей смерти прислалъ мнѣ въ Парижъ копію съ письма моего отца, которое онъ со всѣмъ своимъ архивомъ пожертвовалъ въ Пушкинскій Домъ.

Это письмо интересно для біографіи Надсона, свидѣтельствуетъ о заботахъ Плещеева о здоровьѣ молодого поэта, кромѣ того, тутъ Плещеевъ опредѣленно высказывается о поэтическомъ дарованіи Семена Яковлевича.

Привожу полностью это письмо:

«Многоуважаемый Левъ Бернардовичъ. Обращаюсь къ вамъ съ всепокорнѣйшей просьбой, и хотя дѣло идетъ не обо мнѣ, но исполненіемъ ея вы меня безконечно обяжете. Будьте добры позволить мнѣ привезти къ вамъ завтра, въ которомъ часу вы назначите, молодого человѣка, поэта талантливѣйшаго изъ всѣхъ нашихъ молодыхъ поэтовъ, Надсона. Ему необходимъ совѣтъ хорошаго врача и притомъ такого, который отнесся бы сердечно, съ участіемъ. Онъ серьезно боленъ; докторъ, лечившій его и, какъ мнѣ кажется, не особенно заслуживающій довѣрія, потому что это не человѣкъ науки, хотя и хорошій человѣкъ, сильно его испугалъ; онъ находится въ такомъ мрачномъ, гнетущемъ настроеніи духа, что мнѣ страшно жаль его. Настроеніе это усиливается еще тяжелыми домашними обстоятельствами и тѣмъ, что онъ осужденъ вращаться въ совершенно чуждой ему средѣ. Онъ армейскій офицеръ; но къ военной службѣ

чувствуетъ такое отвращеніе, она такъ мало соотвѣтствуетъ его наклонностямъ, его женственному складу и, наконецъ, онъ такъ мало пригоденъ къ ней по своей комплекціи, что его друзья намѣрены употребить всѣ усилія, чтобы какъ-нибудь вытащить его оттуда, а покамѣстъ хоть перевести его сюда изъ Кронштадта, гдѣ и лечиться какъ слѣдуетъ нельзя, ни людей сколько-нибудь интеллигентныхъ онъ не видитъ. Я потому прошу васъ принять его завтра (въ воскресенье), онъ не можетъ здѣсь долѣе оставаться и вечеромъ же долженъ ѣхать назадъ въ Кронштадтъ. Надѣюсь крѣпко на вашу обычную доброту. Ради Бога, не откажитесь взглянуть на него и сказать, если не ему, то мнѣ — всю правду о его болѣзни.

Искренно преданный

1883. А. Плещеевъ».

Выѣзды изъ Кронштадта въ Петербургъ, въ холодные дни, въ холодномъ пальто способствовали развитію у Семена Яковлевича туберкулеза. Вижу, какъ сейчасъ, его скачущимъ у печки въ квартирѣ отца. Онъ отогрѣвался послѣ дороги. Не высовываться изъ крѣпостной кронштадтской норы онъ не могъ, безъ людей ему было тяжко и мѣстные вечера и концерты не могли ему замѣнить любимыхъ литературныхъ кружковъ. Надсонъ засиживался у отца и нерѣдко, если это было наканунѣ праздника, оставался у насъ ночевать.

Я не сказалъ бы, чтобы Семенъ Яковлевичъ былъ всегда въ подавленномъ настроеніи, хотя этому способствовали и нужда, и болѣзненное состояніе. Напротивъ, въ немъ нерѣдко чувствовалась бодрость, желаніе пойти въ театръ, на литературное чтеніе и пр. Молодость преодолѣвала всѣ скорби его существованія. Видѣлъ я его и раздраженнымъ, и возмущенымъ и мелкими литературными дрязгами и уколами его самолюбія. Я не говорю уже о возмутительной, не-

достойной травлѣ, начатой противъ поэта критикомъ В. П. Буренинымъ. Когда началась эта травля, Надсону было не до развлеченій, онъ съ каждымъ днемъ угасалъ.

Въ 1884 году Надсонъ вышелъ въ отставку. Надсонъ-офицеръ выглядѣлъ какъ-то бодрѣе, здоровѣе, но когда онъ снялъ мундиръ, отпустилъ длинные волосы, осунулся, щеки впали — его нельзя было узнать.

Семенъ Яковлевичъ какъ-то пришелъ ко мнѣ въ редакцію издаваемой мною газеты «Театральный Мірокъ» (1884 г.), принесъ стихотвореніе, которое я не замедлилъ напечатать. Гонораръ поэту былъ предложенъ настолько умѣренный, что я едва выговорилъ цифру... Но Семенъ Яковлевичъ, близко знавшій мое положеніе, улыбнулся и сказавъ: «Много!», протянулъ мнѣ два рубля обратно, прибавивъ при этомъ: «А лучше бы и совсѣмъ не платили... хотя и это кстати».

Первую половину лѣта 1884 года Надсонъ провелъ у насъ на дачѣ, на ст. Сиверской. Силы уже замѣтно начали ему измѣнять.

Здѣсь на дачѣ Семенъ Яковлевичъ развлекался часто игрой на скрипкѣ; аккомпанировала ему моя старшая сестра, Елена Алексѣевна, которая была очень дружна съ поэтомъ и къ которой онъ, въ свою очередь, всегда относился необыкновенно ласково и тепло.

Л. Б. Бертенсонъ, какъ извѣстно, потребовалъ немедленнаго отъѣзда Надсона заграницу, на югъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Надсона въ 1885 году, когда онъ возвратился въ Россію. На исхудаломъ лицѣ его нетрудно было замѣтить слѣды страданій, красивые глаза поэта впали, какъ-то углубились, но попрежнему горѣли яркимъ блескомъ... какимъ-то болѣзненнымъ, зловѣщимъ.

П. Д. БОБОРЫКИНЪ.

П. Д. Боборыкинъ скончался въ 1921 г. въ Швейцаріи.

За полвѣка мнѣ приходилось часто встрѣчать его. Очень немногіе изъ нашихъ писателей работали съ такой желѣзной энергіей, какъ Боборыкинъ. Все написанное имъ и уцѣлѣвшіе остатки отъ реализаціи этого литературнаго багажа страховали старость Петра Дмитріевича. Налетѣлъ революціонный шквалъ, и на закатѣ жизни, у Боборыкина, остававшагося вѣрнымъ высокимъ и благороднымъ человѣческимъ идеаламъ, было аннулировано все, вплоть до авторскихъ правъ на изданіе сочиненій и гонорара за представленіе его пьесъ. Нужда осталась въ наслѣдство вдовѣ популярнаго писателя. Это ли не трагедія?

Въ некрологахъ о С. А. Боборыкиной, ненадолго пережившей мужа, никто не обмолвился, или, точнѣе, никто не зналъ, что она была довольно замѣтной актрисой Александринскаго театра — Сѣверцевой. Яркимъ дарованіемъ она не обладала, но играла видныя роли, какъ, напримѣръ, Марины въ «Борисѣ Годуновѣ» и др.

П. Д. Боборыкинъ былъ чуть ли не единственнымъ русскимъ литераторомъ, который, подобно иностраннымъ, и, особенно французскимъ, работалъ въ точно опредѣленные часы по утрамъ, иногда еще до завтрака, экономя свои силы

и свою продуктивность. Близкій другъ Боборыкина, зайдя въ часы литературной работы его, не могъ быть принятымъ. Всѣмъ безапелляціонно заявляли: работаетъ, — видѣть нельзя. Боборыкинъ любилъ общественную жизнь, любилъ быть на людяхъ, посѣщая театры, лекціи, художественныя выставки и пр. Живя часто заграницей, онъ поглощалъ книги, журналы, чтобы не отстать отъ русской современности, слѣдилъ за литературными теченіями. Онъ подчеркивалъ въ своихъ произведеніяхъ эту современность, словно боясь упрека, что забываетъ горячо любимую Россію.

Про Боборыкина завидовавшіе ему коллеги говорили, что онъ работаетъ не по настроенію, а по расписанію. Это представляется труднымъ, но достижимымъ. Пишетъ же журналистъ, газетный сотрудникъ къ сроку, не считаясь ни съ часами, ни съ вдохновеніемъ. Примѣрно, къ утру долженъ быть готовъ фельетонъ, садись и пиши, редакція ждетъ. И какіе блестящіе фельетоны появляются! П. Д. Боборыкинъ никогда не горѣлъ, но таланта своего въ землю не зарывалъ. При другихъ условіяхъ Петръ Дмитріевичъ сократилъ бы себѣ жизнь и умалилъ свою продуктивность, тѣмъ болѣе, что однимъ глазомъ онъ не видѣлъ.

Вспоминаю встрѣчи съ Боборыкинымъ.

Въ семидесятыхъ годахъ, въ Петербургѣ, въ Художественномъ клубѣ (Троицкій пер., гдѣ потомъ помѣщался залъ Павловой) Боборыкинъ прочелъ рядъ лекцій о театральномъ искусствѣ.

Тогда у насъ это искусство представлялось новымъ, свѣжимъ словомъ. Существовала одна консерваторія для драматическаго актера — это театральное училище при Императорскихъ театрахъ. Драматическая подготовка была примитивной, убогой, учили ходить по сценѣ, а надъ теоріей подсмѣивались или только подходили къ ней, хотя вышла вскорѣ книга преподавателя театральнаго училища Свѣденцева.

— Зачѣмъ теорія? — ворчало актерство. — У насъ ея нѣтъ, а вотъ какіе таланты, вонъ какіе геніи, нутромъ берутъ.

Академіей считалась провинціальная сцена, откуда пришло крупнѣйшее актерство, богато одаренное, но самобытное, съ навыкомъ, но безъ школы.

Голосъ Боборыкина, тогда уже одного изъ наиболѣе популярныхъ писателей, читаемаго всей россійской интеллигенціей, былъ услышанъ и въ обществѣ, и въ театрально-литературныхъ кругахъ.

Лектора встрѣтила аплодисментами почтенная аудиторія. На лекцію пріѣхала только что заблестѣвшая звѣзда Александринскаго театра, М. Г. Савина, ниспосланная той же академіей — бѣдной провинціальной сценой.

Савина была нашимъ кумиромъ, и всѣ взоры обратились на нее. Былъ видимо радъ и Боборыкинъ, сдѣлавшій паузу. Савина пріѣхала въ сопровожденіи Ипполита Монахова, фаворита публики того же Александринскаго театра, даровитаго актера съ университетскимъ образованіемъ, что встрѣчалось довольно рѣдко въ то время.

Какъ-то было упомянуто въ сообщеніяхъ изъ Петрограда, что на Смоленскомъ кладбищѣ разрушили и разграбили памятникъ актера Монахова. Это вотъ тотъ самый Монаховъ и есть.

Лекція Боборыкина была частью его извѣстной книги «Театральное искусство». Въ этомъ клубѣ Боборыкинъ выступалъ не разъ и на литературныхъ вечерахъ, въ качествѣ чтеца своихъ произведеній, по большей части не напечатанныхъ еще.

Какъ сейчасъ вижу сидящаго у стола со свѣчками лектора, съ обстриженной подъ гребенку головой, съ порывистыми, конвульсивными движеніями, своеобразной жестикуляціей, съ рѣзкимъ и тонкимъ голосомъ — П. Д. Боборыкинъ. Не помню, кто-то, кажется Некрасовъ или Буренинъ,

окрестилъ Боборыкина Пьеромъ Бобо; такъ въ литературныхъ кружкахъ его чаще всего и звали.

Въ девяностыхъ годахъ Боборыкиныхъ я встрѣчалъ въ Ниццѣ. Они вообще не любили долго сидѣть на одномъ мѣстѣ.

Въ Ниццѣ сгруппировался маленькій литературный кружокъ: докторъ, другъ Некрасова — Н. А. Бѣлоголовый, М. М. Ковалевскій, у котораго была своя вилла въ Болье; В. М. Соболевскій — редакторъ «Русскихъ Вѣдомостей», Н. И. Юрасовъ, — вице-консулъ и художникъ, А. Л. Эльсницъ, любимый врачъ русской колоніи, работавшій съ Бѣлоголовымъ; проф. Коротневъ, котораго французы звали «Карант-нефъ», А. Н. Плещеевъ, Д. С. Мережковскій, З. Н. Гиппіусъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко и др.

Режимъ Боборыкина оставался безъ перемѣны, и его не могли нарушить ни Средиземное море, ни голубое небо, ни южное солнце.

Когда въ воздухѣ чувствовался ароматъ весны, на берегахъ Невы показывался Петръ Боборыкинъ. Боборыкинъ жилъ за границей, въ Парижѣ, Ниццѣ, въ Швейцаріи и т. д.

Появленіе популярнаго писателя интересовало литературные кружки, либеральнаго толка особенно.

Пьеръ Бобо являлся съ законченными романами, повѣстями и статьями.

Вспоминаю такія юмористическія рифмы о немъ:

Зацвѣтутъ сады каштановъ,
Грянетъ первая гроза...
Боборыкинскихъ романовъ
Вновь потянутся воза...

Гдѣ-то въ Альпахъ, на Карпатахъ,
Онъ писалъ ихъ цѣлый годъ,
Для издателей богатыхъ,
Просвѣщающихъ народъ.

Пополнѣвъ отъ гонорара,
«Пьеръ Бобо». какъ истый Крезъ,
Въ Біаррицѣ ѣстъ омара,
А въ Марселѣ буйабезъ.

«Пьеръ Бобо» съ горячностью разсказывалъ о Золя, Альфонсѣ Додэ, о театральномъ кружкѣ, о танцовщицѣ Гулю, Иветтѣ Гильберъ и другихъ современныхъ звѣздахъ Парижа. Не охотникъ слушать Боборыкина былъ только Достоевскій...

Петръ Вейнбергъ любилъ бесѣдовать съ «Пьеромъ Бобо» о «заграницѣ», причисляя себя къ знатокамъ европейской жизни. Вейнбергъ, бесѣдуя о Европѣ, обыкновенно начиналъ съ Гейне, переходилъ къ Мадоннѣ Рафаэля, а кончалъ панегирикомъ... приготовленію кофе по-вѣнски.

Иногда П. Д. Боборыкинъ пріѣзжалъ и суровой зимой. Онъ не забывалъ Москву, гдѣ у него было много друзей. Въ послѣдній пріѣздъ сюда онъ замѣтно постарѣлъ, утратилъ присущую ему живость, не гулялъ больше пѣшкомъ, что раньше очень любилъ, а нанималъ карету, которую тогда начиналъ вытѣснять щегольской автомобиль.

«Пьеръ Бобо» наблюдалъ московскіе нравы для использованія въ романахъ и повѣстяхъ, посѣщалъ многихъ артистокъ. Каждой изъ нихъ онъ привозилъ обязательно флакончикъ духовъ.

— Что это за жидкость? — спросила его знаменитая танцовщица.

— Это любимые духи королевы Викторіи.

— Викторіи? — удивилась танцовщица.

— Да, королевы англійской.

Другой онъ привезъ духи «Эссъ букэ», славившіеся въ прошломъ вѣкѣ тоже въ Англіи.

Несмотря на почтенные годы, «Пьеръ Бобо» умѣлъ зорко слѣдить за явленіями нашей общественной жизни и отражать ихъ въ своихъ уже начинавшихъ утомлять читателя талантливыхъ, но растянутыхъ произведеніяхъ.

Въ литературной средѣ Боборыкина считали однимъ изъ самыхъ образованныхъ писателей и безукоризненнымъ джентльменомъ въ жизни.

Въ старомъ помѣщеніи Московскаго артистическаго кружка чествовали ужиномъ П. Д. Боборыкина, по случаю его юбилея (кажется, 35-лѣтія).

Въ памяти запечатлѣлось краткое привѣтствіе знаменитой актрисы Гликеріи Николаевны Федотовой.

— Я говорить не умѣю... Позвольте мнѣ прочесть мой тостъ, — тихо произнесла великая артистка, замѣтно волнуясь.

— Просимъ, просимъ! — послышались голоса, и присутствующіе восторженными апплодисментами привѣтствовали «выступленіе» гордости Малаго театра.

— Это было давно, —начала Федотова. — Первымъ сценическимъ образомъ, взволновавшимъ мою артистическую душу, была Вѣрочка въ комедіи «Ребенокъ» (пьеса Боборыкина). — Я пью за автора того вымысла, надъ которымъ въ первый разъ залилась слезами старая актриса Федотова.

Черезъ 15 лѣтъ, въ полувѣковой юбилей Гликеріи Николаевны, въ Маломъ театрѣ Боборыкинъ въ свою очередь привѣтствовалъ великую артистку.

Публика устроила и артисткѣ, и драматургу незабываемую въ лѣтописяхъ театра овацію.

ВОДЕВИЛЬ И ПР.

Когда я съ моими товарищами-гимназистами началъ посѣщать въ Петербургѣ Александринскій театръ, мы занимали мѣста въ «райкѣ», какъ называли тогда самый верхній ярусъ. За мѣсто взимали десять копѣекъ. Мы воображали себя театралами и были увѣрены, что актеры очень считались съ нами и дорожили нашими апплодисментами: «раекъ» начиналъ хлопать и ему вторила вся зала. О профессіональныхъ клакерахъ въ тѣ годы еще не слыхали.

Я засталъ въ «Александринкѣ», какъ называли тогда образцовый театръ, — водевиль.

Водевиль въ программѣ почти каждаго спектакля являлся дессертомъ, сладкимъ блюдомъ. На водевилѣ, шедшемъ послѣ драмы или комедіи, отдыхали, смѣялись и особенно радушно принимали актеровъ, участвовавшихъ въ немъ. Актеры любили поэтому водевили и старались быть занятыми въ нихъ, такъ какъ, кромѣ жалованья, награждались поспектакльной платой отъ 5 до 25 рублей, смотря по степени занимаемаго положенія. Драматическіе спектакли одно время ставились два-три раза въ недѣлю и въ Маріинскомъ театрѣ, въ очередь съ операми и балетами. Нѣкоторые актеры ухитрялись въ одинъ вечеръ играть въ двухъ театрахъ, получая двойную плату. Это тоже часто способствовало

тому, что исполнители стремились получить роли въ водевиляхъ.

Водевили сочиняли: Некрасовъ (подъ псевдонимомъ Перепельскаго), П. Григорьевъ, П. Каратыгинъ, П. Федоровъ, А. Н. Андреевъ и др. Каратыгина я часто видѣлъ въ его собственныхъ водевиляхъ («Петербургскія дачи» и др.). Были актеры, которые спеціализировались на водевилѣ: Монаховъ, Сазоновъ, Марковецкій, Алексѣевъ, Душкинъ, позднѣе Варламовъ, актриса Лелева (мать актрисы Художественнаго театра М. Ф. Андреевой).

Водевиль былъ пересыпанъ остроумными или наивными куплетами, которые пѣли или говорили подъ оркестръ. Дирижировалъ жидкимъ оркестромъ Рыбасовъ, сонно помахивавшій палочкой.

Содержаніе водевилей вращалось около измѣны супруговъ, обыкновенно мирившихся къ концу спектакля, и около ссоръ бабушекъ и внучекъ, около похожденій молодыхъ людей съ нѣжнымъ сердцемъ и пр. Наивность водевиля и остроуміе его имѣли свою прелесть. Скабрезности въ этомъ жанрѣ стариннаго развлеченія не встрѣчалось. Бабушки, дѣвушки, молодежь, старички — всѣ искренно хохотали. Вотъ нѣсколько образцовъ стариннаго водевильнаго куплета:

Ахъ, ужъ если бы случилось,
Въ Рай попасть мнѣ не шутя,
Я бы цѣлый день рѣзвилась,
И играла, какъ дитя!
По баламъ бы разъѣзжала,
Весь истратила бъ доходъ,
Одѣваться такъ бы стала,
Чтобы всякъ разинулъ ротъ.

(Вод. «Женское любопытство»).

Бабушка — голубушка,
Солнышко мое,
Пожалѣй, родимая,
Дитятко свое!
Неужели жъ съ куклами
Вѣкъ буду играть?!
И по-дѣтски буклями
Косы завивать?..
Ахъ, какъ надоѣло мнѣ,
Не милъ бѣлый свѣтъ!
Кто же одѣвается
Такъ въ шестнадцать лѣтъ!

(Вод. «Бѣдовая бабушка»).

А какимъ дружнымъ смѣхомъ заливался Александринскій театръ, смотря водевиль въ 5-ти дѣйствіяхъ «Левъ Гурычъ Синичкинъ», изображавшій театральный мірокъ! Теперь такъ больше не умѣютъ смѣяться — такъ заразительно и весело.

Однако, и водевиль пріѣдается, хотятъ чего-то новаго. Это новое приходитъ въ видѣ большой пьесы въ 3-5 актахъ, пересыпанной куплетами, не тѣми, которые мы слушали, но обличительными, грубыми, съ претензіей на остроуміе... Сочиняли эти куплеты поэтъ Жулевъ, иногда Д. Д. Минаевъ, скрывавшій, впрочемъ, свое имя, и другіе.

Пьесы «Петербургскіе когти», «Со ступеньки на ступеньку», «Кассиръ» и др. встрѣчаютъ восторженный пріемъ и не сходятъ съ репертуара.

Привожу одинъ-другой образецъ новаго куплета, смѣнившаго водевильный:

Дѣльную книгу у Вольфа *)
Чѣмъ бы купить да прочесть,
Нѣтъ, въ ресторанѣ у Вольфа **)
Лучше намъ устрицъ поѣсть.
Нѣтъ у насъ денегъ на дѣло!
На безобразіе есть!

Въ комедіи «Со ступеньки на ступеньку» восхищали публику Александринскаго театра куплеты «Шиши». Актеру Сазонову, игравшему роль посыльнаго, стоявшаго на улицѣ, приходилось повторять «Шиши» разъ по десять. Бывало, куда ни зайди, всюду напѣвали модные и пошлые «Шиши».

Содержаніе куплетовъ заключалось примѣрно въ обличеніяхъ, подобныхъ слѣдующему: Дума собиралась строить каменный мостъ на Охту, а его все нѣтъ. Есть только «Шиши»...

Ахъ, шиши, шиши, шиши!..

Какъ и надо было ожидать, и этотъ жанръ отжилъ быстро свои дни, уступивъ любезно мѣсто опереткѣ, торжествовавшей тогда во Франціи. За постановку оперетокъ принялся тогда ретиво главный режиссеръ Александринскаго театра А. А. Яблочкинъ, а за ихъ передѣлку съ французскаго взялись В. Александровъ (Крыловъ), В. Курочкинъ (издатель «Искры»), Г. Лишинъ и пр.

Оперетка впервые увидѣла свѣтъ рампы Александринскаго театра значительно ранѣе, но ей тогда не повезло: скончалась В. М. Лядова, бывшая танцовщица, супруга балетнаго артиста, а потомъ балетмейстера, Льва Иванова, создавшая Прекрасную Елену въ опереткѣ Оффенбаха. Въ

*) Книжный магазинъ М. О. Вольфа.

**) Ресторанъ у Полицейскаго моста.

опереткѣ участвовали при ея возобновленіи четыре премьерши: А. И. Абаринова, покинувшая оперу, М. М. Чернявская, З. Д. Кронебергъ и Нелюбова. Абаринова на одномъ изъ представленій «Мадамъ Анго», обидѣвшись за что-то, плюнула со сцены въ зрительный залъ на публику и оставила сцену. Впослѣдствіи она возвратилась въ Александринскій театръ и заняла видное положеніе, какъ актриса на роли «благородныхъ матерей» (грандъ дамъ).

З. Д. Кронебергъ вышла замужъ и вскорѣ умерла.

Изъ мужского персонала въ опереткѣ восхищали публику М. М. Петипа, Н. Ф. Сазоновъ, И. И. Монаховъ, позднѣе Варламовъ и др.

Великимъ постомъ вся театральная жизнь въ столицѣ замирала, и въ Александринскомъ театрѣ устраивались лишь концерты съ живыми картинами, въ которыхъ принимали участіе первыя силы драмы, балета и оперы. Программа концертовъ пестрѣла романсами, куплетами, разсказами и пр.

Главной приманкой для публики сдѣлался обличительный куплетъ на злобу дня, занявшій первенствующее мѣсто.

Царемъ этихъ куплетовъ былъ И. И. Монаховъ, пѣли также куплеты Н. Ф. Сазоновъ, М. М. Петипа, провинціальный актеръ А. С. Бураковскій, Градовъ-Соколовъ и др.

«Куплетистика» *), какъ называли въ тѣ годы новое развлеченіе, со сцены Александринскаго театра пошла гулять по всѣмъ сценамъ столицъ и провинціи. Вкусы публики были порабощены этой пошлятиной до того, что «Отечественныя Записки» Некрасова отмѣтили это явленіе и заклеймили его на своихъ страницахъ. Журналъ упрекали за

*) Былъ даже сборникъ стиховъ подъ названіемъ «Послѣднее слово современной куплетистики».

стрѣльбу изъ пушекъ по воробьямъ. Но «Отечественныя Записки» держались другого мнѣія, охраняя художественные вкусы публики.

Не буду голословенъ и приведу образцы поднявшей голову «куплетистики». Вотъ они:

Поклялся и далъ я слово
Не жениться никогда,
Но любить жену другого —
Очень вкусно, господа...

Пѣлъ этотъ «шедевръ» талантливый премьеръ Александринки, красавецъ М. М. Петипа, дебютировавшій на этой сценѣ въ роли Париса («Прекрасная Елена»).

Вотъ куплетъ изъ «перловъ» И. И. Монахова, который считался однимъ изъ украшеній театра.

Хоть смѣхъ есть вещь пріятная,
Но вѣдь какой и смѣхъ.
И смѣхъ не одинаково
Является у всѣхъ.
И старичокъ хихикаетъ надъ куколкой живой,
Купивъ ее по случаю цѣной не дорогой:
Ха— хе — хе — хе; хе — хе — хе — хе...
и т. д.

«Смѣхъ» считался боевымъ куплетомъ Монахова, того самаго, котораго отмѣтилъ въ роли Чацкаго И. А. Гончаровъ.

«Куплетистовъ» встрѣчали громовыми аплодисментами, и они имѣли массу почитателей. Что-то стихійное, уродли-

вое чувствовалось въ восторгѣ, захватившемъ публику. Только къ началу восьмидесятыхъ годовъ атмосфера Александринскаго театра была окончательно очищена отъ этого антихудожественнаго направленія.

Директоромъ театровъ былъ назначенъ И. А. Всеволожскій, который принялся за возрожденіе русской сцены. Оперетка, куплетисты, обличительныя пьесы отошли въ исторію.

Возвращаюсь къ моему «райку» Александринскаго театра, откуда я наблюдалъ за всѣми явленіями, о которыхъ разсказываю сейчасъ.

Завсегдатаями «райка» были студенты, курсистки, гимназисты, писаря, актеры-любители, татаринъ, котораго мы звали «княземъ», и который былъ очень гордъ, когда купилъ халатъ у актера А. А. Алексѣева, затѣмъ приказчики Гостинаго, Апраксина и Щукина дворовъ, кучеръ и другіе.

Аудиторія «райка» была объединенная, дружная, всѣ были знакомы между собой, пожимали другъ другу руки. Нѣкоторые бенефиціанты давали билеты посѣтителямъ «райка», имъ мы хлопали и кричали «браво». Въ тѣ времена театральное начальство слѣдило — сколько разъ какого актера вызывали, кто больше нравился публикѣ. Вызовы исполнителей поэтому очень цѣнились.

Были случаи, что мы и протестовали, шикали. Одинъ изъ нашихъ коллегъ, молодой еврей, познакомившійся съ драматургомъ Аверкіевымъ, сказалъ ему: «Мы наслаждались вашей многоуважаемой пьесой...»

Благодаря знакомствамъ по «райку», посѣтители его получали въ лавкахъ Гостинаго двора скидку на парфюмерные товары, сукно, бѣльевой товаръ и пр. Ходили слухи, что одинъ посѣтитель «райка» будто бы ловко использовалъ насъ, какъ профессіональныхъ клакеровъ, принося намъ отъ

бенефиціантовъ «заказы» вродѣ слѣдующаго: «Привѣтствовать погуще, вызвать три раза послѣ перваго акта и вызывать по шести разъ послѣ 2-го и 3-го актовъ пьесы...»

Онъ же давалъ для участія на сценѣ свою собаку, кличкой «Альмавива», получая за нее «разовые» и прося насъ апплодировать ей и тѣмъ поддержать ея успѣхъ... на посрамленіе конкурентовъ, предлагавшихъ своихъ собакъ для той же пьесы.

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ.

Зимой въ 80-хъ годахъ одинъ изъ находчивыхъ московскихъ предпринимателей по части развлеченій, Александровъ, задумалъ построить на Невѣ между Адмиралтействомъ и Зимнимъ дворцомъ ледяной домъ, въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ былъ сооруженъ въ 1740 г. при Аннѣ Іоанновнѣ, во время свадьбы шута и приживалки императрицы, Авдотьи Ивановны.

Наступили суровые морозы, осуществить задуманную идею не представляло особаго труда. Возили глыбы льда, появлялись краткія сообщенія въ газетахъ объ интересной затѣѣ предпринимателя. Надо правду сказать, что большого любопытства это предстоящее историческое событіе не возбуждало въ обществѣ. Всѣ знали, что строили гдѣ-то на Невѣ ледяной домъ, а гдѣ именно и какой — проходили молчаніемъ.

Предприниматель начиналъ уже хмуриться и сомнѣваться въ успѣхѣ. Онъ совѣтовался со многими, какъ бы ему подогрѣть и разжечь интересъ къ ледяному предпріятію, какую бы сочинить рекламу, чтобы получить побольше денегъ. «Тутъ надо бы что-нибудь «американское», — говорилъ онъ.

— Американскаго я не знаю, а идею могу дать замѣча-

тельную и еще почище американской, — сказалъ ему начинающій и весьма остроумный шустрый журналистъ.

— А что такое? Помѣщать болѣе статеекъ въ газетахъ?

— Во-первыхъ, никто вамъ статеекъ помѣщать не станетъ, скажутъ: помѣщайте объявленія.

— Объявленія это не то и очень дороги.

— А во-вторыхъ, чтобы газеты заговорили самостоятельно, надо чтобы это было общественное дѣло.

— Посовѣтуйте, пожалуйста... Я не постою и дамъ проценты съ прибыли...

— Проценты? Но сколько именно? Десять дадите? Это немного.

— Извольте, на двѣнадцать пойду... не пожалѣю, вы знаете мою широту.

— Кто ее не знаетъ, потому-то я и торгуюсь съ вами заранѣе. Ну, ладно, по рукамъ и авансъ небольшой тоже дайте.

— И за этимъ не постою.

— Ну, такъ по рукамъ! Мнѣ пришла въ голову такая идея, такая идея...

— Ради Бога, не томите, что такое?..

— Прислушайтесь внимательно: если вы пойдете по редакціямъ и станете просить помѣстить замѣтки о вашемъ домѣ, вамъ помѣстятъ три строки, а тутъ нужны настоящія статьи, много статей... Нужны историческія познанія, начнемъ, быть можетъ, съ Анны Іоанновны, припутаемъ Татищева, автора всей этой свадьбы...

— Да какъ же все это сдѣлать? Научите!

— И мало того: нужны авторитетныя лица.

— Подите-ка, добейтесь ихъ, вѣдь они кусаются, поди, заломятъ большія деньги за статью.

— Я всего добьюсь. Положитесь на меня! Отправляйтесь завтра по редакціямъ и просите сообщить еще разъ... въ этомъ вамъ не откажутъ... что на Невѣ, на томъ самомъ

мѣстѣ, гдѣ при Аннѣ Іоанновнѣ былъ ледяной домъ, воспроизводятъ съ исторической точностью его копію. И больше ничего!

— Да вѣдь объ этомъ уже было заявлено нѣсколько разъ!

— Я вамъ говорю: просите повторить.

Черезъ два дня приблизительно появились такія замѣтки въ «Новомъ Времени», «Петербургской Газетѣ» и «Петербургскомъ Листкѣ».

— А теперь-то что? — спросилъ предприниматель у журналиста.

— Теперь... опустите въ почтовый ящикъ вотъ это письмо, написанное мною самимъ.

— А что это за письмо?

— Это письмо въ редакцію... Утвержденіе одного изъ читателей, что домъ строится совсѣмъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ въ 1740 году. Читатель сообщаетъ, что Ледяной домъ помѣщался при Аннѣ Іоанновнѣ куда выше по Невѣ и что объ этомъ нетрудно навести документальныя справки.

И эта замѣтка нашла себѣ мѣсто въ двухъ газетахъ, напечатавшихъ ее подъ видомъ писемъ въ редакцію.

На другой день, безъ всякой просьбы предпринимателя, появилось письмо другого читателя, опровергающаго перваго читателя. Домъ, по его словамъ, былъ именно на томъ мѣстѣ, гдѣ его теперь сооружаютъ. Въ эту полемику вмѣшался какой-то старожилъ, который помнитъ отъ своей бабки, а бабка его, въ свою очередь, слышала отъ своей бабки, что Ледяной домъ помѣщался значительно правѣе, и въ подтвержденіе ссылался на историческіе труды нѣсколькихъ ученыхъ и писателей, припуталъ «Ледяной домъ» Лажечникова и ужъ не помню еще что, или еще кого...

Разрасталась безконечная полемика, въ которую впутался какой-то второстепенный историкъ, выступившій съ

сухой, протокольной замѣткой о «Ледяномъ домѣ». Наконецъ, высказалъ свое мнѣніе дѣйствительный знатокъ старины, М. И. Пыляевъ. Онъ опредѣлилъ мѣсто «Ледяного дома», сослался на старинные рисунки этой затѣи и на происходившее на этомъ торжествѣ маскарадное шествіе. Пыляевъ былъ безусловно точенъ и правъ, но и ему не вѣрили, или умышленно не хотѣли вѣрить, чтобы полемика не прекратилась.

Покойный нынѣ издатель «Петербургской Газеты», опытнѣйшій редакторъ и журналистъ С. Н. Худековъ, помѣстилъ въ своей газетѣ еще статью о «Ледяномъ домѣ» и даже хвастался наканунѣ:

— Вотъ завтра вы у меня прочтете серьезную статью о «Ледяномъ домѣ». Мнѣ прислалъ ее знатокъ исторіи. Тутъ уже все раскопано досконально. Подведенъ итогъ.

— А кто ее написалъ? — спросилъ Худекова руководитель рекламы.

— Секретъ-съ... Не имѣю права выдать... авторитетное, ясное мнѣніе... Домъ-то былъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ его видѣлъ во снѣ милѣйшій Михаилъ Ивановичъ Пыляевъ.

С. Н. Худековъ и не воображалъ, что авторъ этой ученой статьи стоитъ передъ нимъ.

Да что тутъ говорить! Публика валомъ повалила на зрѣлище. Успѣхъ былъ огромный, а чтобы онъ не падалъ скоро, отъ времени до времени въ газетахъ выступали новые «старожилы», «читатели» и даже одинъ «очевидецъ», забывшій, что ему въ такомъ случаѣ должно было быть не менѣе полутораста лѣтъ!

— Каково придумалъ-то? — восхищался авторъ всей этой шумихи. — Учебныя заведенія приводили даже смотрѣть на нашъ «Ледяной домъ»!

Предприниматель развелъ руками:

— Геніально-съ. Даже ученый міръ привлекли къ разъ-

ясненію историческаго памятника... такъ что мы въ нѣкоторомъ родѣ сослужили даже службу наукѣ.

— Еще бы! И никому ни копейки не заплатили, вотъ въ чемъ штука-то! Создать почтенную армію безплатныхъ рекламистовъ! Но вы только никому, ни слова, а то взбѣсятся, а вѣдь какой сюжетъ... Я самъ на него разсказ напишу.

Первымъ, кто узналъ о разыгранномъ водевилѣ, былъ редакторъ «Новаго Времени» М. П. Федоровъ, который хохоталъ отъ души и замѣтилъ предпринимателю и его доброму генію:

—Съ васъ нуженъ по этому случаю, господа, хорошій обѣдъ.

— Обязательно, Михаилъ Петровичъ, ужъ не откажите...

— Какъ вы вышутили-то насъ! Очень, очень остроумно. Я помѣщалъ эти письма и замѣтки, не подозрѣвая никакой мистификаціи, — сознался М. П. Федоровъ.

— Еще главнаго-то не сдѣлали, Михаилъ Павловичъ! — воскликнулъ авторъ всей этой комбинаціи.

— Чего же еще-то не хватало? Кажется, достаточно!

— У меня былъ задуманъ еще ученый докладъ о «Ледяномъ домѣ», на которомъ должны были присутствовать въ качествѣ почетныхъ гостей всѣ члены Академіи Наукъ!

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ.

(Изъ воспоминаній о вчерашнемъ и старомъ Петербургѣ).

Вспоминать величавый Невскій проспектъ можно безконечно. Это не входитъ въ мои намѣренія. Ограничусь мысленной прогулкой по красивѣйшей улицѣ и отмѣчу кое-что. Невскій тянется отъ Александро-Невской Лавры до Адмиралтейства. Дистанція огромнаго размѣра.

Про первую часть его — отъ Лавры до Николаевскаго вокзала, петербуржцы говорили такъ: тамъ Александро-Невская Лавра съ пантеономъ, гдѣ покоится много великихъ людей. По дорогѣ туда живетъ Иванъ Федоровичъ Горбуновъ, котораго навѣщаютъ актеры, литераторы, а случается и государственные люди разъ въ годъ, въ день его именинъ.

Вторая часть Невскаго проспекта, отъ Николаевскаго вокзала до Аничкова моста, больше напоминала столицу и была очень оживленной.

Прогуляемся по ней. Розоватый, а потомъ пожелтѣвшій барскій дворецъ съ колоннами. Сначала принадлежалъ милліонеру Бенардаки, а когда милліоновъ у него стало меньше, домъ перешелъ, кажется, къ кн. Юсупову. Здѣсь помѣщался одинъ изъ первыхъ клубовъ столицы, «Сельско-хозяйствен-

ный», въ обиходѣ «Картофельный»... Кто его такъ окрестилъ — не знаю, но это не мѣняло его физіономіи. Среди его членовъ до закрытія при большевикахъ были министры, директора департаментовъ, знаменитые адвокаты, землевладѣльцы, директора банковъ, литераторы. Помѣщики пріѣзжали сюда часто съ капиталами и уѣзжали безъ оныхъ. Въ спискахъ членовъ клуба былъ въ свое время поэтъ Н. А. Некрасовъ. Показывали даже уцѣлѣвшихъ его партнеровъ по игрѣ въ карты. Въ клубѣ появлялись предсѣдатель Гос. Совѣта Акимовъ, адм. Бирилевъ, сенаторъ Дараганъ, коннозаводчикъ М. И. Лазаревъ, С. А. Андреевскій, губернаторы, прокуроры, литераторы, судьи и проч. Клубъ былъ пріятнаго скромнаго тона съ доступными обѣдами, прекрасной библіотекой и пр.

Подъ клубомъ помѣщалась когда-то редакція газеты «Россія», Амфитеатрова, Дорошевича, Альберта и Гольштейна. Противъ клуба былъ маленькій магазинъ военнаго портного, если не ошибаюсь, Сагалова. Ему Балмашевъ, убившій Сипягина, заказалъ военный мундиръ. Поблизости отъ клуба мнѣ вспоминаются крупныя буквы на вывѣскѣ фотографа Онуфріева: «Фотографъ Его Величества», а ниже и мельче — «Негуса Менелика». Фотографъ былъ хорошій.

А вотъ болѣе чѣмъ столѣтній трактиръ, а потомъ ресторанъ — Палкина, на углу Владимірской. Кого не видѣли стѣны этого ресторана!.. Управляющій Клековъ говорилъ мнѣ, что посѣщали ресторанъ особенно лѣтомъ Щедринъ-Салтыковъ, Некрасовъ, Скобелевъ, Н. Михайловскій, Скабичевскій, В. Самойловъ, Сухово-Кобылинъ, пріѣзжавшій изъ провинціи Тургеневъ, Достоевскій и др. Послѣдніе годы, еще до войны, Палкинъ вышелъ изъ моды и посѣщался больше провинціалами. Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ Палкинъ помѣщался напротивъ нынѣшняго дома и былъ типичнымъ старымъ трактиромъ. Помню еще ресторанъ «Старый Палкинъ» на Невскомъ же, на углу М. Садовой. Здѣсь собирались актеры

Александринскаго театра, писатели. Въ юности я встрѣчалъ здѣсь Потѣхиныхъ, Минаева, А. Соколова («Театральный нигилистъ»), Петра Каратыгина. Ресторанъ Палкина принадлежалъ позднѣе купцу Соловьеву, сынъ котораго издавалъ извѣстный журналъ «Библіофилъ». Послѣ смерти издателя журналъ продолжала находящаяся теперь въ Парижѣ извѣстная балерина В. А. Трефилова, вдова молодого Соловьева.

А вотъ на углу Троицкой улицы пекарня Филиппова. Калачи. На память приходитъ слѣдующій курьезъ. Бельэтажъ у Филиппова снялъ А. Суворинъ, начавшій тогда «Новое Время». Квартиру Суворина и всю редакцію одолѣли черные тараканы. Ихъ были горы. Редакція рѣшила выѣхать, но хозяинъ не соглашался на уничтоженіе контракта. Тогда «Новое Время» напечатало на первой страницѣ крупное объявленіе, что передатся квартира тамъ-то, со всѣми удобствами и черными тараканами. Объявленіе повторяли ежедневно и ,наконецъ, редакціи удалось выѣхать.

Популярный юмористъ Н. А. Лейкинъ жаловался мнѣ, что сколько и откуда бы онъ ни приносилъ домой черныхъ тараканов — не прививаются, не уживаются.

Видите, какъ различны требованія.

Лейкинъ утверждалъ, что черные тараканы приносятъ счастье...

У Аничкова моста — бывшій дворецъ кн. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, а затѣмъ вел. кн. Сергѣя Александровича. Мой другъ, актеръ той эпохи, Николай Федоровичъ Сазоновъ въ этомъ дворцѣ занимался съ наслѣдникомъ Николаемъ Александровичемъ, который выступалъ съ вел. кн. Елизаветой Федоровной въ домашнемъ спектаклѣ. Если память мнѣ не измѣнила, Наслѣдникъ читалъ съ великой княгиней отрывокъ изъ «Евгенія Онѣгина». Объ этомъ спектаклѣ, вѣроятно, имѣются подробныя воспоминанія.

За Аничковымъ мостомъ Аничковъ дворецъ, гдѣ жилъ Императоръ Александръ III.

Далѣе — Александринскій театръ, Публичная Библіотека, магазинъ Елисѣева, надъ нимъ театръ-фарсъ покойнаго В. Казанскаго... На Невскій незадолго до войны вылѣзла серія банковъ, которыхъ и безъ того было тутъ достаточно: Волжско-Камскій, Международный, Ліонскій кредитъ, Сибирскій, Учетно-Ссудный, Азовско-Донской, Юнкера и др. Учетно-Ссудный занялъ домъ противъ Казанскаго собора, гдѣ ранѣе помѣщался Купеческій клубъ, гдѣ происходили шумные маскарады, устраивались литературныя чтенія, о которыхъ я уже упоминалъ. Здѣсь однажды была устроена грандіозная овація молодому фельетонисту, популярному Незнакомцу (псевдонимъ А. С. Суворина), котораго постигло тогда страшное несчастіе — убили его жену. Фельетоны Суворина въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» были общественными событіями, переживаемыми либерально настроенной интеллигенціей.

А Гостиный дворъ, развѣ не типичный памятникъ старины? Здѣсь помѣщались книжные магазины М. О. Вольфа, Колесова и Михина, Исакова и др. Книжная лавка Вольфа, какъ называли тогда этотъ магазинъ и это крупное издательство, въ исторіи русской литературы сыграла замѣтную роль. Выбрасывая на книжный рынокъ немало псевдолитературныхъ произведеній, М. О. Вольфъ издавалъ множество классическихъ произведеній русской и европейской литературъ. Вольфъ платилъ писателямъ скупо, но тѣмъ не менѣе для него работали охотно, потому что онъ славился необыкновенной аккуратностью. Издательство Суворина пришло позже. Оно преобразовало старыя условія изданія книги, переоцѣнило трудъ писателя и поэтому предъявило къ нему другія требованія. Въ лавкѣ Вольфа перебывали почти всѣ русскіе писатели тѣхъ годовъ. М. О. Вольфъ принималъ ихъ въ своей конурѣ, за перегородками магазина.

Торгуясь съ авторомъ, онъ иногда выходилъ за нимъ въ галлерею Гостинаго двора. Послѣ смерти М. О. Вольфа дѣло его продолжали сыновья, открывшіе на Невскомъ еще огромный магазинъ.

Одна изъ парфюмерныхъ лавокъ Гостинаго двора принадлежала Пыляевымъ, откуда и пришелъ къ намъ извѣстный бытописатель, авторъ «Старой Москвы» и «Стараго Петербурга», Мих. Ив. Пыляевъ. Будучи хорошо извѣстнымъ авторомъ, онъ приготовлялъ и дарилъ коллегамъ и актерамъ элексиры, одеколоны и зубные порошки.

Интересный уголокъ Невскаго проспекта — Милютины лавки близъ зданія Городской Думы, съ каланчей. Въ лавкахъ — Романова особенно, а также Кузнецова и др. — ѣли устрицы, закусывали и пили. Въ кабинетахъ, менѣе просторныхъ, чѣмъ каюты на волжскомъ пароходѣ, коротали время представители всѣхъ слоевъ общества, начиная съ великихъ князей и кончая разными жуирами, цыганками и т. д. Привлекали сюда не столько даже устрицы, сколько интимность, желаніе удалиться отъ рестораннаго кричащаго шума.

Вижу еще точку Невскаго проспекта, и очень любопытную. Я говорю о ресторанѣ Доминика, извѣстнаго билліардами, а главное, пирожками, которыхъ буквально тысячи съѣдала столица въ часы завтрака и обѣда. Многіе питались только этими пирожками. Услѣдить, кто сколько съѣлъ, не было возможности. Нѣсколько сотъ пирожковъ посѣтители проглатывали на даровщинку.

Однажды сюда вошелъ юноша и принесъ хозяину нѣсколько сотъ рублей.

— Это мой долгъ, — сказалъ онъ.

— Какой долгъ?

— Года два я питался вашими пирожками и не платилъ.

Теперь кончилъ курсъ, служу и прежде всего подумалъ о васъ, нашемъ благодѣтелѣ.

Оглядываюсь назадъ и раннія, юношескія впечатлѣнія встаютъ передо мной. Одно изъ нихъ особенно ярко: я завтракалъ въ редакціи журнала «Музыкальный Свѣтъ», издаваемаго Н. П. Карцевымъ, — редакція помѣщалась на углу Казанской площади и Невскаго. Я носилъ туда театральныя замѣтки. Поднялся необычайный гвалтъ, крики: неслись жандармы. Мы выскочили на улицу. На ступеняхъ лѣстницы Казанскаго собора кто-то махалъ краснымъ флажкомъ и кругомъ шла схватка, хватали демонстрантовъ, тѣ отбивались, бѣжали, ихъ хватали на улицахъ.

Это была знаменитая политическая демонстрація; но вѣрьте мнѣ, что участвующихъ въ ней оказалась, по крайней мѣрѣ на взглядъ, такая крупица, что площадь выглядѣла пустой, пока ее не заняли жандармы, дворники и полиція... Тогда это называли страшнымъ бунтомъ, возстаніемъ и даже втихомолку... революціей. Въ наши дни такія демонстраціи нигдѣ не собираютъ много зрителей, не говоря уже о Парижѣ.

Слово «революція» произносили, оглядываясь по сторонамъ. При мнѣ, въ Главномъ управленіи по дѣламъ печати, блюститель русской мысли, правитель дѣлъ В. С. Адикаевскій любовно говорилъ одному редактору:

— Слово «революція» у насъ не существуетъ: забудьте о немъ... Мы съ вами не знаемъ его. Я хлопоталъ о вашемъ изданіи, а вы подумайте обо мнѣ, дайте мнѣ покой. А то идите объясняться съ начальникомъ лично.

Отъ такой чести предпочитали уклоняться: Адикаевскій былъ деликатенъ, а начальники не всегда.

ОБЪ АДВОКАТАХЪ.

Передъ моими глазами прошла галлерея представителей русской адвокатуры, и большихъ, и второстепенныхъ. Еще въ годы улетѣвшей юности я часто слышалъ два имени, гремѣвшія въ Москвѣ, — Урусовъ и Плевако. И тотъ, и другой были знакомые моего отца. Съ кн. Урусовымъ отецъ былъ особенно близокъ.

И Урусова, и Плевако Москва считала столпами тогда еще юнаго адвокатскаго сословія. Интеллигенція восхищалась ихъ талантами, а другіе слои общества, особливо купечество, полагали, что знаменитые адвокаты могли защищать и обѣлить какого угодно плута и мошенника и что все зависитъ лишь отъ того, сколько имъ заплатить.

Въ тогдашней юмористической литературѣ попадались постоянно стишки и разсказы, вышучивающіе адвокатуру. Адвокатовъ въ обличительныхъ произведеніяхъ называли «аблакатами» и т. д.

Такое отношеніе къ адвокатурѣ объяснялось главнымъ образомъ тѣмъ, что при строгости тогдашнихъ цензурныхъ условій ничего не оставалось, какъ заниматься обличеніемъ актеровъ, лавочниковъ, адвокатовъ, гласныхъ городскихъ думъ и пр.

«Златоустъ» Федоръ Никифоровичъ Плевако былъ

изумительнымъ судебнымъ ораторомъ, не знавшимъ, пожалуй, себѣ равнаго.

Я слышалъ отъ него самого, что ему приходилось выступать въ уголовныхъ дѣлахъ случайно, безъ подготовки, ознакомившись съ дѣломъ лишь за нѣсколько часовъ до процесса. Онъ изучалъ дѣло во время хода процесса, къ концу котораго постигалъ всю его суть, и произносилъ захватывающую рѣчь, покоряя силой своего слова всѣхъ участниковъ суда.

Федоръ Никифоровичъ, разсказывая, бывало, о такихъ случаяхъ, словно хвастался. Онъ, вообще, отличался небрежностью, надѣясь на свой талантъ. Однажды онъ, смѣясь, передавалъ мнѣ случай, рисующій его разсѣянность. Получилъ онъ чей-то наслѣдственный капиталъ милліона въ два и повезъ ихъ своему кліенту. Слѣзъ съ дрожекъ и вошелъ уже въ переднюю, какъ вдругъ вспомнилъ про пакетъ:

— Вспоминаю, — говорилъ онъ, — что пакетъ съ деньгами оставленъ въ пролеткѣ у извозчика! Выскочилъ безъ шляпы на улицу, а старикъ-извозчикъ еще тутъ...

Вспоминая свою юность, Плевако разсказывалъ о случаѣ съ нимъ.

— Иду, говорилъ онъ, и думаю, что мнѣ дѣлать? Нужно достать четыреста рублей, необходимо платить хозяйкѣ, въ университетѣ долженъ и пр. И что же? — Нахожу на улицѣ бумажникъ, точно подбросилъ кто нарочно... и въ бумажникѣ... около четырехсотъ рублей. Спасла меня находка. Грѣшенъ — не предъявилъ ее. Стыдно было и добивался потомъ узнать, кто потерпѣвшій, но въ то время это было почти невозможно.

Наканунѣ одного наслѣдственнаго процесса Ф. Н. потерялъ съ трудомъ добытую метрику, поставивъ въ затруднительное положеніе своего помощника И. Н. Сахарова, ѣхавшаго въ провинцію для утвержденія въ правахъ наслѣдства..

Такая небрежность Плевако тѣмъ не менѣе не вредила его популярности. Онъ велъ огромныя дѣла.

Когда въ Петербургѣ назначили министромъ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве, то говорили:

Господь рѣшилъ тако:
Быть въ Питерѣ Плеве,
Въ Москвѣ же — Плевако...

Кн. А. И. Урусовъ подходилъ болѣе къ типу французскаго адвоката и былъ исключительно точенъ и аккуратенъ. Москва прозвала его «Соловушкой». Говорилъ онъ пріятнымъ голосомъ баритональнаго тембра, что очень гармонировало съ его импозантной фигурой, барской осанкой и красивымъ лицомъ, съ оваломъ татарскаго типа.

Это былъ остроумный, талантливый, блестящій ораторъ, человѣкъ рѣдкой начитанности. Его рѣчи отличались литературностью и захватывали слушателей.

Какая же разница между Урусовымъ и Плевако?

На этотъ вопросъ я бы отвѣтилъ такимъ сравненіемъ: Плевако — это Дузе, Урусовъ — это Сарра Бернаръ.

Плевако, защищая, впадалъ въ какой-то трансъ и часто самъ не зналъ, что будетъ говорить дальше. Его рѣчь лилась изъ души и сердца.

Князь Урусовъ, казалось мнѣ, заранѣе разрабатывалъ и строго продумывалъ этапы своихъ рѣчей.

Оба они достигали одинаковаго результата — одинъ вдохновеннымъ «нутромъ», другой — филигранной работой. И Дузе, и Сарра Бернаръ достигали одинаковыхъ впечатлѣній, и зритель подчинялся имъ обѣимъ, не задумываясь, какими путями это достигнуто.

Урусовъ отличался выдающейся культурностью. Онъ, какъ я помню, ѣздилъ въ Парижъ защищать въ мѣстномъ

судѣ кого-то изъ своихъ друзей, французскаго писателя. Но это былъ своего рода «трюкъ», очень громкій и эффектный.

Урусовъ, какъ тогда говорили, подарилъ свой портретъ Жюлю Фавру съ надписью: «Князю адвокатовъ отъ адвоката-князя».

Кн. Урусовъ дважды защищалъ меня въ Палатѣ и въ Сенатѣ, когда я былъ привлеченъ по обвиненію въ диффамаціи и клеветѣ въ печати. Конечно, это была съ его стороны пріятельская любезность. Для меня защита его представлялась особенно цѣнной.

Изъ группы адвокатовъ моего времени огромной популярностью пользовался также В. Д. Спасовичъ — «неотразимый», какъ про него говорили. Его судебныя рѣчи, его замѣчательныя литературныя рѣчи о Пушкинѣ, Мицкевичѣ, Шекспирѣ и пр., приближались къ лекціямъ, были кладезями ума и знаній.

Трудно забыть такую интересную фигуру адвокатуры, какъ Сергѣй Аркадьевичъ Андреевскій, онъ же — художественный критикъ, поэтъ и, вообще, эстетъ. Отъ облика внѣшняго до своихъ душевныхъ качествъ онъ былъ привлекателенъ, его личность притягивала къ себѣ.

Въ залѣ суда онъ былъ проникновеннымъ психологомъ, отлично разбиравшимся въ сердцахъ и душахъ подсудимыхъ, подкрѣпляя свои доводы ссылками на литературные авторитеты, начиная съ Достоевскаго.

Образность, красота, форма его рѣчей были совершенно исключительны. Бывало, одной какой-нибудь фразой Сергѣй Аркадьевичъ находилъ путь къ сердцамъ присяжныхъ, что подчасъ спасало многихъ подсудимыхъ.

Молодая адвокатура прислушивалась къ нему востор-

женно. Дѣла онъ бралъ съ большимъ разборомъ, не соблазняясь гонораромъ. С. А. славился своей безукоризненной корректностью и порядочностью. Онъ близко принималъ къ сердцу человѣческія страданія и съ готовностью спѣшилъ на помощь людямъ.

Женскіе образы, которые зарисовывалъ въ своихъ рѣчахъ талантливый адвокатъ, особенно удавались ему. Тутъ принималъ участіе и поэтъ Андреевскій.

Сергѣй Аркадьевичъ былъ другомъ Урусова. Они были братьями по чувствамъ и любви къ литературѣ... Мысли и мнѣнія ихъ всегда были родственны.

Къ перечисленнымъ именамъ адвокатуры, которыхъ я зналъ, надо прибавить имя Николая Платоновича Карабчевскаго.

Съ исключительно красивой внѣшностью, импозантный, съ глазами, произносившими приговоры дамскимъ сердцамъ, онъ былъ вездѣ замѣтенъ и казался выше толпы. Добившись славы, Карабчевскій блисталъ въ Петербургѣ, а потомъ и во всей Россіи пользовался громадной популярностью.

Въ бесѣдахъ Николай Платоновичъ не производилъ впечатлѣнія человѣка большого таланта. Я видѣлъ его на сценѣ, я читалъ его литературныя произведенія и не восхищался актеромъ и писателемъ Карабчевскимъ.

Въ залѣ суда Николай Платоновичъ загорался, какъ факелъ, на него находило какое-то наитіе, и силой своего таланта онъ увлекалъ всѣхъ за собой. Онъ превращался во всемогущаго диктатора, подчинявшаго себѣ всѣ мысли и желанія присутствовавшихъ, былъ трибуномъ, которому хо-

тѣлось вѣрить и вѣрить. Незабываемый по тембру голосъ Карабчевскаго аккомпанировалъ его вдохновенію. Словомъ, каждый подсудимый могъ смѣло вручить ему свою судьбу. Онъ одерживалъ въ судахъ побѣду за побѣдой и нерѣдко укладывалъ «на обѣ лопатки» талантливѣйшихъ противниковъ.

Примыкая къ либеральнымъ теченіямъ своего сословія, Карабчевскій былъ захваченъ революціонной бурей, и, судя по моему разговору съ нимъ, надѣялся на лучшее будущее.

Моя послѣдняя встрѣча со старымъ пріятелемъ была въ Италіи, въ Римѣ (1920 г.), гдѣ онъ жилъ съ супругой въ отелѣ «Флора».

Здѣсь Н. П. показался мнѣ замѣтно поправѣвшимъ и далеко отошедшимъ отъ революціи. Онъ читалъ мнѣ свои воспоминанія, въ которыхъ было много горечи и разочарованія.

Н. П. осунулся, былъ поглощенъ заботами о дальнѣйшемъ существованіи, мыслями о судьбѣ своей родины.

Послѣднее «слово» Карабчевскаго я слышалъ въ Римѣ, на могилѣ нашего общаго друга, даровитаго адвоката Аронсона... Коротко и тепло сказалъ Карабчевскій это слово.

Карабчевскій пріѣзжалъ въ Парижъ, гдѣ его шумно чествовали, по случаю его юбилея, но я не попалъ на этотъ послѣдній праздникъ...

Да и былъ ли это дѣйствительный праздникъ?

Н. П. Карабчевскій разсказывалъ мнѣ въ Римѣ, вспоминая о своемъ талантливомъ помощникѣ Н. І. Холевѣ, слѣдующій курьезъ.

Холева только что началъ пріобрѣтать извѣстность и выигралъ два-три процесса.

Какъ-то утромъ къ нему пріѣхалъ неизвѣстный субъектъ, весьма развязный и внушавшій сомнѣнія.

— Николай Іосифовичъ, я къ вамъ обращаюсь по порученію моего брата, который только что арестованъ и къ которому предъявлено обвиненіе въ цѣломъ рядѣ мошенничествъ. Процессъ будетъ очень громкій, такъ какъ среди свидѣтелей выступятъ многія высокопоставленныя лица. Братъ хочетъ, чтобы вы приняли на себя его защиту. Могу завѣрить васъ, что братъ мой невиновенъ.

— Надо сперва познакомиться съ дѣломъ и только тогда я могу вамъ сказать — возьмусь ли я за дѣло.

— Но если вы возьметесь принципіально, то...

— То будемъ говорить о гонорарѣ.

— А какой можетъ быть приблизительно гонораръ, Николай Іосифовичъ?

Холева замялся...

— Братъ мой, я не скрою, желалъ бы получить съ васъ тысченки двѣ. Вы — молодой юристъ, и это будетъ для васъ очень широкая реклама.

Въ мое время въ Петербургѣ гремѣли среди адвокатуры имена П. А. Потѣхина, В. Н. Герарда, Н. Я. Александрова, Пассовера, А. Лохвицкаго. Совсѣмъ молодыми я засталъ Миронова, С. П. Марголина, Базунова, Н. І. Холеву, З. Л. Раппопорта, М. Г. Казаринова, Адамова, отца и сына Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ, М. Л. Гольштейна и др.

Вспоминая имена петербургскаго адвокатскаго сословія, мнѣ хочется упомянуть моего личнаго друга, присяжнаго повѣреннаго Алексѣя Петровича Коломнина, занимавшаго исключительное положеніе среди своихъ коллегъ, и большихъ, и малыхъ. Коломнинъ не былъ «Златоустомъ», ограничиваясь лишь гражданскими дѣлами.

Это была свѣтлая, благородная личность, украшавшая свое сословіе, которое, въ свою очередь, относилось къ нему съ единодушнымъ уваженіемъ и симпатіей.

Алексѣй Петровичъ былъ женатъ на дочери А. С. Суворина отъ перваго брака — А. А. Сувориной, весьма скоро послѣ замужества скончавшейся.

А. С. Суворинъ очень любилъ Коломнина, безгранично довѣрялъ его искренности и безпристрастію.

Онъ особенно приблизилъ его къ себѣ во время изданія газеты «Новое Время», поручивъ Коломнину хозяйственную часть дѣла. Лучшаго выбора онъ не могъ сдѣлать.

А. П. не безъ колебаній принялъ на себя эти обязанности; глубоко уважая Суворина и его семью, онъ вошелъ въ дѣло своего тестя, сознавая отлично, что не въ силахъ будетъ не вмѣшиваться въ литературныя дѣла газеты, и боялся возможныхъ разногласій.

Такъ оно и вышло: Алексѣй Петровичъ не скрывалъ отъ меня, что ему не разъ случалось чуть ли не по цѣлымъ часамъ спорить съ А. С. Суворинымъ, отстаивая интересы своихъ коллегъ, подвергавшихся иногда нападкамъ со стороны нѣкоторыхъ сотрудниковъ. Все это огорчало А. П. Мнѣ извѣстно, что нерѣдко бывали продолжительныя и горячія объясненія между Суворинымъ и Коломнинымъ, кончавшіяся согласіемъ перваго пойти на уступки.

Коломнинъ отличался прямотой, искренностью и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ необычайно мягокъ въ обращеніи съ людьми и безупречно корректенъ. Этого человѣка любили всѣ: и его товарищи по сословію, и сотрудники «Новаго Времени», и своимъ личнымъ обаяніемъ ему удавалось часто сглаживать «углы» и соединять, примирять непримиримое.

Алексѣй Петровичъ умеръ скоропостижно, на другой день перваго представленія «Контрабандистовъ» въ Маломъ театрѣ, ознаменовавшагося скандаломъ и протестами въ публикѣ и печати.

Коломнинъ былъ однимъ изъ директоровъ театра, и его такъ взволновала и потрясла эта демонстрація, что онъ не спалъ всю ночь, пришелъ на другой день очень разстроенный въ книжный магазинъ «Новаго Времени», гдѣ и скончался отъ разрыва сердца. А. С. Суворинъ обычно избѣгалъ бывать на панихидахъ и похоронахъ... Но умеръ Коломинъ...

Помню подавленнаго горемъ Суворина и его лицо въ слезахъ у гроба незабвеннаго Алексѣя Петровича.

ЮРІЙ БѢЛЯЕВЪ.

Возмутительно жестоко прервалась жизнь Юрія Дмитріевича Бѣляева, жизнь полная молодости, силъ, таланта и золотыхъ надеждъ. Эта жизнь была только весной Бѣляевской жизни, весной въ полномъ цвѣту, благоухающей и солнечной. Всѣ читатели и почитатели Бѣляева ожидали его лѣта и предсказывали, сколько радости оно принесетъ и самому Юрію Дмитріевичу и имъ. Случилось по-другому.

Возвращаясь домой, Бѣляевъ оступился на лѣстницѣ, упалъ, ушибся. Кончилось, очевидно, кровоизліяніемъ, сравнительно недолгой болѣзнью и неожиданной для всѣхъ безъ исключенія трагической развязкой.

Кому извѣстно, былъ у насъ въ Россіи большой карикатуристъ исключительной наблюдательности и остроумнаго юмора. Онъ назывался сначала Юсомъ Большимъ, а потомъ просто Юсомъ. Это былъ тотъ же Юрій Бѣляевъ.

Юрій Бѣляевъ такъ же неожиданно появился на литературномъ горизонтѣ Петербурга, какъ неожиданно умеръ. Первыя его статьи объ опереткѣ я прочелъ въ журналѣ А. Р. Кугеля «Театръ и Искусство». Онѣ останавливали вниманіе читателя остроуміемъ, удачными сравненіями и фельетоннымъ задоромъ. Затѣмъ зайдя ко мнѣ познакомиться, Бѣляевъ подарилъ мнѣ только что изданную монографію о В. Ф.

Комиссаржевской. Монографія увлекла и захватила меня. Я помѣстилъ о ней статью съ выдержкой въ «Новомъ Времени». Нѣкоторое время затѣмъ Бѣляевъ молчалъ, жалуясь на нужду и безработицу. Зайдя въ редакцію «Россіи», я, въ разговорѣ съ А. В. Амфитеатровымъ, коснулся бѣляевской монографіи о Комиссаржевской. Амфитеатровъ просилъ меня привести Бѣляева, потому что имъ нуженъ былъ театральный критикъ, и обѣщалъ дать ему 150 руб. авансомъ и по 15 коп. за строку.

Въ «Россіи» начали появляться его статьи о театрѣ и была напечатана монографія о М. Г. Савиной. Монографія о Савиной сыграла въ жизни и литературной карьерѣ Юрія Дмитріевича громадную роль. Ее прочелъ А. С. Суворинъ, поручившій кому-то сказать Бѣляеву, что онъ хочетъ познакомиться съ нимъ.

Результатомъ свиданія съ Суворинымъ было появленіе Бѣляева въ «Новомъ Времени» и исчезновеніе изъ «Россіи», гдѣ его полюбили и приласкали.

А. С. Суворинъ, на котораго Бѣляевъ произвелъ впечатлѣніе безусловно талантливаго человѣка и интереснѣйшаго собесѣдника, прежде всего поставилъ его въ такія матеріальныя условія, которыя давали возможность свободной и независимой работы. Связующимъ элементомъ между Суворинымъ и Бѣляевымъ былъ, разумѣется, театръ.

Театральныя статьи Бѣляева, его шутки, карикатуры выдвигали его съ каждымъ днемъ. За что бы онъ ни брался, у него все выходило по-своему и даровито. Даже нѣсколько набросковъ его въ видѣ юмористическихъ стиховъ повторялись всѣми, какъ злые, такъ и наивные. Бѣляевъ обнаружилъ даръ имитаціи, и разсказы его развлекали кружки, въ которыхъ онъ вращался. Попробовалъ онъ позднѣе поставить оперетту «Периколу» и сыграть въ ней полицейскаго, и это ему удалось.

Постепенно дарованіе Бѣляева захватываетъ болѣе ши-

рокое поле дѣятельности. Онъ пробуетъ написать пьесу. Его первый опытъ «Путаница» — картинка въ одномъ дѣйствіи, поэтическая, забавная. Новый успѣхъ Юрія Дмитріевича въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ Александринскомъ театрѣ понравилась вторая его маленькая пьеска «Красный кабачекъ». Далѣе онъ, ободренный успѣхомъ, написалъ «Псишу» — трогательную и красивую исторію крѣпостной актрисы. Многія лица этой пьесы названы именами подлинныхъ крѣпостныхъ артистовъ, преимущественно балетныхъ. Вторая большая пьеса Юрія Дмитріевича — «Дама изъ Торжка», поставленная въ московскомъ Маломъ театрѣ.

Яркой нитью во всемъ творчествѣ Бѣляева чувствовалась неизмѣнная влюбленность въ старину. Плѣнительный русскій языкъ Бѣляева, особливо старинный — языкъ врожденной литературности, ласкающій читателя и слушателя красотами и правдой. Фальши, поддѣлки у Бѣляева не встрѣчалось.

Наряду съ драматическими произведеніями Юрій Бѣляевъ выступалъ, какъ беллетристъ («Барышни Шнейдеръ», стильный, очаровательный пустячокъ «Городокъ въ табакеркѣ» и проч), и опять автора сопровождалъ успѣхъ.

У Ю. Д. Бѣляева нашлись подражатели, пыжившіеся стилизовать доброе старое время и никого не убѣждавшіе въ своей искренности и любви къ прошлому. Юрій Бѣляевъ дѣйствительно оживлялъ старыя тѣни, и страдальческія, наивныя, полныя поэзіи, юмора — и предметы неодушевленные — дормезы, альбомы съ цвѣточками и стихами, чепчики и крошечные вѣера, и тогдашніе бинокли — «трубки ревности» и т. д.

И преклоняясь съ благоговѣніемъ передъ старой Россіей, передъ прошлымъ Россіи, онъ оставался современнымъ ея сыномъ, чуткимъ и обожавшимъ ее, страдавшимъ и ликовавшимъ за нее.

Ранняя смерть незабвеннаго Бѣляева лишила насъ не только писателя недюжиннаго таланта, но едва ли не буду-

щаго большого русскаго писателя, имя котораго пополнило бы библіотеку нашей классической литературы.

Перечтите то наслѣдство, которое оставлено молодымъ Юріемъ Бѣляевымъ, посмотрите, какъ оно цѣнно и разнообразно.

Но, повторяю, это была только «весна», даже можетъ быть только «предвесеннее», какъ выразилась о комъ-то изъ писателей русская поэтесса.

Жизнерадостнаго, беззаботнаго, всегда подтрунивающаго надъ человѣческими слабостями юмориста — Юрія Дмитріевича, съ которымъ за день до его катастрофическаго паденія на лѣстницѣ мы бражничали вмѣстѣ, я увидѣлъ бездыханнымъ...

Онъ лежалъ на кровати, съ подвязанной челюстью и мѣдными пятаками на глазахъ...

Жуткая подробность: я помню, какъ Ю. Д. въ одной изъ своихъ карикатуръ изобразилъ себя самого съ подвязаннымъ платкомъ зубами. Кончики платка торчали на головѣ, словно рожки...

Онъ былъ похожъ теперь именно на этого Бѣляева...

ДО СТАНИСЛАВСКАГО.

Смерть Станиславскаго будитъ во мнѣ воспоминанія о старомъ, далекомъ Русскомъ театрѣ, будитъ наблюденія, которыя остались въ памяти неизгладимыми.

Чтобы безпристрастнѣе и полнѣе оцѣнить заслуги Станиславскаго, нужно уцѣлѣвшимъ современникамъ оглянуться на прошлое, вспомнить тѣ пути нашего театра, которыми онъ шелъ къ Станиславскому. Все это не вымыслы, а правда, хотя и возбуждающая иногда теперь у послѣдующихъ поколѣній сомнѣніе.

Въ самомъ дѣлѣ, къ какимъ достиженіямъ пришелъ нашъ театръ! Отъ Несчастливцевыхъ и Аркашекъ — Станиславскій...

«Дистанція огромнаго размѣра!».

Самъ я, будучи въ юные годы актеромъ, а позднѣе — драматургомъ и театральнымъ критикомъ, невольно соприкасался съ тѣмъ, что происходило, и часто припоминается какъ анекдотъ.

Болѣе наивнаго, безпечнаго міра, какъ среда прежняго актерства, — не придумаешь! Однако, добавлю къ этому, — и болѣе симпатичнаго міра, потому что всѣ его великіе и микроскопическіе герои, въ сущности, отличались сердечно-

стью и добротой. Пресловутыя «интриги», о которыхъ любили говорить противники актерской среды, почтенные обыватели и благонамѣренные «буржуа», — сводились, собственно говоря, къ борьбѣ за существованіе, и къ желанію выбиться. Вѣдь шли на сцену, часто порывая съ семьей, жертвуя карьерой. Манила жажда славы и успѣховъ. . . Естественно, что когда эта «синяя птица» въ руки не давалась — страсти разгорались и кипѣли. Желѣзныхъ дорогъ на землѣ Русской было еще мало, денегъ въ актерскихъ кошелькахъ еще меньше, и Несчастливцевы и Счастливцевы дѣйствительно путешествовали пѣшкомъ, ходили по шпаламъ «изъ Керчи въ Вологду»... Бѣдность никого не страшила, и ея почти не замѣчали наши лицедѣи...

Ходили съ бенефисными афишками въ карманахъ, вмѣсто паспортовъ, ходили голодные изъ города въ городъ, съ «гардеробомъ» за спиной, въ видѣ поношеннаго фрака и «шапо клакъ», которые не рѣшались продать старьевщику... даже въ самые критическіе моменты.

И такъ было десятки лѣтъ...

Бѣдные, странствующіе рыцари Мельпомены! Императорскія сцены въ Москвѣ и Петербургѣ оставались райскими оазисами для актерства, но и онѣ не далеко ушли въ смыслѣ художественности постановокъ, а держались талантами отдѣльныхъ исполнителей, а талантовъ было не мало и какихъ!

Провинціальные антрепренеры, за малыми исключеніями, были невѣждами, лавочниками, торгашами.

«Дирекція (писалось часто на афишахъ), не щадя затратъ, пошла навстрѣчу почтенной публикѣ, и выписала изъ Москвы дорогіе матеріалы для костюмовъ, — парчу и шелкъ, рискнувъ большими деньгами». Или: «Постановка пьесы обошлась антрепризѣ въ сто тысячъ рублей!! Жертва эта принесена во имя желанія угодить почтеннѣйшей публикѣ».

На самомъ дѣлѣ, сто тысячъ рублей сводились къ 500 рублямъ, но публика вѣрила.

Въ бенефисы устраивались безплатныя лотереи, съ розыгрышами лошадей, коровъ и гусей. Афиши «для особо почетныхъ гостей посѣтителей» печатались на разноцвѣтныхъ атласахъ, золотыми буквами и пестрѣли изображеніями руки съ перстомъ, указующимъ на многообѣщающія приманки афиши.

Дескать: смотри, и чувствуй!

Билеты на театральныя именины, т. е. бенефисы... развозили виновники торжества по городу. Точнѣе сказать — разносили. Культурное купечество угощало незванныхъ гостей чаемъ, медомъ, вареньемъ, а болѣе чванное — принимало свысока, часто не пригласивъ садиться...

Почетные гости за билеты платили обыкновенно, больше номинальной стоимости. Это называлось призомъ.

Было много курьезовъ...

Андреевъ-Бурлакъ мнѣ разсказывалъ, какъ однажды, гдѣ то на Волгѣ владѣлецъ бань выдалъ бенефиціанту призъ: книжку билетовъ на безплатное посѣщеніе бань, съ правомъ полученія каждый разъ дарового вѣника.

Вотъ ужъ истинно: «Чѣмъ богатъ, — тѣмъ и радъ».

Каждый провинціальный театръ имѣлъ у себя, такъ называемые, декоративные «павильоны», обыкновенно въ очень небольшомъ количествѣ, и сообразно съ характеромъ постановки мѣнялись въ нихъ только плафоны, или, какъ тогда говорили, — заставки, и гарнитуры мебели съ разными чехлами. И королева, и Хлестаковъ, и Чацкій и царица, — сидѣли на однихъ и тѣхъ же стульяхъ, и въ однихъ и тѣхъ же павильонахъ. Часто все нужное для постановки пьесы — собиралось по городу, или бралось въ магазинахъ напрокатъ.

Величайшій трагикъ — Николай Хрисанфовичъ Рыбаковъ, любившій, впрочемъ, иногда сгущать краски, сооб-

щилъ мнѣ, въ бытность его въ Павловскѣ подъ Петербургомъ въ 1876 году: на его памяти не всѣ городничіе говорили актерамъ «вы», а больше — «ты».

«Мнѣ то, добавлялъ онъ, говорили «вы», потому видъ мой внушительный смущалъ».

Очень интересенъ былъ его разсказъ о томъ, какъ одинъ полицеймейстеръ провинціальнаго города самъ читалъ всѣ пьесы, дозволенныя цензурой и вычеркивалъ, что ему лично казалось предосудительнымъ и вреднымъ. Наивность, трафаретность и безалаберность постановокъ императорскихъ театровъ Москвы и С. Петербурга были почти на одинаковомъ уровнѣ съ провинціей, хотя, разумѣется, столичные театры располагали большими средствами, но и эти постановки, какъ писалъ драматургъ и драматическій критикъ того времени А. А. Соколовъ («Театральный нигилистъ»), часто граничили съ комизмомъ въ своей наивности. Режиссеры, считая въ томъ числѣ и пользовавшагося особенно солидной репутаціей А. А. Яблочкина, очень талантливаго человѣка, грѣшили промахами.

Яблочкинъ, впрочемъ, болѣе заботился о постановкѣ оперетокъ, и часто достигалъ большихъ успѣховъ, пользуясь образцами французскихъ постановокъ.

Если актеръ изображалъ профессора или ученаго, онъ обязательно появлялся съ копной длинныхъ волосъ и въ очкахъ. Студенты на сценѣ всегда были нечесанные и оборванные...

Если пьеса изображала свѣтскую жизнь, — на сценѣ появлялась золоченая мебель и постилался коверъ. На мебель для разнообразія надѣвали чехлы, давно приглядѣвшіеся посѣтителямъ казенныхъ театровъ. Всегда висѣли на стѣнахъ знакомыя, намозолившія глаза картины и олеографіи изъ приложеній къ журналу «Нива». «Свѣтская» молодежь вставляла въ глазъ монокль, и вообще каждый «баринъ» на сценѣ щеголялъ лакированными ботинками и перчатками.

Актерство въ провинціи, ради экономіи, держало въ рукѣ, иногда, одну перчатку. Суфлеры, даже на образцовыхъ сценахъ, играли огромную роль. Въ нихъ заискивало большинство актеровъ, плохо учившихъ роли. Считалось, даже, особымъ шикомъ, если актеръ, не учившій ролей, бойко шелъ «подъ суфлера». Къ счастью для Русскаго Театра думали такъ далеко не всѣ!

Напримѣръ: знаменитый, геніальный Варламовъ уже во времена расцвѣта образцовыхъ столичныхъ театровъ, выѣзжалъ на суфлерѣ, допуская, благодаря ослабѣвшему слуху, невѣроятныя оговорки.

Въ провинціи слабость играть «подъ суфлера» вызывалась часто дѣйствительной необходимостью, потому что въ недѣлю ставили двѣ три новыхъ пьесы и ролей буквально некогда было учить. Пришлютъ тебѣ роль листовъ въ десять, и объявляютъ, что пьеса идетъ черезъ день.

Было, можетъ быть, десять театровъ на всю провинцію, гдѣ можно было встрѣтить тщательныя, даже роскошныя постановки. Со времени пріѣзда въ Петербургъ на гастроли Мейнингенцевъ, постановки которыхъ были для насъ откровеніемъ, по всей Россіи прошла волна подражанія имъ, подражанія иногда даже комическаго, но все же старательнаго. Все всколыхнулось... Заплеснѣвѣвшія театральныя традиціи кое-гдѣ начинали трещать, и брешь въ нихъ пробитая, какъ будто увеличилась. А когда вскорѣ заговорили о Станиславскомъ, Русскій Театръ по сравненію съ прошлымъ стоялъ уже, не только въ столицѣ, но и въ провинціи, на неизмѣримой высотѣ.

Вспоминаю, между прочимъ, что начинанія К. С. Станиславскаго встрѣчали, наравнѣ съ восторженными почитателями, и убѣжденныхъ противниковъ.

Послѣдніе утверждали, что сотни репетицій и всѣ новшества только закабаляли и связывали истинные таланты, что творчеству нужна свобода, а не выучка. Великихъ ма-

стеровъ русской сцены смотрѣли въ архаической постановкѣ, при самомъ убогомъ окруженіи, но геній, Божій даръ, вдохновеніе потрясали зрителя, а Станиславскій надѣлъ на нихъ кандалы! О Станиславскомъ написана литература и я не берусь детально касаться творческой дѣятельности великаго режиссера, созданія котораго получили міровое признаніе. Скажу только одно: если актеръ средняго уровня относится къ своимъ обязанностямъ, какъ къ великому служенію, если каждый, самый незамѣтный дѣятель театра считаетъ себя звеномъ одной цѣпи, камнемъ, который нельзя вынуть изъ зданія, — этимъ Русскій театръ обязанъ ему.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ НРАВОВЪ.

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ разсказывалъ мнѣ, между прочимъ, объ обѣдѣ въ честь И. С. Тургенева, данномъ писателями въ Петербургѣ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ ресторанѣ Бореля. Впослѣдствіи этотъ ресторанъ назывался рестораномъ Кюба.

Дмитрій Васильевичъ разсказывалъ мнѣ, что на этомъ обѣдѣ присутствовали: Кони, Стасюлевичъ, Полонскій, Достоевскій, Горбуновъ, Плещеевъ (мой отецъ), Петръ Вейнбергъ, Гербель, Стасовъ, Арсеньевъ и др. Обѣдъ начался воспоминаніями о Некрасовѣ, годовщина смерти котораго приближалась. Тургеневъ добродушно разсказывалъ какой то эпизодъ, когда редакція некрасовскаго «Современника» поставила его въ очень щекотливое положеніе передъ однимъ писателемъ, едва ли не иностраннымъ. Говорили потомъ о постановкѣ въ Александринскомъ театрѣ пьесы Тургенева «Мѣсяцъ въ деревнѣ», причемъ Иванъ Сергѣевичъ упомянулъ о своемъ обѣщаніи пріѣхать смотрѣть Савину въ роли Вѣрочки. Въ концѣ обѣда едва не разгорѣлся инцидентъ. Началась пикировка между Тургеневымъ и Достоевскимъ, при чемъ всѣ были на сторонѣ Тургенева, котораго чествовали, а Достоевскій былъ однимъ, такъ сказать, изъ хозяевъ и долженъ былъ, казалось, уступить гостю. А. Ф.

Кони подмигнулъ И. Ф. Горбунову, прося придти на выручку. Горбуновъ попросилъ слова, постучавъ ножомъ о тарелку и заявилъ, что «Его Превосходительство генералъ Дитятинъ 2-ой желаетъ что то произнесть къ вопросу дня»... Успокоивъ моментально остроту споровъ о «западничествѣ», Горбуновъ преобразился въ генерала и обратился къ И. С. Тургеневу — «отставному коллежскому секретарю», извѣстному писателю.

Онъ восторгался его художественнымъ творчествомъ, но не счелъ возможнымъ умолчать о далеко не безвредныхъ мысляхъ писателя, которыя онъ читалъ между строкъ его замѣчательныхъ произведенiй.

Дружный смѣхъ раздался въ залѣ.

«Его Превосходительство» не скрылъ даже, что онъ старался, къ сожалѣнiю, безъ успѣха, обратить на вредныя мысли «отставного коллежскаго секретаря» Тургенева вниманiе кого слѣдуетъ. Горбуновъ окончательно погасилъ разгорѣвшiйся пожаръ и пошелъ обнимать всѣхъ. «Отставной коллежскiй секретарь» Тургеневъ направился къ нему навстрѣчу съ бокаломъ.

Я, — разсказывалъ Григоровичъ, въ свою очередь, пожелалъ «Его Превосходительству генералу Дитятину» производство въ «Высокопревосходительство».

Горбуновъ въ роли миротворца былъ незамѣнимъ и Петръ Вейнбергъ назвалъ его въ шуточномъ экспромтѣ, который послалъ съ письмомъ на именины артисту, — «почетнымъ мировымъ судьей».

Ресторанъ «папа Борель», какъ звалъ его «весь Петербургъ», при разъѣздѣ съ обѣда, привѣтствовалъ Тургенева и вручилъ ему букетъ цвѣтовъ. Тургеневъ и Достоевскiй вышли отъ Бореля пожавъ другъ другу руки.

Это была, если не ошибаюсь, предпослѣдняя встрѣча

двухъ корифеевъ нашей литературы, а въ послѣдній разъ они видѣлись на открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ въ 1880 году.

Ф. М. Достоевскій умеръ, какъ извѣстно, въ 1881 году.

Встрѣтившись въ Парижѣ съ А. С. Максимовымъ, сыномъ нашего извѣстнаго писателя («Сибирь и каторга», «Годъ на Сѣверѣ» и др.) мы разговорились о литературныхъ кружкахъ и писателяхъ давно отжитой эпохи.

А. С. Максимовъ вспомнилъ много интересныхъ фактовъ, о которыхъ онъ слышалъ отъ своего отца. Съ его разрѣшенія я пользуясь нѣкоторыми изъ нихъ.

С. В. Максимовъ, по словамъ его сына, сдѣлался писателемъ благодаря И. С. Тургеневу. И вотъ при какихъ обстоятельствахъ: Максимовъ рѣшилъ посвятить себя медицинѣ и былъ студентомъ медикомъ. Онъ напечаталъ тогда свой первый очеркъ «Офени», которыхъ онъ изучалъ во Владимірской губерніи.

Сергѣя Васильевича разыскалъ среди студентовъ-медиковъ поэтъ и переводчикъ Гейне, Михаилъ Илларіоновичъ Михайловъ, сосланный потомъ въ Сибирь. Михайловъ сообщилъ Максимову, что съ нимъ желаетъ познакомиться И. С. Тургеневъ, заинтересовавшійся его очеркомъ и просившій Сергѣя Васильевича пріѣхать къ нему.

Максимовъ обрадовался и сконфузился. Въ тотъ же день онъ поѣхалъ къ Тургеневу, жившему тогда у Аничкова моста, противъ дома, который принадлежалъ потомъ Бѣлосельскому-Бѣлозерскому.

Максимовъ засталъ у Тургенева нѣсколько человѣкъ. На диванѣ полулежалъ какой то молодой артиллерійскій офицеръ.

— Вы, кажется студентъ-медикъ? — спросилъ Турге-

невъ Максимова. — Я прочелъ вашъ очеркъ «Офени»; онъ мнѣ очень понравился. Совѣтую вамъ продолжать литературную дѣятельность и, думаю, что вы не прогадаете, если разстанетесь съ медициной.

Максимовъ былъ очарованъ такимъ вниманіемъ Тургенева, похвалы котораго его совсѣмъ окрылили.

Офицеръ, сидѣвшій на диванѣ, какъ бы продолжалъ начатый имъ съ Тургеневымъ разговоръ:

— У меня это выйдетъ хорошо, я чувствую, что выйдетъ хорошо, — сказалъ офицеръ.

На это Тургеневъ ему замѣтилъ:

— Смотрите, Толстой, не ошибитесь!

Здѣсь Максимовъ увидѣлъ въ первый разъ Л. Н. Толстого.

Сергѣй Васильевичъ послѣдовалъ совѣту Тургенева и бросилъ медицину.

Зашла какъ то рѣчь среди писателей, собравшихся у Сергѣя Васильевича Максимова о литературныхъ гонорарахъ того времени. Онъ, вопреки многимъ пріятелямъ, доказывалъ, что прежде платили не меньше, а больше и охотнѣе давали авансы.

Максимовъ привелъ примѣръ: пришелъ онъ къ Н. А. Некрасову, котораго многіе считали расчетливымъ и даже эксплоататоромъ молодыхъ писателей. Тогда только что появилась первая часть сочиненія Максимова «Сибирь и каторга». Онъ просилъ Некрасова дать авансъ подъ продолженіе. Некрасовъ спросилъ:

— А сколько вы хотите-то?

— Николай Алексѣевичъ, дайте сто... двѣсти!.. — выговорилъ застѣнчиво Максимовъ.

Некрасовъ перебилъ его и сказалъ:

— Округляйте! Смѣлѣе округляйте!

— Тогда пятьсотъ, Николай Алексѣевичъ!..

— Ну, вотъ это такъ, — одобрилъ Некрасовъ.

Это «округляйте» Максимовъ никогда не забывалъ и часто повторялъ его, вспоминая о Некрасовѣ.

***

Въ 1876 году Максимовы жили въ Павловскѣ на дачѣ. Сергѣй Васильевичъ пошелъ какъ то на вокзалъ. На платформѣ его кто то окликнулъ. Онъ обернулся и увидѣлъ передъ собой высокую фигуру Тургенева, который сообщилъ Максимову, что пріѣхалъ обѣдать къ великому князю Константину Николаевичу. Это была послѣдняя встрѣча Тургенева съ Максимовымъ.

***

Давними друзьями семьи Максимовыхъ были Потѣхины. Послѣднихъ было столько братьевъ, что всѣхъ и не перечтешь... извѣстный адвокатъ, менѣе извѣстный адвокатъ, два писателя, дѣтскій докторъ и др.

Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ, наиболѣе популярный писатель, былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ друзей Максимова. Въ то время Потѣхинъ управлялъ труппой Александринскаго театра.

Зная отношеніе Потѣхина къ Максимову, многіе обращались къ Сергѣю Васильевичу за протекціей; среди нихъ были и драматурги и актеры.

И. Ф. Горбуновъ, въ свою очередь, съ юныхъ лѣтъ дружилъ и съ Потѣхинымъ и съ Максимовымъ. Отношенія ихъ, однако, охладѣли. Горбуновъ сталъ выражать неудовольствіе на то, что Потѣхинъ не только не давалъ хода его дочери, Татьянѣ, но и ему самому. Его огорчало, что Максимовъ какъ бы принималъ сторону Потѣхина. Но это было неосновательно: А. А. Потѣхинъ откровенно сказалъ Максимову:

— Что я могу сдѣлать для Горбунова, когда директоръ русскихъ театровъ, Всеволожскій, не любитъ Островскаго и равнодушенъ къ таланту Горбунова? Что касается Татья-

ны Горбуновой, то А. Н. Островскій, любившій ея отца, наотрѣзъ отказался дать ей какую либо роль, когда его попросили друзья.

— Нѣтъ, нѣтъ, — замахалъ онъ руками, — мнѣ всѣ говорятъ, что у нея нѣтъ никакого дарованія!

Разумѣется, Потѣхинъ не могъ сказать этого въ глаза Горбунову, равно какъ и Максимовъ.

***

С. В. Максимовъ разсказывалъ, что послѣ смерти Василія Степановича Курочкина, талантливаго поэта, переводчика Беранже и редактора «Искры», въ Художественномъ клубѣ состоялся вечеръ, посвященный его памяти.

Братъ Курочкина, Николай Степановичъ, также извѣстный въ свое время поэтъ и переводчикъ, написалъ стихи, посвященные брату. Ему предлагали дать ихъ кому нибудь изъ актеровъ для прочтенія, такъ какъ самъ онъ половины буквъ русскаго алфавита не произносилъ. Намекнуть ему на это никто не рѣшался. Николай Курочкинъ настоялъ на своемъ; и трогательные стихи, благодаря дефектамъ его прозношенія, произвели совершенно отрицательное впечатлѣніе: публика не могла удержаться отъ хохота и послышался даже рѣзкій протестъ какого то желчнаго зрителя. Словомъ, траурный вечеръ превратился въ юмористическій разсказъ изъ «Искры».

***

Извѣстный поэтъ-сатирикъ Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ, славился, какъ извѣстно, слабостью къ спиртнымъ напиткамъ. Онъ обыкновенно напивался и превращался въ самаго несноснаго человѣка, задѣвая и обижая всѣхъ присутствующихъ. Злые экспромты такъ и сыпались изъ его устъ.

У Максимовыхъ онъ не разъ придирался къ другу ихъ

дома, бывшему правовѣду Христiановичу, который управлялъ канцелярiей градоначальника Ф. Ф. Трепова, а затѣмъ былъ членомъ Судебной Палаты. Христiановичъ отличался своей деликатностью и воспитанностью. Много разъ онъ дѣлалъ видъ, что не обращаетъ вниманiя на дерзкiя выходки Минаева, но однажды и онъ оскорбился. Жена С. В. Максимова подошла къ Минаеву и сказала ему:

— Дмитрiй Дмитрiевичъ, мнѣ нужно съ вами поговорить.

Она провела его въ переднюю и указывая ему послѣдовательно на его пальто, калоши, шапку и палку, добавила:

— Вотъ ваши вещи, а вотъ вамъ и порогъ!

Черезъ два года Минаевъ все забылъ и пришелъ къ Максимовымъ въ гости, какъ ни въ чемъ не бывало.

Заканчивая отрывки изъ нашей бесѣды съ А. С. Максимовымъ, хочу упомянуть о немъ самомъ. Александръ Сергѣевичъ былъ нашимъ консуломъ въ Кореѣ, въ Японiи, и вообще служба его прошла по министерству иностранныхъ дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ. Когда заболѣлъ въ Петербургѣ его отецъ, онъ не могъ выѣхать къ нему немедленно и въ живыхъ его уже не засталъ. Послѣ революцiи онъ прiѣхалъ во Францiю и поселился въ Парижѣ.

Я шелъ въ Парижѣ по улицѣ Ассомсiонъ, по той ея части, которая примыкаетъ къ Булонскому лѣсу, направляясь на бульваръ Монморанси къ А. И. Куприну. Почти у самаго дома, гдѣ въ рэ де шоссе была его квартира, я столкнулся съ самимъ Александромъ Ивановичемъ.

— Къ намъ? спросилъ онъ.

— Къ вамъ, Александръ Ивановичъ.

— Такъ вотъ... пойдемъ сначала со мной... несу книгу... а потомъ къ намъ... сегодня у насъ Лукулловскій завтракъ...

Мы пошли вмѣстѣ.

— А вы куда, Александръ Ивановичъ?

— А вотъ въ зеленную лавку, къ зеленщику Мсье Жану. Милый человѣкъ — несу ему въ подарокъ свою «Яму» по французски. Вотъ видите, съ автографомъ...

Дорогому Жану Сижэ «омажъ» отъ автора... — Задолжалъ сильно, пользуюсь у него кредитомъ.

Какая это въ сущности трагедія въ жизни писателя!

Послѣ поднесенія книги мы пошли къ Купринымъ. А. И. съ его ласковой, искренней улыбкой, замѣтилъ:

— Ужъ извините... стола еще нѣтъ, завтракъ сервируется на ящикѣ. Теперь этотъ стиль «Луи Сезъ» въ модѣ у эмигрантовъ...

Въ тотъ же день я былъ неподалеко отъ Куприныхъ въ Русскомъ Клубѣ, гдѣ слышалъ своими ушами, что Куприну повезло, меблировалъ отлично свою квартиру и задаетъ пиры...

Помните губернатора въ «Периколѣ», который воскликнулъ: «Ахъ, какъ трудно узнать истину!».

Передо мной подлинникъ интереснѣйшаго письма Ивана Александровича Гончарова къ А. А. Краевскому; дата письма — 16 декабря 1886 года. Это письмо выпукло и ярко рисуетъ личность знаменитаго писателя съ его замкнутостью, отчужденностью отъ литературнаго міра и нежеланіемъ напоминать о себѣ.

Привожу полностью строки Ивана Александровича:

«На-дняхъ у меня былъ П. И. Вейбергъ, съ предложеніемъ участвовать въ комиссіи по устройству празднествъ

въ память Пушкина, и сказалъ, что во вторникъ, завтра, у васъ соберутся члены комиссіи.

Я былъ нездоровъ, когда онъ былъ у меня, а на другой день слегъ въ постель — и до сихъ поръ не могу оправиться. У меня что-то вродѣ моей лѣтней болѣзни — поэтому мнѣ и участвовать въ комиссіи, да, пожалуй, и въ самихъ празднествахъ едва ли придется.

Прошу васъ, любезный сосѣдъ, Андрей Александровичъ, увѣдомить г. г. членовъ комиссіи о моей болѣзни, чтобы на меня ни въ какомъ случаѣ не расчитывали.

Докторъ не обѣщаетъ скораго выздоровленія, велитъ сидѣть дома, принимать никого не велитъ, да оно и кстати, потому что у меня прислуга больна и почти некому отворять дверей. Все это скучно и несносно.

До свиданія.

Вашъ Гончаровъ».

Празднества эти устраивались по случаю пятидесятилѣтія со дня смерти А. С. Пушкина.

Посмотрите, какъ забаррикадировался Иванъ Александровичъ отъ участія въ этомъ празднествѣ! И самъ заболѣлъ, и докторъ запретилъ, и прислуга заболѣла, словомъ, оставьте меня въ покоѣ, заходите чаще, но безъ васъ веселѣе. И, какъ улитка, онъ спрятался въ свою раковину.

Автографъ И. А. Гончарова очутился въ Парижѣ совершенно случайно, будучи привезеннымъ съ маленькимъ литературнымъ собраніемъ различныхъ реликвій, принадлежащихъ А. С. Максимову, сыну писателя С. В. Максимова.

Въ одномъ изъ московскихъ монастырей похоронили извѣстнаго поэта Алексѣя Михайловича Жемчужникова, одного изъ тріумвирата, писавшаго подъ общимъ псевдонимомъ «Кузьма Прутковъ», извѣстнаго всей Россіи.

Мой пріятель подошелъ къ монахинѣ и тихо спросилъ:

— Кого отпѣваютъ?

— Какого-то помѣщика Жемчужникова.

Въ эту минуту къ ней приблизился здоровенный дѣтина съ рыжеватой бородой и что-то сказалъ:

Мой пріятель опять обратился съ вопросомъ къ монахинѣ:

— А это нашъ извѣстный писатель, сотрудникъ «Московскаго Листка»... онъ пишетъ о панихидахъ въ церквахъ и монастыряхъ.

⁂

Минуло больше полувѣка со дня кончины Тургенева.

Я находился среди несмѣтной толпы, провожавшей гробъ съ тѣломъ Ивана Сергѣевича, перевезенный въ Петербургъ изъ Франціи.

Депутаціи, собравшіяся на похороны, растянулись не менѣе, чѣмъ на версту, а, можетъ быть, и длиннѣе. Ихъ насчитывали около 200.

Было много депутацій изъ Москвы и изъ провинціи, но больше всего петербургскихъ.

Однимъ изъ наиболѣе активныхъ блюстителей порядка этой процессіи былъ В. И. Аристовъ, старшина Художественнаго клуба, являвшагося въ тѣ годы скромнымъ центромъ литературной и театральной жизни. У Аристова была слабость распоряжаться на похоронахъ и юбилеяхъ выдающихся общественныхъ дѣятелей. Тогда еще не существовало похоронныхъ бюро, поставляющихъ катафалки на резиновыхъ шинахъ, съ электрическими лампочками, и любезно предлагающихъ «замораживать» усопшихъ.

Аристовъ — полный мужчина, съ усами а-ля-Шевченко и съ моноклемъ въ глазу, чувствовалъ себя чуть-ли не главнокомандующимъ на похоронахъ И. С. Тургенева. Я, какъ сейчасъ, слышу его голосъ:

— Государи мои (онъ всѣхъ такъ величалъ), прошу блюсти линію.

Авторитетность «главнокомандующаго» внушала присутствовавшимъ безусловное довѣріе. Онъ перетасовывалъ депутаціи, замѣняя одну другой въ зависимости отъ участія въ нихъ людей съ громкими именами, красоты вѣнковъ, или портретовъ Тургенева, украшавшихъ нѣкоторые вѣнки.

Вспоминаю еще К. Г. Бродникова, актера Александринскаго театра, суетливо помогавшаго Аристову на тургеневскихъ похоронахъ.

Это былъ знатокъ и любитель похороннаго дѣла. Его, кстати сказать, терпѣть не могъ знаменитый петербургскій гробовщикъ «Шумиловъ Старшій» за то, что Бродниковъ торговался съ нимъ, какъ на базарѣ. Бродниковъ хоронилъ преимущественно артистовъ и литераторовъ, дѣлая это совершенно безкорыстно. Онъ тоже чувствовалъ свой авторитетъ и на тургеневскихъ похоронахъ и часто, въ чаду усердія , обращался къ дамамъ, деликатно приказывая:

— Мадамъ, осадите назадъ!

Проводы тѣла Тургенева на Волково кладбище, несмотря на громадное количество публики, происходили въ полномъ порядкѣ.

***

Въ первые мѣсяцы власти большевиковъ былъ ликвидированъ московскій Литературный Кружокъ. Почти все помѣщеніе заняло новое почтовое вѣдомство, оставили только уголокъ съ библіотекой Кружка. Я въ это время былъ однимъ изъ членовъ его правленія. Насъ изрѣдка собирали еще на засѣданія въ эту библіотеку и выдавали по 10 рублей «прогонныхъ», такъ какъ сообщеніе тогда обходилось очень дорого.

Послѣднее засѣданіе, на которомъ я присутствовалъ, осталось у меня въ памяти.

Предсѣдателемъ Кружка былъ В. Я. Брюсовъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ очень деликатно обратился къ нему:

— Валерій Яковлевичъ...

— Вы желаете сдѣлать заявленіе?

— Да, я хотѣлъ, Валерій Яковлевичъ, задать одинъ вопросъ..

— Пожалуйста.

— Валерій Яковлевичъ, вѣдь вы занимаете теперь видную должность въ Палатѣ Книгъ... Такъ удобно ли вамъ оставаться нашимъ предсѣдателемъ?

— А почему же нѣтъ?

— Да вѣдь вы разрѣшаете и запрещаете періодическія изданія.

— Я, собственно, вѣдаю книгами.

— Нѣтъ, я видѣлъ вашу подпись на разрѣшеніи періодическихъ изданій... Будьте любезны, подумайте, Валерій Яковлевичъ, удобно ли вамъ оставаться предсѣдателемъ общества писателей, если вы представляете собой цензуру.

Брюсовъ былъ очень сконфуженъ и лаконически отвѣтилъ:

— Я подумаю.

На слѣдующемъ засѣданіи я не былъ, но слышалъ, что Брюсовъ отказался отъ обязанностей предсѣдателя. Впрочемъ, и старый Кружокъ вскорѣ прекратилъ свое существованіе.

Куда дѣвалась его богатая библіотека, я не знаю.

М. Г. Савина какъ то вспоминала свой разговоръ съ Петромъ Вейнбергомъ:

— До переѣзда въ домъ моего мужа, А. Е. Молчанова, — говорила она, — я жила у Аничкова моста. Вейнбергъ жилъ тогда на Фонтанкѣ, противъ меня. Онъ увѣрялъ, что

въ томъ домѣ, гдѣ я тогда поселилась, или рядомъ съ этимъ домомъ — не помню — въ дни своей молодости нанималъ квартиру И. С. Тургеневъ. Я боялась объ этомъ кому нибудь сказать... Мои «доброжелатели» могли опять обвинить меня въ желанiи пристегнуть имя Савиной къ имени Тургенева... Для рекламы, конечно!

Помню, что чѣмъ старше становилась Савина, тѣмъ чаще и чаще вспоминала она Тургенева.

ИЗЪ ПРОШЛАГО РУССКАГО БАЛЕТА.

Теперь совсѣмъ не то, что встарь, —
Дивятъ успѣхи музы русской,
И даже въ Оперѣ французской
Новерра замѣнилъ Лифарь.

Въ чемъ сила русскаго балета?

Въ образцовой постановкѣ преподаванія танцевъ въ театральныхъ училищахъ, находившихся всегда подъ наблюденіемъ первокласныхъ хореграфовъ Европы или выдающихся русскихъ артистовъ. Каждая танцовщица прошла эту школу, отдавъ ей восемь или девять лѣтъ жизни, до шестнадцатилѣтняго возраста включительно, когда ее выпускали на сцену.

Будучи дѣтьми, питомцы школъ принимали участіе въ балетахъ, привыкая, такимъ образомъ, къ сценѣ и смотрящему на нихъ сфинксу, т. е. къ грандіозной театральной залѣ, наполненной публикой.

Поступая на сцену по окончаніи школы, онѣ уже были на ней до нѣкоторой степени «своими».

Только пройдя первые шаги службы въ кордебалетѣ, наши будущія солистки и балерины двигались постепенно далѣе, достигая перваго положенія. Наиболѣе одаренныя подвигались, разумѣется быстрѣе.

Иностранные мастера балета, кончая величайшимъ изъ нихъ Маріусомъ Петипа, дожившимъ чуть не до ста лѣтъ и посвятившимъ половину жизни русскому искусству, наблюдали, какъ я упоминалъ, за этой школой, пока ихъ не смѣнили благодарные имъ ученики, — русскіе дѣятели балета.

Подчеркиваю еще одно интересное мое наблюденіе въ исторіи русскаго балета. Всѣ его таланты, за нѣкоторымъ, почти незамѣтнымъ исключеніемъ, — отъ народа, изъ бѣдныхъ классовъ русскаго общества, отъ его счастливой богатой одаренности, отъ его неистощимаго вдохновенія.

И русская пляска съ хороводами, трепакомъ, съ грустью и радостью, говоритъ намъ о талантливости народа и о любви его къ танцамъ.

Отдавая справедливую дань театральной школѣ, способствовавшей исключительному успѣху и подъему русскаго балета, я считаю необходимымъ отмѣтить, что и она, какъ всякая школа, грѣшила рутиной, не угадывала иногда индивидуальности учащихся. Это неизбѣжно, но преподаваніе танцевъ всегда было здѣсь образцовымъ. Окончившіе школу артисты, очутившись внѣ ея вліянія, на свободѣ, совершенствовались въ желаемомъ ими направленіи, дѣлали большіе успѣхи, но никто не могъ сказать, что школа кого нибудь испортила. Напротивъ, она добросовѣстно и умѣло подготовляла танцовщицъ и танцовщиковъ, таланты которыхъ впослѣдствіи проявлялись самостоятельно. Вообще, на основаніи множества примѣровъ, я убѣдился, что начинающіе балетные артисты и артистки прежде, чѣмъ выказать собственное творчество, намѣтить его пути, не шли далѣе подражательности. У каждой танцовщицы, поступившей изъ школы на сцену, почти всегда былъ личный идеалъ, копіей котораго она стремилась сдѣлаться. Она разставалась съ этимъ идеаломъ, когда въ ней пробуждалось собственное творчество, захватывавшее ее непроизвольно. Все заимство-

ванное безслѣдно исчезало, давая дорогу самостоятельному творчеству.

Принимали дѣтей въ школы съ большимъ выборомъ, считаясь съ ихъ здоровьемъ и съ ихъ физическимъ сложеніемъ. Тутъ не обходилось, можетъ быть, безъ протекціонизма, но сильно преувеличеннаго въ общественномъ мнѣніи, потому что число способныхъ, полезныхъ и даровитыхъ танцовщицъ и танцовщиковъ во много разъ превышало количество бездарныхъ. Но и послѣдніе, пройдя долголѣтнюю школу, прекрасно дисциплинированные, приносили пользу, оставаясь въ послѣднихъ рядахъ кордебалета, выражаясь на театральномъ жаргонѣ «у воды».

За послѣднія лѣтъ тридцать пять до революціи, при директорахъ императорскихъ театровъ И. А. Всеволожскомъ и В. А. Теляковскомъ, театральныя училища постепенно достигли особенной высоты. Ихъ внутренняяя жизнь значительно измѣнилась къ лучшему и о быломъ режимѣ старины, временъ хореграфа Дидло, не вспоминали.

Дидло, по свидѣтельству современниковъ, отличался исключительной грубостью въ обращеніи съ юными Зефирами. Характеристика суроваго режима школы начала прошлаго вѣка превосходна у Лермонтова въ «Монго» (1836):

«Зато, вернулись лишь домой,
Директоръ поретъ на убой».

Этотъ режимъ, конечно, ближе къ крѣпостному праву, къ его многострадальнымъ Амурамъ и Психамъ, къ отторженнымъ отъ матерей и отцовъ дѣтямъ, чѣмъ возмущается Чацкій въ «Горе отъ Ума». Колыбель нашего чуднаго современнаго балета — это крѣпостной театръ... Жестокая, суровая, залитая дѣтскими слезами, была эта колыбель...

Тутъ, дѣйствительно кстати вспомнить парадоксъ остроумнѣйшаго англійскаго писателя: прелесть прошлаго въ томъ, что оно миновало.

Суровую, безпощадную школу прошли прообразы русскихъ современныхъ балеринъ, и много слезъ было пролито ими и о нихъ; тѣни ихъ говорятъ о скорби и горѣ.

Театральныя училища позднѣйшихъ лѣтъ обновленной Россіи были пышнымъ разсадникомъ дарованій.

Въ весьма рѣдкой книгѣ кн. Шаликова (1812 г.) много интереснѣйшихъ страницъ посвящено характеристикѣ бытовой стороны крѣпостного балета. Тамъ много и комическихъ наблюденій. Шаликовъ, напримѣръ, вспоминаетъ объ одномъ богатѣйшемъ, но скупомъ помѣщикѣ, пріѣзжавшемъ гостить къ сосѣдямъ съ своей огромной балетной труппой. Онъ жилъ иногда по нѣсколько дней, давая представленія въ садахъ, на островкахъ, въ бесѣдкахъ и проч. Дѣлалъ онъ это изъ скаредности, чтобы кормить артистовъ за чужой счетъ. Вотъ ужъ подлинно можно было сказать: «самъ толстъ, его артисты тощи».

Мой большой другъ, извѣстный бытописатель М. П. Пыляевъ, который страстно интересовался крѣпостнымъ балетомъ, передавалъ мнѣ, что ему случалось, путешествуя по Россіи, встрѣчать глубокихъ стариковъ и старухъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ, прежнихъ танцовщиковъ и танцовщицъ, сохранившихъ отъ далекаго прошлаго данныя имъ ихъ владѣльцами клички и имена...

Такъ онъ зналъ: Амура Поликарповича Кругликова, Психею Митрофановну Потемкину, Спиридона Зефировича Дятелъ, Діану Архиповну Перепелкину. и др...

Въ Петербургѣ я засталъ балетъ въ стильномъ Большомъ театрѣ, на мѣстѣ котораго выросла неуклюжая Консерваторія, совершенно исказившая замѣчательный памятникъ архитектуры. Балетъ тогда увядалъ, искусство омертвѣло, не двигалось впередъ, хотя и были таланты и таланты.

Но и таланты не въ силахъ были сдѣлать что нибудь для возрожденія и обновленія балета.

Посѣщала балетъ горсть балетомановъ, поклонниковъ

танцовщицъ. Имъ нашъ балетъ многимъ обязанъ, потому что они настоѣчиво сражались за него и въ печати, и съ экономіей дирекціи театровъ. Пользуюсь случаемъ сказать, что большинство такъ называемыхъ «балетомановъ» состояло тогда изъ серьезныхъ цѣнителей искусства, а вовсе не изъ впавшихъ въ дѣтство Донъ Жуановъ, какими ихъ изображали. Въ огульномъ высмѣиваніи посѣтителей балета была явная несправедливость нашего общественнаго мнѣнія, склоннаго къ отрицанію хореграфіи, какъ серьезнаго самостоятельнаго искусства. Обличительная журналистика того времени, связанная цензурой и лишенная возможности говорить о многомъ, изощряла ревностно свое остроуміе на театрѣ, при чемъ особенно доставалось балету и его адептамъ.

Послѣднее, какъ видите, еще находитъ объясненіе, но почему въ большей части русскаго общества вообще долго преобладало скептическое, если хотите, пренебрежительное, отношеніе къ балету, я не знаю.

Русская литература, начиная съ Державина, Карамзина, Пушкина, Гоголя, Некрасова, до позднѣйшаго времени благопріятно, иногда даже восторженно, относилась къ балету, къ танцамъ, къ танцовщицѣ.

Не говорю о литературѣ иностранной, которая особенно благожелательна къ хореграфическому искусству и была богатой и еще обогатилась (книга А. Левинсона о Лифарѣ, Карсавиной, В. Свѣтлова, Дандрэ, англійскаго критика Ар. Хаскеля, посвященная балеринѣ В. А. Трефиловой и пр.). Безповоротный приговоръ балету у насъ былъ вынесенъ только Л. Н. Толстымъ. «Балетъ, въ которомъ полуобнаженныя женщины дѣлаютъ сладострастныя движенія и переплетаются въ разныя чувственныя гирлянды», — есть, по словамъ Толстого, прямо развратное представленіе, и т. д.....

Это и понятно. Вся философія Толстого отрицаетъ кра-

соту тѣлесную, считаетъ культъ ея грѣхомъ, проповѣдуя красоту духовную.

⁂

Увядшій русскій балетъ возродился въ 80-хъ годахъ, благодаря итальянкамъ, главнымъ образомъ, Вирживіи Цукки и плеядѣ ея соотечественницъ: Лемидо, Карнальба, Бріанца, Безсонэ, Дель Эра, Леньяни, Замбели, балетмейстеру Чекетти и др...

А затѣмъ уже новому славному поколѣнію русскихъ талантовъ: Преображенской, Кшесинской, Гельцеръ, Трефиловой, Егоровой, Аннѣ Павловой, Сѣдовой, Карсавиной, Балашевой, Рославлевой, Смирновой, Лопуховой, Кякштъ, Хлюстину, Нижинскому, Волинину, С. Легату, Романову, Мордкину, Горскому, Б. Нижинской, Владимірову и др.

Къ концу XIX вѣка въ Россіи наблюдалась уже окончательная эволюція общественнаго мнѣнія по отношенію къ балету, какъ къ высокому искусству.

На причины этой рѣзкой перемѣны я укажу, когда придется говорить объ успѣхахъ нашего балета за границей. Вотъ съ группой этой, талантливой, тогда еще юной арміи, изъ рядовъ которой позднѣе вышли замѣчательные балетмейстеры, какъ Мясинъ и Лифарь, С. П. Дягилевъ, этотъ Наполеонъ отъ хореграфіи, началъ свой тріумфальный походъ на Европу.

Нашихъ театральныхъ казенныхъ училищъ здѣсь, за границей, не существуетъ, но цѣлое поколѣніе ихъ славныхъ представительницъ и представителей ведетъ къ тріумфамъ молодыя силы, храня священное пламя славныхъ традицій своей **Alma Mater.**

Имъ и только имъ, ихъ героической, самоотверженной работѣ, мы обязаны тѣмъ, что русскій балетъ за рубежомъ вплетаетъ въ свой безсмертный вѣнокъ новые и новые лавры.

⁂

Я пламенный почитатель одной изъ девяти дочерей Зевса и Мнемозины, я люблю съ юношескихъ лѣтъ Терпсихору, обаятельную, воздушную, вдохновенную музу танцевъ. Моей любви я не измѣнялъ.

Какъ всѣ влюбенные, я окружилъ себя, въ своей маленькой квартирѣ, изображеніями Терпсихоры во всѣхъ ея перевоплощеніяхъ, во всѣхъ ея образахъ, какіе она принимала, выступая передъ нами.

Я обвѣшалъ стѣны ея портретами и старыми, пожелтѣвшими отъ времени литографіями.

У меня не было средствъ для созданія храма славы Терпсихорѣ, поэтому мнѣ ничего не оставалось, какъ ограничиться маленькимъ собраніемъ.

Когда я одинъ, когда тоскливо на душѣ, взбудоражены нервы, я бывало глядѣлъ на стѣны, съ которыхъ смотрятъ молчаливыя лица, и уносился къ былому.

Взгляну и мнѣ кажется, что я очутился въ старинномъ зданіи Большого театра или въ Маріинскомъ. Подымается ворохъ воспоминаній, подводишь итогъ впечатлѣній. Тутъже мелькаютъ наши современные артисты и артистки.

***

Искусство танцевъ, которое въ началѣ вѣка достигло справедливой оцѣнки его, небывалой популярности, заняло среди другихъ искусствъ свое почетное мѣсто. Я, да и многіе, помнятъ еще пренебрежительное отношеніе въ обществѣ къ балету, къ хореграфіи, которую приравнивали къ спорту.

Не скрою, что мнѣ въ достаточной степени претитъ слово «балетоманъ», весьма опошленное. Я понимаю любителя балета, театрала.

Я дорожилъ моимъ маленькимъ собраніемъ. Каталогъ моего собранія — моя память. У меня слабость къ портре-

тамъ и преимущественно литографіямъ и гравюрамъ, относящимся къ балету.

**
*

На каминѣ у меня помѣщалась цѣлая серія мѣдныхъ фигурокъ. Мнѣ пришла мысль собрать эти примитивныя мѣдныя фигурки, изображающія русскую пляску. Собрать ихъ въ большомъ количествѣ нельзя: ихъ было сдѣлано въ старину немного: Русская пляска меня глубоко интересуетъ, и я увлекался ею, любовался ею на лубочныхъ картинахъ и на картинахъ вообще. Въ ней русская удаль, и картинность, и красота, и грація, и живой, мощный юморъ. Я предвижу еще, что со временемъ русская пляска будетъ показана въ балетѣ безъ конфетныхъ прикрасъ, съ этнографической точностью. Поэзія ея безпредѣльно близка и понятна нашей русской душѣ. Возьмите хороводъ! какъ его можно поставить, какія разнообразія встрѣчаются въ хороводахъ! Конечно, сидя въ Петербургѣ мудрено было постичь это.

Еще труднѣе было достичь очаровательной правды русской пляски балетмейстеру изъ французовъ. Русская пляска — красота. Я жалѣю, что наши танцовщицы, ѣздили, напримѣръ, въ Испанію для изученія мѣстныхъ національныхъ танцевъ, но не заглядывали въ глубину Россіи. Та танцовщица, которая послѣдуетъ моему совѣту, и займется изученіемъ истинной русской пляски, сыграетъ въ своемъ искусствѣ не меньшую роль, чѣмъ В. В. Андреевъ съ его балалайкой.

Попадались мнѣ изрѣдка старыя бисерныя вышивки съ русской пляской, подносы съ живописью, платки съ плясками, множество полотенецъ съ плясками.

Но вотъ что меня удивило. Зашелъ я, будучи въ Москвѣ, въ грандіозный кустарный земскій музей. Цѣлыя коллекціи работъ кустарей, и не нашлось даже одного полотенца или платка съ пляской. Почему такое равнодушіе къ

плясовымъ сюжетамъ? Почему среди стариннаго русскаго фарфора пляска представлена такъ широко? Какъ поразительно цвѣтисты и оригинальны окраски этихъ пляшущихъ фигуръ!

⁂

За ужиномъ въ ресторанѣ «Кюба» въ Петербургѣ, въ углу, подъ большой пальмой, за небольшимъ круглымъ столомъ, который кто то назвалъ «литературнымъ», я иногда сиживалъ съ Власомъ Дорошевичемъ, В. Свѣтловымъ, Ю. Бѣляевымъ и другими. Власъ Дорошевичъ любовно относился къ балету, хотя въ балетоманы никогда не записывался. Напротивъ, онъ поглядывалъ на нихъ не безъ ироніи и добродушно посмѣивался надъ ними въ своихъ остроумнѣйшихъ фельетонахъ. Съ Валеріаномъ Свѣтловымъ Дорошевичъ не прочь былъ поспорить на счетъ пуантовъ и туровъ танцовщицъ, но всѣ ихъ разговоры на эти темы происходили въ такомъ добродушномъ тонѣ, что дуэли ожидать было нельзя.

В. Свѣтловъ питалъ нѣжную слабость къ петербургскому балету, а къ московскому относился иногда съ холодкомъ, и Дорошевичъ это неоднократно ему ставилъ на видъ и ехидно улыбался.

У меня сохранилось ненапечатанное стихотвореніе о Власѣ и Валеріанѣ, написанное «скопомъ» пріятелями на обратной сторонѣ меню, украшеннаго красно-золотымъ гербомъ, должно быть, фамиліи Кюба!

Вотъ эта поэзія, оригиналъ которой мы, ради шутки, послали въ музей Бахрушина, хотя были оппоненты... Юрій Бѣляевъ глубокомысленно спросилъ: «Почему не въ Академію Наукъ?». Каррикатуристъ Юсъ Большой, подъ псевдонимомъ котораго скрывался тотъ же Бѣляевъ, набросалъ на этомъ же меню двухъ танцовщицъ, съ кривыми ногами, одну съ головой Дорошевича, другую — Свѣтлова.

Какъ то два балетомана
Споръ вели между собой
Власъ ворчалъ на Валеріана,
Валеріанъ давалъ отбой.
Власъ Московской «Царь-Дѣвицы»,
Славилъ сорокъ фуэте.
Недостатки танцовщицы
Онъ приравнивалъ къ мечтѣ.
Валерьянъ другого толку
И любилъ повоевать.
Повторялъ онъ безъ умолку:
«Ей Анюты*) не догнать.
Волноваться не годится,
Катя**) насъ не удивитъ,
Кто же съ Павловой сравнится,
Кто Трефилову затмитъ?»
«Нѣтъ, меня, по крайней мѣрѣ,
Убѣдить не въ силахъ вы.
Петербуржцы всѣ Сальери
Предъ Моцартами Москвы».
Валерьянъ промолвилъ Власу:
Опровергнуть васъ легко.
Не приму Москвы я кваса
За шампанское «Клико».

***

Власъ Дорошевичъ — остроуміе его искрилось, какъ шампанское. Не могу забыть его отзыва о танцовщицѣ, имѣвшей исключительный успѣхъ:

«Эта танцовщица, — писалъ Дорошевичъ, — поднимаетъ ногу выше всякой критики».

***

---

*) Павлова.
**) Гельцеръ.

Всѣхъ большихъ танцовщицъ я раздѣляю на двѣ категоріи.

Однѣхъ я **смотрѣлъ.**

Другихъ я **слушалъ и смотрѣлъ.**

Первыя чаровали граціей, пластичностью позъ и движеній, всей, т. е. внѣшней, формой танца.

Вторыя, обладая качествами первыхъ, увлекали и волновали меня одухотворенностью исполненія. Онѣ говорили моимъ чувствамъ, разумѣется, не всѣ одинаково.

У каждой изъ крупныхъ танцовщицъ была своя личность, своя тайна гипноза и обаянія. Владѣли онѣ этими тайнами или убѣжденно и обдуманно или безсознательно, по наитію свыше.

Танцовщица, которую я **смотрѣлъ,** это классическая скульптура, изваянная красота.

Танцовщица, которую я **слушалъ и смотрѣлъ** — это та же самая классическая скульптура, но она заставляла меня вспомнить мифъ о Галатеѣ.

Въ ея чудномъ холодномъ тѣлѣ изъ мрамора билось сердце, струилась горячая кровь. Она улыбалась, трепетала и жила муками и радостями души.

Въ безмолвную, обольщающую васъ статую вдохнули жизнь, и она стала еще восхитительнѣй.

Въ красоту влюбляются.

Красоту одухотворенную можно любить еще сильнѣе.

Припомнимъ афоризмъ одного стараго критика: «между этими двумя танцовщицами такая же разница, какъ между мифологической легендой и разсказомъ Мопассана».

Языкъ балета, т. е. выразительность лица, глазъ, рукъ, тѣла — это такой же даръ, какъ краснорѣчіе оратора, какъ художественное слово романиста или поэта. Пластическая рѣчь по своей сжатости, опредѣленности мысли, отвлеченности ближе къ поэзіи, къ стихотворной формѣ. На хореграфическомъ языкѣ нужно выражаться лаконически, не

расплываясь, обладая художественнымъ инстинктомъ и тонкой воспріимчивостью музыкальныхъ звуковъ.

Поэтъ въ четырехъ строкахъ достигаетъ желаемаго впечатлѣнія, романисту для достиженія одинаковаго впечатлѣнія нужно, можетъ быть, четыре страницы.

Танцовщица въ свой рѣчи скована. Она говоритъ подъ музыку, связанная ея ритмическими темами.

Гоголь охарактеризовалъ народныя пляски, какъ «воздушный и пламенный языкъ, доселѣ еще нѣсколько стѣсненный и сжатый».

Никакіе великіе чародѣи хореграфіи не въ силахъ обогатить танцовщицу даромъ краснорѣчія или вдохновеннаго молчанія.

Нельзя научить поэта писать вдохновенные стихи.

Примитивы пантомимнаго жеста сравнительно недавно начали исчезать вмѣстѣ съ общей рутиной балета, противъ которой возникла борьба, но вы ихъ еще встрѣтите и теперь.

Ахъ, какъ смѣшны, наивны и лубочны эти архаическіе жесты! Какъ молодятъ они зрителя, напоминая ему о минувшемъ дѣтствѣ, о картонномъ паяцѣ на ниточкѣ.

Эти жесты приводятъ меня, даже въ драматическихъ сценахъ, въ веселое расположеніе духа, и я повторяю про себя слова дѣвочки въ какой то сказкѣ Уайльда: «этотъ танцоръ пляшетъ, какъ маріонетка, но, конечно, не такъ натурально».

Сидя въ театральномъ креслѣ, я безчисленное множество разъ наблюдалъ, что на сценѣ происходило совсѣмъ противоположное тому, чего я ожидалъ.

Танцовщица, неспособная къ вырежнію самыхъ примитивныхъ переживаній, выступала въ роли, требующей живой и сильной драматической экспрессіи. Она гримасничала, стараясь убѣдить, что плачетъ, закрывая рукой лицо, которое именно могло бы лучше всего свидѣтельствовать о ея душевномъ волненіи.

Она улыбалась и тоже никто ей не вѣрилъ. Неужели она вѣрила самой себѣ?

А можетъ быть и вѣрила. У меня былъ другъ, извѣстнѣйшій актеръ, который обладалъ рѣдкимъ комическимъ талантомъ, но обижался на тѣхъ, кто не считалъ его замѣчательнымъ трагическимъ актеромъ. Никто не могъ увѣрить его въ томъ, что онъ прирожденный комикъ. Даже полный провалъ въ драматической роли не убѣждалъ его въ этомъ. Случалось мнѣ наблюдать, какъ довольно тяжелая танцовщица, владѣющая способностью душевныхъ выраженій, появлялась въ видѣ безтѣлеснаго нѣмого существа, облачной тѣни.

Отчего это происходило даже въ такое время, когда во главѣ нашего балета стояли настоящіе большіе художники?

Никто изъ нихъ не могъ ничего подѣлать...

Ибо въ русскомъ балетѣ, какъ и во всякомъ иностранномъ, иногда не обходилось безъ рѣшающихъ вліяній, протекцій и нажимовъ.

Это обидно для искусства, но къ сожалѣнію — неизбѣжно.

Должно быть, потому, что за кулисами, гдѣ танцы — тамъ и любовь. Еще греки увѣряли, что пляски родились вмѣстѣ съ любовью.

Великіе хореграфы, художники, мастера балета тоже не безъ грѣха и не безъ упрековъ. Исторія балета прошлаго вѣка показываетъ намъ, какъ знаменитые хореграфы, дѣлавшись мужьями балеринъ, забывали, что, кромѣ ихъ женъ, были еще талантливыя танцовщицы.

Исторія балета полна любви и несправедливостей, сокрушавшихъ таланты. Романическая атмосфера балетныхъ кулисъ не менѣе замѣчательна, чѣмъ романы Дюма-отца. Перелистайте небольшую книжку Neriès Des Arbres — «Deux siècles à l'Opéra».

Въ Россіи, въ старые годы, попадались директора императорскихъ театровъ, возмущавшіеся, если молодая хорошенькая танцовщица выходила замужъ за скромнаго танцовщика, получавшаго маленькое жалованье.

За кулисами балета повсюду была борьба двухъ міровъ — авантюризма и порядочности. Этотъ компромиссъ весьма часто отрицательно вліялъ на естественный правильный расцвѣтъ искусства. Цѣломудріе и благородство боролись съ авантюризмомъ, не всегда удачно. Борьба была неравной, тѣмъ не менѣе, множество танцовщицъ дѣлались украшеніемъ семейной морали и приносили счастье мужьямъ и дѣтямъ, продолжая украшать сцену своимъ талантомъ.

Было бы несправедливо думать, говоритъ Ф. Коппе, будто весь балетный мірокъ отличается испорченностью, такъ тонко разобранной Галеви. «Танцовщица отлично можетъ показывать двумъ тысячамъ зрителей формы своего тѣла и оставаться чистой и цѣломудренной».

Таланты истинные сметали иногда своей силой могучія препятствія.

Все сказанное можно бы въ одинаковой степени распространить и на кулисы оперы и драмы, но красота женскаго тѣла нигдѣ не показана такъ выгодно, какъ въ балетѣ.

Защищать обнаженность тѣла въ балетѣ отъ лицемѣрія наивно. У хореграфіи такія же права, какъ у скульптуры и живописи. Современныя женскія моды, впрочемъ, не далеко ушли отъ балетныхъ тюникъ, приближаясь ко вкусамъ античныхъ народовъ...

Меня всегда больше возмущало тяжелое убранство женскаго тѣла, нежели его обнаженіе. Что сдѣлали съ женщиной при Людовикѣ XV! Ее перегрузили тканями какъ верблюда въ степи тюками и узлами.

Эллинскій культъ благороднѣе и свободнѣе и потому для танцовщицы я бы желалъ дальнѣйшаго опрощенія обычнаго туалета, что выгодно отразится на свободѣ движеній

и граціи. Въ этомъ направленіи достигнутое Дунканъ нельзя было не привѣтствовать и можетъ быть ея достиженія въ области прозрачнаго и легкаго костюма танцовщицы приведутъ къ господству освобожденнаго тѣла на сценѣ. Дальвѣйшая эволюція балетнаго костюма давно волнуетъ современныхъ художниковъ. Чѣмъ легче и свободнѣй костюмъ, тѣмъ человѣчнѣе, правдивѣе грація, повороты и движенія женскаго тѣла.

Въ современныхъ тюникахъ или, какъ танцовщицы назаваютъ въ «пачкахъ» есть что романтическое, родственное поэтичной эпохѣ Тальони, и ихъ должно сохранить навсегда для стилизаціи, какъ каждый сценическій костюмъ опредѣленаго времени. Увѣряютъ, что газовыя тюники придумалъ балетмейстеръ Карлъ Дидло, имя котораго у насъ увѣковѣчено Пушкинымъ въ «Егеніи Онѣгинѣ». Интересно, что прежде всѣхъ Дидло самъ нарядился въ этотъ костюмъ. Онъ вышелъ въ тюникѣ въ роли Сильфы.

Совсѣмъ другое народные танцы, національные, разнообразіе которыхъ, по словамъ Гоголя, родилось изъ характера народа, его жизни и образа занятій.

Тутъ широкая область для художника костюма, для его красокъ, своеобразія тоновъ, пестроты, излюбленныхъ національныхъ оттѣнковъ. Вымыселъ здѣсь не нуженъ. Здѣсь желателенъ строгій мѣстный колоритъ. «Народъ климата пламеннаго» далекъ въ своемъ одѣяніи отъ народа сѣвернаго, и наоборотъ. Какое тутъ поле для творчества художника!

Я отдалился отъ моей первоначальной мысли о видѣнныхъ мною танцовщицахъ.

Повторяю еще разъ. Граціозно танцовать и молча убѣдительно говорить — это высокія достиженія хореграфіи.

Танцовщица, талантъ которой объединяетъ эти двѣ воз-

можности, — танцовщица Божіей милостью. Такой танцовщицей была наша Анна Павлова.

⁂

Видѣлъ въ Парижѣ въ 20-мъ году, скончавшуюся недавно здѣсь же Карлотту Бріанцу, создавшую въ Петебургѣ «Спящую Красавицу».

П. И. Чайковскій выражалъ ей послѣ представленія глубочайшую признательность за ея чеканные нервные танцы. Для сердца роль сказочной принцессы ничего не говоритъ, а потому все исполненіе сводится къ блеску, къ точности танца. Эта точность у Бріанцы, какъ я слышалъ отъ самого П. И. Чайковскаго, не уступала лучшему часовому механизму.

Бріанца имѣла свою виллу и преподавала въ одной изъ русскихъ студій. О Россіи, о русской публикѣ говорила съ восторгомъ и слезами. Она сохранила въ душѣ искреннюю благодарность. Ея воспоминанія о Чайковскомъ за кулисами балета, цѣнны даже для такихъ русскихъ, которые балета не любили. Кстати упомянуть, что на генеральной репетиціи этого балета присутствовалъ Александръ III, лично благодарившій Бріанцу.

Будучи въ Римѣ лѣтъ пятнадцать назадъ и присутствуя на спектаклѣ С. П. Дягилева, я обратилъ вниманіе на знакомое, милое лицо сосѣдки. Въ антрактѣ ко мнѣ подошелъ Дягилевъ и мы перекинулись нѣсколькими фразами.

— Теперь я убѣдилась, что это вы, — обратилась ко мнѣ сосѣдка Энрикетта Гримальди, танцовавшая въ Петербургѣ и въ Москвѣ, очень симпатичная танцовщица, пользовавшаяся успѣхомъ. Она познакомила меня съ мужемъ полковникомъ, занимавшимъ тогда мѣсто директора въ римскомъ промышленномъ обществѣ.

Всѣ эти встрѣчи меня, если хотите, поражали: никогда

не думалъ увидѣть названныхъ артистокъ внѣ сцены черезъ много лѣтъ.

Но еще болѣе поразило меня лѣтъ 15 назадъ письмо стараго друга изъ Петербурга. Онъ пишетъ, что на товарищескомъ вечерѣ въ пріютѣ для престарѣлыхъ артистовъ, бывшая когда-то звѣздой нашего балета А. Н. Кемереръ, нарядилась въ сарафанъ и тряхнувъ стариной, прошлась (думаю, что правильнѣе выразиться такъ, нежели сказать — «проплясала») Русскую. Каюсь, я больше зналъ Кемереръ по ея славѣ, а не по ея танцамъ... Очень это далеко!

Такъ вотъ случайно выростаютъ старыя, крупныя фигуры. Оживленная театральная исторія.

Балетоманы или дансоманы, какъ ихъ звали въ старину, такъ почитали современныхъ балеринъ, что выражаясь словами автора одной статьи о крѣпостномъ балетѣ, «руки ихъ подымались сами собой, чтобы плескать въ живомъ восторгѣ сердца».

Коснувшись стараго балета, разскажу происшествіе со мной. Была въ Петербургѣ въ Большомъ Театрѣ балерина Клодина Кукки (ее смѣшивали у насъ наивно съ Цукки). Когда была Кукки — судите сами, если она въ своихъ воспоминаніяхъ описала шумный спектакль послѣ покушенія Каракозова на Александра II.

Я считалъ ее если не умершей, то ушедшей отъ міра сего и отдыхающей.

Въ моей книгѣ «Нашъ Балетъ», первое изданіе которой вышло едва ли не 40 лѣтъ назадъ, я на основаніи справокъ установилъ и напечаталъ, что Клодина Кукки была некрасива и большого успѣха не имѣла. Пріѣзжаетъ ко мнѣ однажды знакомый дипломатъ, бывшій ранѣе консуломъ въ Японіи (въ Хокодато), а затѣмъ попавшій въ Италію, и показываетъ адресованное ему письмо Клодины Кукки, вышедшей замужъ за титулованнаго аристократа и имѣющей въ Италіи школу танцевъ.

Она проситъ довести до свѣдѣнія автора книги «Нашъ Балетъ», что онъ введенъ въ заблужденіе: она была очень красива и имѣла громадный успѣхъ, заслуживъ благодарность и подарки Александра II.

Въ письмѣ Кукки ссылается въ доказательство своей правоты — на сохранившіеся у нея отзывы тогдашней печати. Такое почтеніе къ печати меня тронуло! Десятки лѣтъ хранить какіе то пожелтѣвшіе обрывочки съ похвалами себѣ. Я написалъ наивное раскаяніе за свою небрежность и послалъ Кукки газету съ этою «запоздалою» статьей.

Вотъ какіе случаются сюрпризы! Съ этихъ поръ о старыхъ балеринахъ я рѣшилъ не вспоминать иначе, какъ о красавицахъ.

***

Карлотта Бріанца, о которой у упоминалъ, была создательницей главной роли въ балетѣ П. И. Чайковскаго «Спящая Красавица». При встрѣчѣ она подѣлилась со мной воспоминаніями о постановкѣ балета, о генеральной репетиціи, о спектаклѣ и пр.

— Репетировали мы балетъ мѣсяца три на сценѣ Театральнаго училища въ присутствіи старика Маріуса Петипа, Чайковскаго и Рихарда Дриго — композитора и балетнаго дирижера оркестра Маріинскаго театра. Репетиціи происходили подъ рояль, причемъ Дриго аккомпанировалъ лично. Чайковскій шелъ навстрѣчу желаніямъ балетмейстера, сокращая, дополняя и измѣняя музыку въ зависимости отъ танцевъ. Знаменитый композиторъ насъ очаровалъ своей деликатностью и исключительной скромностью, чѣмъ не отличались часто менѣе извѣстные и менѣе талантливые композиторы.

Во время перваго представленія 3 января 1890 года Чайковскій на вызовы публики одинъ не выходилъ. Онъ выходилъ съ Петипа и со мной, со мной и Гердтомъ и съ

другими исполнителями. На сценѣ стрался выдвинуть насъ, а самъ прятался за насъ. — Вспоминаю, — продолжала она, — генеральную репетицію. Присутствовалъ императоръ Александръ III со всей семьей. Они заняли мѣста въ партерѣ, а въ ложахъ сидѣли артисты оперы, драмы и балета. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, участвовавшіе въ «Спящей Красавицѣ», появлялись въ ложахъ въ костюмахъ, пользуясь картинами въ которыхъ не были заняты.

— Александръ III на сцену не приходилъ? —спросилъ я Бріанцу.

— Никогда не видѣла его за кулисами. Наслѣдникъ бывалъ. Императоръ всегда апплодировалъ и нѣкоторыхъ артистовъ въ юбилейные и торжественные спектакли приглашалъ въ царскую ложу.

Балерина, говоря о замѣчательной русской балетной труппѣ, сказала, между прочимъ, что другого такого танцовщика, какъ П. А. Гердтъ, она не встрѣчала на сценѣ. Это былъ большой исключительный артистъ.

О самой Бріанца мнѣ остается добавить мое мнѣніе. Съ блестящей технической виртуозностью она соединяла граціозность движеній и привлекательность. Успѣхъ ей не измѣнялъ.

***

Однажды на балетномъ раутѣ маститый генералъ, и не менѣе маститый балетоманъ, Н. А. Винтуловъ, колоритная грузная фигура со снѣжной бородой Черномора, подвелъ ко мнѣ какого то древняго длиннаго и высокаго старца въ генеральскомъ мундирѣ съ поперечными погонами на плечахъ, балетомана, едва ли не помнящаго еще Истомину на сценѣ...

Онъ цѣлый вечеръ хрипѣлъ мнѣ въ ухо, вспоминая о быломъ балетѣ, въ прозѣ и стихахъ... Новаго онъ ничего не признавалъ, говорилъ о немъ только фыркая и будируя.

Нѣсколько строкъ прочитанной имъ «оды» я сохранилъ на память. Вотъ онѣ:

«Нѣтъ больше молодости. Гдѣ ты?
Гдѣ Гризи дивный силуэтъ?
Гдѣ театральныя кареты?
Гдѣ Николаевскій балетъ?
Гдѣ ножка стройная Тальони?
И Вяземскій, — ея поэтъ?
Поэзія теперь въ загонѣ,
Насталъ гимнастики расцвѣтъ».

— Прекрасно о театрахъ писалъ Булгаринъ, — прохрипѣлъ этотъ живой раритетъ, протягивая мнѣ руку на прощанье.

***

Почти всѣ первоклассныя балерины моего времени находятся въ Парижѣ и на-дняхъ пріѣхала еще балерина Московскаго Большого Театра — В. А. Каралли.

У меня случайно сохранился мой отзывъ о ней, который мнѣ хочется здѣсь привести.

Вѣра Алексѣевна Каралли одна изъ самыхъ граціозныхъ музъ танцевъ, нѣжная, поэтичная, съ живой душой и съ лучами истиннаго дарованія. Ея созданія не удивляютъ виртуозностью, нѣтъ... Эти созданія окутаны въ лирическихъ сценахъ теплящейся грустью, а въ моменты подъема — завидной радостью.

Каралли приковываетъ взоры публики красотой линій и изгибовъ, необыкновенно тонкихъ и капризныхъ, — но въ то же время не придуманныхъ, не внушенныхъ балетмейстеромъ, а внушенныхъ художественнымъ чутьемъ артистки.

Когда ее смотришь на сценѣ, хочешь повторить слова

великаго художника: «стой, какою я тебя вижу, останься навсегда такою въ моей памяти».

(Журналъ «Столица и Усадьба»).

Къ этому моему отзыву о Каралли, менѣе извѣстной за границей, прибавлю, что ее, Анну Павлову и Карсавину справедливо называли «тремя граціями», хотя вмѣстѣ видѣть ихъ на сценѣ никогда не приходилось. По внѣшности и по своей воздушности онѣ необыкновенно подходили другъ къу другу.

***

Никто, какъ я думаю, кромѣ меня не знаетъ, что одна изъ самыхъ привлекательныхъ артистокъ балета, балерина Вѣра Александровна Трефилова, грація которой, необычайная четкость классическаго танца и плѣнительная внѣшность сводили съ ума публику Петербурга и Парижа (во времена Дягилева), чуть-чуть не посвятила себя драматической сценѣ.

Еще будучи семи лѣтъ отъ роду, Трефилова выступала въ театрѣ Лентовскаго (Малый театръ въ С.-Петерургѣ) въ нашумѣвшей тогда феерiи «Лѣсной бродяга» и въ театрѣ Казанцева на Офицерской улицѣ, гдѣ впослѣдствiи помѣщался театръ Комиссаржевской.

Въ 1887 году 9-лѣтняя Трефилова вступила въ Императорское Театральное Училище. Тогда въ Александринскомъ театрѣ репетировалась постановка «Власти тьмы» Толстого. На хорошенькую, талантливую дѣвочку палъ выборъ театральнаго начальства для исполненiя роли Анютки. Нѣсколько мѣсяцевъ она репетировала и успѣла завладѣть симпатiями управляющаго труппой — писателя А. А. Потѣхина, М. Г. Савиной, К. А. Варламова и П. А. Стрепетовой. Они помогали маленькой Трефиловой совѣтами и восторгались ея талантомъ.

Потѣхинъ настаивалъ, чтобы ее готовили въ драму, а не въ балетъ.

Однако, Трефиловой не удалось выступить въ роли Анютки, такъ какъ «Власть тьмы», совсѣмъ срепетованную, сняли съ репертуара. Драма пошла значительно позже. Юная Трефилова осталась въ балетѣ, гдѣ она дѣйствительно нашла себя. Она окончила балетную школу, успѣхъ ея росъ и крѣпъ, но артистка вышла замужъ и оставила временно сцену. Вернувшись черезъ нѣсколько лѣтъ на театральные подмостки, она заблистала вновь и, можетъ быть, даже еще ярче, украшая своимъ талантомъ постановки Дягилева въ Парижѣ.

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАГО ОБЩЕСТВА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Этотъ театръ неразлученъ съ именемъ Суворина.

Театръ въ жизни А. С. Суворина сыгралъ одну изъ главныхъ ролей. Суворинъ любилъ его со дней молодости и не измѣнялъ этой страсти до конца жизни.

Алексѣй Сергѣевичъ помѣщалъ свои блестящіе фельетоны и критическія статьи объ Александринскомъ театрѣ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» В. Ф. Корша, гдѣ онъ писалъ подъ псевдонимомъ «Незнакомецъ», затѣмъ въ газетѣ «Молва» В. А. Полетики и, наконецъ, въ «Новомъ Времени».

Въ своей газетѣ Суворинъ не связывалъ себя обязанностью присяжнаго критика, который долженъ присутствовать на всѣхъ спектакляхъ. Онъ старался найти одаренныхъ сотрудниковъ, какъ, напримѣръ, въ послѣдніе годы изданія газеты онъ нашелъ Юрія Бѣляева, а самъ выступалъ, когда чувствовалъ, что предстоитъ спектакль, заслуживающій особаго вниманія въ литературномъ и художественномъ отношеніи или ожидалъ исполненія актера или актрисы, которыхъ высоко цѣнилъ.

На пути театральныхъ увлеченій Суворинъ загорался и всегда съ юношескимъ пыломъ протягивалъ руку талантамъ.

Вспоминаю его восторженное увлеченіе пріѣхавшими въ первый разъ въ Петербургъ украинцами, — М. К. Заньковецкой, М. Л. Крапивницкимъ и другими. Общественное мнѣніе присоединилось тогда къ Суворину, восторгаясь тоже этими художественными сокровищами.

Вспоминаю Суворина, очарованнаго дарованіемъ глубокой трагической актрисы П. А. Стрепетовой.

Появляется бытовой наблюдательный разсказчикъ и актеръ Василій Николаевичъ Андреевъ-Бурлакъ. Послѣ чтенія имъ «Записокъ сумасшедшаго», Суворинъ указываетъ на него. Эти этапы суворинской влюбленности въ таланты непрерывны.

Параллельно съ своей критической дѣятельностью А. С. началъ выступать въ качествѣ драматурга. Онъ написалъ пьесы «Медея» (въ сотрудничествѣ съ Бурениным), «Татьяна Рѣпина», «Самозванецъ и царевна Ксенія», «Вопросъ» и друг.

Чѣмъ же кончилась вѣрная и неизмѣнная дружба Суворина съ талантами?

Она не кончилась, она съ годами еще окрѣпла и усугубилась.

Суворинъ сталъ во главѣ Малаго театра въ Петербургѣ. Театръ этотъ назывался — Театромъ Литературно-Художественнаго Общества. Но это былъ его псевдонимъ, а публика его называла «Театромъ Суворина». Да такъ оно въ дѣйствительности и было. Нѣсколько пайщиковъ окружавшихъ главнаго изъ нихъ, А. С. Суворина, почти никакого отношенія къ театру не имѣли, потому что не могли рисковать большими средствами. Почему Алексѣй Сергѣевичъ не хотѣлъ стать во главѣ театра подъ своимъ именемъ я не

знаю, но помню, какъ онъ былъ противникомъ этого на первомъ собраніи учредителей.

Оглядываясь назадъ на Суворинскій театръ, достаточно отмѣтить два-три выпуклыхъ факта изъ его достиженій, чтобы составить понятіе о значеніи этого театра.

Театръ Суворина первый добился разрѣшенія поставить «Власть тьмы» Л. Н. Толстого и поставилъ ее превосходно. Исполненіе было на большой художественной высотѣ и было встрѣчено обществомъ и печатью съ какой то необычайной радостью. Я не забылъ до сихъ поръ появленія во время антракта на сценѣ одного изъ директоровъ театра, Я. А. Плющевскаго-Плющика, предложившаго послать Льву Николаевичу Толстому телеграмму, текстъ которой онъ прочиталъ. Публика отвѣтила единодушнымъ рукоплесканіемъ на это предложеніе и весь залъ всталъ, какъ одинъ человѣкъ.

Театръ Суворина получилъ также разрѣшеніе на постановку части трилогіи графа Алексѣя Толстого «Царь Феодоръ Іоанновичъ».

Первое представленіе этой части извѣстной трилогіи явилось крупнѣйшимъ событіемъ въ общественной жизни столицы и было принято съ энтузіазмомъ.

Въ одинъ вечеръ выросла крупная фигура даровитаго, едва ли не геніальнаго актера Орленева, создавшаго заглавную роль. Весь Петербургъ славилъ тогда Орленева. Кто онъ, откуда этотъ Орленевъ?

Орленевъ — открытіе А. С. Суворина. Открылъ онъ этого молодого актера съ присущимъ ему художественнымъ чутьемъ, увидавъ его въ какомъ то пустомъ водевилѣ на сценѣ лѣтняго театра.

Въ качествѣ одного изъ пайщиковъ будущаго театра, я зашелъ какъ то вечеромъ побесѣдовать къ Суворину. Алексѣй Сергѣевичъ сказалъ мнѣ:

— Было бы отлично взять въ нашу труппу молодого

Орленева и молодую актрису М. П. Домашеву, которыхъ я видѣлъ въ театрѣ въ Озеркахъ. Съѣздите туда, посмотрите ихъ и потолкуйте съ ними.

Я исполнилъ его желаніе и съѣздилъ на спектакль въ Озерки. Орленевъ и М. П. Домашева мнѣ очень понравились. Въ антрактѣ я зашелъ за кулисы и имѣлъ съ ними бесѣду. И тотъ, и другая сообщили мнѣ, что уѣзжаютъ въ Москву, подписали условіе съ театромъ Корша и служить въ Петербургѣ не могутъ. Они какъ бы гордились приглашеніемъ въ театръ Корша, гдѣ, по словамъ Орленева, «платятъ отлично».

— О какомъ театрѣ вы, Александръ Алексѣевичъ, говорите? — полюбопытствовалъ Орленевъ узнать у меня.

— О новомъ, — отвѣтилъ я, — театрѣ А. С. Суворина.

— Это дѣло иное. Тогда позвольте мнѣ подумать, — отвѣчалъ онъ.

Вторила ему и М. П. Домашева. Они заявили черезъ 10 минутъ, что предпочитаютъ Суворина, согласны служить въ его театрѣ и принимаютъ на себя объясненіе по этому поводу съ Коршемъ.

При театрѣ Суворина для поднятія художественнаго репертуара и его разнообразія былъ организованъ ежегодный конкурсъ съ преміями за лучшія драматическія произведенія.

Одной изъ одобренныхъ жюри конкурса пьесъ была — «Дѣти Ванюшина», принадлежавшая перу Найденова. Она выдержала множество представленій и обошла всѣ театры Россіи.

Затѣмъ Литературно-Художественное Общество основало при театрѣ драматическую школу имени А. С. Суворина, во главѣ которой сталъ В. П. Далматовъ, а послѣ его кончины — М. Г. Савина, пригласившая меня своимъ помощникомъ.

Школа процвѣтала, имѣла свое помѣщеніе съ двумя театральными залами и насчитывала до ста учащихся. Мы вынуждены были закрыть ее, такъ какъ все помѣщеніе было реквизировано для нуждъ мобилизаціи наканунѣ великой войны.

Очень много бывшихъ учениковъ школы и по сейчасъ подвизаются на русскихъ сценахъ, гдѣ заняли видное положеніе.

При театрѣ выходилъ одно время театральный журналъ, отлично иллюстрированный и посвященный преимущественно постановкамъ этого театра. Редактировалъ журналъ актеръ Б. С. Глаголинъ. Теперь журналъ этотъ библіографическая рѣдкость.

Въ то время въ Россіи драматическіе спектакли великимъ постомъ были воспрещены. По иниціативѣ А. С. Суворина, дирекціи театра удалось исхлопотать у правительства разрѣшеніе великопостныхъ спектаклей, данное и всѣмъ театрамъ.

Вся театральная Россія была обрадована и провинціальные актеры поднесли дирекціи Суворинскаго театра благодарственный адресъ, который украшалъ закулисное фойе.

Труппа театра Суворина пополнялась новыми силами, крѣпла и собирала всѣ лучшія силы провинціальныхъ театровъ. Назову нѣсколько именъ, чтобы судить о ней.

В. П. Далматовъ (уходившій временно изъ труппы Александринскаго театра), П. А. Стрепетова, послѣ ухода изъ Александринскаго театра, Конрадъ Яковлевъ (приглашенный потомъ въ Александринскій театръ), В. А. Миронова, Я. С. Тинскій, М. А. Михайловъ, Б. С. Глаголинъ, П. Г. Баратовъ, К. В. Бравичъ (приглашенный затѣмъ въ Малый театръ), Н. Г. Сѣверскій, И. И. Судьбининъ, И. А. Хворостовъ, Е. К. В. Бравичъ (приглашенный затѣмъ въ Московскій Малый театръ), Н. Г. Сѣверскій, И. И. Судьбининъ, И. А. Хворостовъ, Е. Корчагина-Александровская (приглашена затѣмъ

въ Александринскій театръ, гдѣ служитъ и по сей часъ), Мячинъ, П. П. Орленевъ, Н. Н. Музиль-Бороздина, М. П. и А. П. Домашевы (послѣдняя теперь служитъ въ Александринскомъ театрѣ), К. М. Рашковская,*) М. П. Свободина-Барышева, Г. Г. Ге (вступилъ въ труппу Александринскаго театра), В. Е. Карповъ, Нерадовскій, М. Э. Троянова, М. В. Дальскій, Е. Н. Рощина-Инсарова (была приглашена въ Москву въ театръ Незлобина, затѣмъ въ Малый Московскій театръ и, наконецъ, въ Александринскій театръ).

Режиссерами театра были: Е. П. Карповъ, Н. Н. Арбатовъ, Главацкій, Федоровъ-Юрковскій, покинувшій тогда Александринскій театръ.

Рядъ пьесъ былъ поставленъ П. П. Гнѣдичемъ, вѣдавшимъ одно время художественной частью театра.

Алексѣй Сергѣевичъ принималъ самое близкое участіе въ жизни театра, читалъ пьесы, помогалъ совмѣстно съ драматургами режиссерамъ въ распредѣленіи ролей, присутствовалъ на репетиціяхъ, гдѣ иногда неистово горячился, требовалъ отъ авторовъ передѣлокъ.

Не могутъ быть забыты гастроли въ театрѣ Литературно-Художественнаго Общества знаменитаго итальянскаго трагика Томазо Сальвини, игравшаго здѣсь съ русскими артистами, гастроли В. Ф. Комиссаржевской, М. В. Дальскаго и др.

Такова въ общихъ чертахъ дѣятельность театра и его руководителей... дѣятельность, которая временами соперничала съ продуктивностью Александринскаго театра.

---

*) К. М. Рашковская скончалась подъ Парижемъ въ октябрѣ 1938 г. въ Русскомъ Домѣ. созданномъ заботами кн. В. К. Мещерской.

МАНТАШЕВЪ — НЕФТЯНОЙ КОРОЛЬ.

Кто не зналъ Александра Ивановича Манташева! Имя его было, можно сказать, міровымъ. Манташевъ уроженецъ Тифлиса, армянинъ. Его соотечественники не забудутъ его; чего онъ не сдѣлалъ для родного и любимаго города!Знаменитую семинарію построилъ, перестроилъ покои Католикоса всѣхъ армянъ, соорудилъ пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ, создалъ Торговую школу и т. д. Александръ Ивановичъ былъ почетнымъ мировымъ судьею, попечителемъ Реальнаго училища, основателемъ Кавказскаго банка, а, главное, былъ такимъ благотворителемъ, какихъ на свѣтѣ не много. Онъ субсидировалъ не сотни, а тысячи человѣкъ учащейся молодежи въ Россіи и за-границей. Закончилъ онъ свою жизнь съ тремя милліонами годового дохода, а началъ ее очень тяжело. Манташеву и его отцу долго не везло, но въ одно прекрасное утро на его нефтеносномъ участкѣ Джамилъ, въ Баку, забилъ фонтанъ, выбрасывавшій до двухсотъ тысячъ пудовъ нефти въ день, словомъ, это былъ волшебный фонтанъ, какой-то фантастическій для жизни Манташевыхъ. Жизнь совершенно перевернулась и пошелъ золотой дождь. Въ концѣ концовъ, Александръ Ивановичъ, превратившись въ милліонера, сыгралъ колоссальную роль въ русской промышленности и распространилъ свои торговыя дѣла по всему міру.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ только не было отдѣленій предпріятія Манташевъ и К°?... И по всей Волгѣ, и въ Смирнѣ, въ Калькуттѣ, въ Лондонѣ, въ Варшавѣ... во всѣхъ концахъ земного шара!

Я вовсе не собираюсь писать характеристику Александра Ивановича, какъ замѣчательнаго двигателя русской промышленности, у котораго, по словамъ большихъ государственныхъ людей, была «ума палата», былъ широченный кругозоръ, колоссальный масштабъ, размахъ во всѣхъ его начинаніяхъ. Онъ могъ бы быть блестящимъ министромъ торговли и промышленности, которыя процвѣли бы и увѣнчали его имя.

Я былъ много лѣтъ друженъ съ Александромъ Ивановичемъ, этимъ живымъ, интереснѣйшимъ человѣкомъ, откликавшимся на самыя разнообразныя общественныя дѣла. Онъ поддерживалъ искусство, за какую то услугу, оказанную имъ Большой Оперѣ въ Парижѣ, Манташевъ получилъ знаки ордена Почетнаго Легіона, къ чему, впрочемъ, онъ, какъ и ко всѣмъ наградамъ, особенной слабостью не отличался. Его произвели въ дѣйствительные статскіе совѣтники, наградили орденомъ св. Владиміра, но никто изъ его друзей даже не зналъ, что онъ былъ «его превосходительство».

Каждый пріѣздъ Александра Ивановича въ Петербургъ являлся событіемъ и вѣсть о пріѣздѣ его разносилась по городу, какъ молнія. Это подтверждается слѣдующимъ курьезомъ. Не успѣлъ Манташевъ войти въ свою квартиру на Большой Итальянской улицѣ, какъ ему подали 37 только что доставленныхъ билетовъ на концерты, бенефисы, вечера.

— Чортъ ихъ знаетъ , —сказалъ Манташевъ, — откуда они узнали, что я пріѣхалъ!

Разорваться и быть на всѣхъ вечерахъ онъ, конечно, не могъ, но вознаградилъ всѣхъ.

Одно время А. И. Манташева и въ Петербургѣ, и въ Парижѣ буквально преслѣдовали представители какихъ то

революціонныхъ партій, требовавшіе отъ него субсидій на революціонную пропаганду. Отъ такихъ господъ приходилось прятаться, скрываться и даже держать тѣлохранителей. Находились дамы изъ общества, преслѣдовавшіе Манташева. Одна изъ нихъ, вторгнувшаяся въ его квартиру, объявила ему, что если онъ ее не выручитъ, то она тутъ же выбросится въ окно на Большую Итальянскую улицу. Занимали у А. И. и дома, и въ ресторанахъ, и на улицѣ и «даже въ банѣ», какъ шутили тогда.

Манташевъ жаловался мнѣ, что не знаетъ, гдѣ ему обѣдать въ лѣтнюю, жаркую погоду.

— Поѣхалъ вчера обѣдать на Дачу Эрнеста (ресторанъ на Каменноостровскомъ проспектѣ), сѣлъ въ бесѣдкѣ одинъ, спросилъ обыкновенный обѣдъ и полбутылки краснаго. Подали ужъ рыбу. Откуда ни возьмись, хозяинъ передо мной, «не допущу», кричитъ онъ, «не допущу, чтобы Александръ Ивановичъ Манташевъ могъ пить такое скверное вино!». Выхватилъ у меня бутылку и убѣжалъ. Потомъ принесъ новую и поставилъ въ счетъ 75 рублей. Я не пью дорогого вина, мнѣ вредно, а онъ меня заставляетъ! Я ему сказалъ: «лучше бы я вамъ заплатилъ 75 рублей за то, которое вы взяли у меня!». И обѣдъ весь передѣлалъ... Вмѣсто восьми рублей взялъ сто. Сладу нѣтъ!».

И гдѣ бы ни появлялся А. И., всѣ считали обязанностью нагрѣть его, поскольку возможно, а ужъ если онъ давалъ гдѣ-нибудь обѣдъ, собирая друзей и пріятелей, то рестораторы писали счета, которые нужно было бы сохранять въ музеяхъ. Наѣзжая въ столицу, Манташевъ привозилъ со своихъ рыбныхъ промысловъ по нѣсколько пудовъ «мѣшковой» и другой икры, разсылая ее щедро знакомымъ, какъ дары Кавказа. Однимъ изъ любимыхъ развлеченій А. И. въ Петербургѣ былъ балетъ и, конечно, онъ участвовалъ во всѣхъ торжествахъ и подношеніяхъ дочерямъ Терпсихоры.

По натурѣ своей Манташевъ отличался рѣдкой скром-

ностью, простотою; онъ никогда не казался бы выше толпы, если бы его не выдавала исполинская фигура. Ни о какихъ своихъ одолженіяхъ и субсидіяхъ онъ никогда не говорилъ ни слова, дѣлая исключеніе только для комическихъ фактовъ, вродѣ, напримѣръ, слѣдующаго: обѣдалъ онъ въ большой залѣ ресторана Контанъ, на Мойкѣ, и не успѣлъ еще приступить къ закускамъ, какъ ему лакей поднесъ на тарелкѣ записку отъ кого то изъ знакомыхъ. Прочитавъ быстро записку, Манташевъ сунулъ въ нее сто рублей и отправилъ обратно. Въ концѣ концовъ, эти попрошайничества такъ разстраивали и нервировали А. И., что онъ сталъ избѣгать появляться въ общественныхъ мѣстахъ.

Я встрѣчался съ Манташевымъ повсюду за-границей, въ Карлсбадѣ, въ Парижѣ, въ Контрексевилѣ и т. д. Кстати сказать, въ Контрексевилѣ русскіе ему много обязаны постройкой православной церкви.

Въ Парижѣ Манташевъ имѣлъ въ «Большой Оперѣ» свою собственную ложу, которая послѣ смерти его перешла по наслѣдству къ дѣтямъ. Его можно было часто встрѣчать во «Французской Комедіи». Это былъ его излюбленный театръ.

Мнѣ разсказывали очевидцы, что при проѣздѣ Манташева по Кавказу, на каждой станціи его ожидала толпа.

Въ Тифлисѣ, зайдя однажды въ церковь, А. И. увидѣлъ кого то изъ обѣднѣвшихъ армянъ, горячо молившагося. По выходѣ изъ церкви, Манташевъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— О чемъ ты такъ горячо молился?

— Просилъ у Господа денегъ.

— И что же?

— Господь сказалъ: денегъ нѣтъ, всѣ деньги у Манташева!

— Ну, хорошо, — отвѣтилъ А. И., — я тебѣ назна-

чаю 100 рублей въ мѣсяцъ пенсіи, будешь получать пожизненно.

Манташеву такъ понравился этотъ отвѣтъ, что онъ разсказывалъ его многимъ.

Имя Манташева сдѣлалось повсюду нарицательнымъ, хотя людей куда болѣе богатыхъ, чѣмъ онъ, было немало, но именно Манташевская щедрость создала ему репутацію чуть ли не самаго богатаго.

— Я вѣдь не Манташевъ, — говорили люди состоятельные, но скуповатые. Даже въ повѣстяхъ и разсказахъ мелькало иногда это: «я вѣдь не Манташевъ!».

Въ Парижѣ А. И. Манташевъ захворалъ и перенесъ очень серьезную операцію, послѣ которой поправился, но черезъ нѣсколько лѣтъ неожиданно скончался въ Петербургѣ на своей необычайно скромной квартирѣ на Большой Итальянской улицѣ. Вся обстановка этой квартиры, гдѣ мнѣ приходилось не разъ бывать, говорила о томъ, что Манташевъ не любилъ роскоши, не любилъ ничего кричащаго, предпочитая самую простую жизнь.

Не помню кто сказалъ послѣ смерти Александра Ивановича, что о немъ писать можно очень много и для того, чтобы перечислить всѣ его добрыя дѣла и общественныя заслуги потребовалаось бы нѣсколько книгъ.

У КЮБА.

Куски жизни, бытъ и нравы недавняго Петербурга свѣжи и живы въ моей памяти. Мнѣ кажется, что все это было вчера. Во время великой войны Петербургъ превратился въ Петроградъ. Псевдонимъ нисколько не измѣнилъ столицы.

Кюба былъ моднымъ кулинаромъ Петербурга и въ его ресторанѣ, принадлежавшемъ ранѣе старику Борелю, имя котораго встрѣчается въ повѣстяхъ, поэмахъ и фельетонахъ семидесятыхъ годовъ, собирался весь Петербургъ отъ верховъ общества до биржевыхъ спекулянтовъ включительно.

Ресторанъ Кюба помѣщался на главной артеріи столицы, на Большой Морской улицѣ, на углу Кирпичнаго переулка, въ нижнемъ этажѣ. Сначала было всего двѣ комнаты, потомъ три и, наконецъ, четыре. Въ первомъ этажѣ были отдѣльные кабинеты и роскошный залъ гдѣ, послѣднее время, по вечерамъ игралъ оркестръ подъ управленіемъ скрипача Окіальби.

Чего и кого не видѣли стѣны популярнаго ресторана, и во времена древнія и во времена «Кюба» и его преемниковъ, послѣ того, какъ Кюба назначили шефомъ царской кухни.

По утрамъ у Кюба завтракалъ дѣловой Петербургъ — финансисты, банкиры, маклера, около которыхъ жужжали

какъ пчелы простые смертные, жаждущіе пріумножить свои капиталы.

То, что многимъ посѣтителямъ удавалось наживать за завтраками въ нижнемъ этажѣ, то оставляли по вечерамъ, особливо по воскресеньямъ, въ верхнемъ залѣ, который въ эти дни напоминалъ свѣтскій раутъ.

За завтракомъ, въ 12 часовъ дня, въ нижнихъ комнатахъ ресторана трудно было получить мѣсто, такъ какъ всѣ мѣста, были какъ будто абонированы одними и тѣми же завсегдатаями. Свѣжихъ людей татарская прислуга разсаживала неохотно и недовѣрчиво.

Словно въ паноптикумѣ застыли завтракавшія фигуры. За однимъ столомъ появлялись великіе князья, гвардейскіе офицеры, за другимъ финансовая знать, директора банковъ, маклера. Достаточно вспомнить двѣ «династіи» братьевъ Петрококино и бр. Рафаловичей — ихъ завтракало человѣкъ десять. За третьимъ министры, наѣзжавшіе генералъ-губернаторы и губернаторы, за четвертымъ балетоманы, журналисты, литераторы и т. д.

Обыватель, зайдя въ переполненныя и туманныя отъ дыма сигаръ и папиросъ комнаты, зналъ, въ какомъ углу и въ какой залѣ кого можно найти.

Лѣтъ двадцать я ходилъ сюда завтракать ежедневно и ютился у литературно-театральнаго стола, жаждая узнать, въ качествѣ журналиста, что есть новаго на свѣтѣ. Впрочемъ, нами не брезгали и большіе люди того времени! Завтракалъ съ нами, напримѣръ, прибывшій въ Петербургъ и назначенный тогда еще только директоромъ желѣзнодорожнаго департамента будущій графъ С. Ю. Витте.

Около него сидѣли братья Константинъ и Павелъ Скальковскіе. Первый — публицистъ, директоръ горнаго департамента, балетоманъ, а второй — сослуживецъ Витте по юго-западнымъ желѣзнымъ дорогамъ и пріятель его. Къ этой

группѣ примыкали временами общій другъ А. И. Манташевъ, у котораго, что ни день, начинали бить нефтяные фонтаны, затѣмъ министръ торговли и промышленности В. И. Тимирязевъ; В. Ф. Голубевъ и С. Петровскій, кн. В. Тенишевъ, Горяиновъ — директора Брянскаго завода; Н. С. Авдаковъ, горный инженеръ, членъ Государственнаго Совѣта Э. Л. Нобель; писатели В. Г. Авсѣенко, И. Н. Потапенко, Ю. Д. Бѣляевъ, В. В. Протопоповъ, Н. С. Худековъ — редакторъ «Петербургской Газеты», изрѣдка Д. В. Григоровичъ; художникъ К. Е. Маковскій; Н. М. Безобразовъ — балетный критикъ; Никита Всеволожскій — мужъ М. Г. Савиной, извѣстный и смѣлый великосвѣтскій острякъ, котораго побаивались; С. А. Андреевскій, И. Ф. Горбуновъ... У окна за столикомъ группировался кружокъ газеты «Россія» — А. В. Амфитеатровъ, Власъ Дорошевичъ, М. О. Альбертъ — собственникъ этой газеты. Блестящій публицистъ, извѣстный среди журнальной братіи подъ именемъ «Люлюши» Л. Ю. Гольштейнъ у котораго, какъ тогда разсказывали, только что обѣдалъ «знаменитый» Базиль Захаровъ, и др.

Въ сосѣдней комнатѣ ген.ад. П. А. Черевинъ со своими любимцами, состоявшій при государѣ и близкій къ царской семьѣ.

У Кюба можно было узнать всѣ предстоящія назначенія въ министерствахъ, политическія, финансовыя и литературныя новости, можно было купить надежныя акціи и тутъ же ихъ продать, наживъ деньги, между яичницей и телячьей головкой. Сюда неудержимо стремились карьеристы, мечтавшіе попасть въ губернаторы, а то и повыше, мозолившіе глаза завтракавшимъ сановникамъ. Высокіе сановники, при полученіи важныхъ государственныхъ постовъ, обрывали свои посѣщенія ресторана: несовмѣстимо!

К. А. Скальковскій говорилъ всегда громко и рѣзко, касалось ли это министра или балетной корифейки. Выйдя въ отставку и оставивъ Горный Департаментъ, онъ во всеу-

слышаніе сообщалъ, что только что продалъ старой пріятельницѣ, еврейкѣ изъ Александровскаго рынка, ордена, ленты, мундиры и пр.

— И не продешевилъ! — добавилъ онъ, — Нарочно продалъ, чтобы не дали новаго назначенія... не хочу... переѣду въ Парижъ.

В. Г. Авсѣенко, когда то примыкавшій къ кружку Каткова, сидя у Кюба, брюзжалъ, ворчалъ и подтрунивалъ надъ правительствомъ, пророча ему непріятности... Авсѣенко тогда сильно полѣвѣлъ.

Завтракъ изъ двухъ блюдъ въ первомъ ресторанѣ стоилъ рубль и столько же брали за полбутылки вина... Какъ посмотрѣть, да посравнить вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій!..

Типичнѣйшей фигурой «Низка» («Низкомъ» называли нижнее помѣщеніе ресторана) былъ юристъ Я. М. Серебрянный. Онъ любилъ поѣсть не меньше Гоголевскаго Пѣтуха и присоединялъ къ аппетиту требованіе тонкости кухни.

Однако, первымъ приверженцемъ культа Петра Петровича Пѣтуха у Кюба былъ Ник. Ник. Сущовъ, гость болѣе рѣдкій, случайный, который заказывалъ по десятку биточковъ, по три шницеля или полгуся.

По воскреснымъ днямъ, послѣ балетныхъ спектаклей, вошло въ обычай ужинать у Кюба.

Залъ ресторана по своей обстановкѣ, мало кричащей, но стильной и роскошной, напоминалъ старый барскій домъ. Изысканная сервировка, цвѣты на всѣхъ столахъ, лампочки съ ласкающими взоръ розоватыми абажурами. Ковры, и гобелены дополняли декорацію. Пьеръ Кюба, владѣлецъ этихъ хоромъ, разбогатѣвъ, покинулъ столицу и устремился въ Парижъ, гдѣ открылъ ресторанъ въ богатѣйшемъ особнякѣ на Елисейскихъ Поляхъ, но дѣло у него не пошло.

Верхній этажъ ресторана — отдѣльные кабинеты, въ хроникѣ вчерашняго Петербурга сыграли свою роль: пассіональныя драмы, громкіе скандалы и дикія безобразія, правда не часто, но повторялись здѣсь. Для бульварнаго романа тутъ была существеная пища.

⁂

Къ двѣнадцати часамъ ночи залъ быстро заполнялся посѣтителями. Дамы въ туалетахъ первоклассныхъ законодателей модъ — парижскихъ и петербургскихъ, украшенныя, въ мѣру и не въ мѣру, драгоцѣнными камнями, гвардейскіе мундиры, фраки, смокинги. Всѣ направлялись къ своимъ столикамъ, заранѣе расписаннымъ.

Многіе изъ ужинавшихъ въ отдѣльныхъ кабинетахъ временами показывались въ залѣ, чтобы полюбоваться красивой картиной и повидать знакомыхъ, большинство которыхъ принадлежало къ балетоманамъ.

Тутъ можно было встрѣтить «блистательныхъ полувоздушныхъ» и воздушныхъ царицъ балета — Анну Павлову, Т. П. Карсавину, М. Ф. Кшесинскую, О. О. Преображенскую, В. А. Трефилову, М. М. Петипа, пріѣзжавшую изъ Москвы А. М. Балашову, Е. А. Смирнову, Л. Н. Егорову, Ю. Н. Сѣдову и др., окруженныхъ толпой поклонниковъ.

Съ годами жизнь ресторана Кюба, особливо наверху, затихала, надвигалось «Оскудѣніе», въ которое не вѣрило наше барство, и, наканунѣ закрытія, послѣ революціи, ресторанъ Кюба собиралъ больше невѣдомыхъ, сомнительныхъ и не сомнительныхъ дѣльцовъ.

Занавѣсъ медленно падалъ и вырисовывалась новая декорація.

Былъ правъ С. Н. Атава. . . Мы завтракали какъ то разъ съ нимъ у Кюба и я сказалъ:

— Хорошо здѣсь ѣдятъ.

— Доѣдаютъ, — поправилъ Сергѣй Николаевичъ, — не на долго хватитъ!

ТЯЖЕЛЫЕ ГОДЫ В. Н. ДАВЫДОВА.

Н. Е. Одинцова-Ланская, бывшая артистка труппы Е. М. Грановской въ театрѣ «Пассажа» въ Петербургѣ, разсказывала мнѣ много интереснаго о незабвенномъ Владимірѣ Николаевичѣ Давыдовѣ въ послѣдніе годы его жизни. Давыдова по справедливости называли первымъ русскимъ актеромъ своего времени — славой русской сцены. Передъ смертью Давыдовъ пережилъ періоды тяжкихъ душевныхъ страданій, лишеній и очень, очень рѣдко судьба посылала ему моральное удовлетвореніе.

Н. Е. Ланская была ученицей Давыдова, вмѣстѣ съ нимъ служила у Грановской и, какъ мы увидимъ, любовно заботилась объ утѣшеніи старика въ Москвѣ, сопровождая его въ Кремль.

Я видѣлъ послѣдніе портреты Давыдова, на которыхъ онъ снятъ вмѣстѣ съ Е. М. Грановской и Н. Е. Ланской. Это тѣнь нашего стараго друга, всегда добраго, радостнаго, боровшагося за свой театръ, а затѣмъ павшаго духомъ, скорбѣвшаго, пришибленнаго нуждой, но по свойственной ему гордости, молчавшаго о ней. Это молчаніе иногда, какъ свидѣтельствуетъ Ланская, было героическимъ.

Въ театрѣ Е. М. Грановской, чутко, заботливо и нѣжно относившейся къ любимому огромному артисту, подо-

бралась тогда довольно сильная труппа, среди которой были П. В. Самойловъ, Бороздинъ, Надеждинъ, В. В. Максимовъ, Лешковъ и др.

Всѣ заботы Грановской прилагались къ тому, чтобы создать возможно лучшую атмосферу для творчества Давыдова, оставившаго свой Александринскій театръ. Почему онъ оставилъ его — выяснятъ точно его товарищи, а мы этого въ подробностяхъ не знаемъ.

Театръ «Пассажъ» отпраздновалъ 75-лѣтіе В. Н. Давыдова. Шли три водевиля: — «Что имѣемъ, не хранимъ», «Угнетенная Невинность» и «Дочь русскаго актера».

По словамъ Н. Е. Ланской, публики было столько, что у дверей «Пассажа» стояла толпа, не получившая билетовъ.

Весь театръ всталъ, какъ одинъ человѣкъ и наступила минута глубокаго молчанія, мертвой тишины. Взволнованный старикъ былъ страшно потрясенъ. Многіе плакали. Молчаніе смѣнилось громомъ рукоплесканій, но эти рукоплесканія, какъ обычная дань таланту, потускнѣли передъ минутой молчанія: въ этомъ молчаніи чувствовались глубокія переживанія.

Въ водевилѣ «Дочь русскаго актера» есть куплетъ. Не помню его точно, но смыслъ тотъ, что «обо мнѣ вздохнетъ (или вспомнитъ) театръ Александринскій...». Когда Давыдовъ произнесъ эту фразу, вся зала реагировала на нее... Кто-то изъ публики обратился къ Давыдову съ рѣчью, говоря, что всѣ присутствующіе знаютъ, какихъ жертвъ Давыдову стоитъ его художественная работа, при какихъ условіяхъ она протекаетъ. Говорившій рѣчь приблизился къ Владиміру Николаевичу и поцѣловалъ ему руку.

Стѣны дрожали, какъ свидѣтельствуетъ Н. Е. Ланская. Овація была незабываемой.

Послѣ спектакля В. Н. Давыдова чествовали въ Артистическомъ клубѣ, въ особнякѣ Карабчевскихъ на Знаменской улицѣ.

Александринскій театръ справлялъ праздникъ Давыдова нѣсколько позже. Въ церкви театральнаго училища митрополитомъ былъ отслуженъ молебенъ.

Затѣмъ въ теченіе мѣсяца повсюду чествовали Давыдова и пошляки, которые неизбѣжны, уподобляли юбиляра чудотворной иконѣ.

Изъ Петербурга труппа Грановской, во главѣ съ Владиміромъ Николаевичемъ, уѣхала въ Москву, въ театръ «Эрмитажъ» (1923 г.).

Успѣхъ Давыдова былъ подавляющій. Здѣсь знаменитый артистъ создалъ новую роль: въ пьесѣ Дюма сына «Маргарита Готье» онъ игралъ Дюваля-отца.

Въ это время творчество артиста было нарушено побочнымъ, тяжелымъ для него обстоятельствомъ.

Въ Петербургѣ арестовали родственника В. Н. Давыдова и отправили его въ Архангельскъ. Событіе это, — говоритъ Ланская, — губительно отразилось на работѣ и спокойствіи артиста. Онъ не былъ въ состояніи отдаваться всецѣло своей сценической дѣятельности и болѣлъ душой. Его нельзя было узнать, особливо послѣ того, какъ стали утверждать, что положеніе родственника серьезно.

Наконецъ, измученный В. Н. Давыдовъ въ сопровожденіи Ланской поѣхалъ въ Кремль просить о томъ, чтобы молодого человѣка судили не въ Архангельскѣ, а въ Петербургѣ, по мѣсту возникновенія дѣла.

Направились къ секретарю центральнаго исполнительнаго комитета Енукидзе. Пробрались внѣ очереди, довольно скоро и были встрѣчены любезно. Давыдову обѣщано было сдѣлать все возможное и телефонировать въ Петербургъ. Владиміръ Николаевичъ убѣждалъ, что родственникъ его не заслужилъ такого суроваго отношенія.

Такъ какъ отвѣта долго не было, то Давыдовъ снова поѣхалъ и опять таки въ сопровожденіи Ланской къ Енукидзе. Принялъ онъ ихъ, какъ имъ казалось, холоднѣе. Онъ

повторилъ, что все зависитъ не отъ центральной власти, а отъ мѣстной. Давыдовъ уѣхалъ домой подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ. Къ тому же онъ усталъ, такъ какъ въ пріемной было много народу, и онъ не могъ достать стула, простоявъ долго, ожидая очереди.

Разбитое здоровье старика еще ухудшилось; онъ не находилъ себѣ мѣста. Спустя нѣсколько дней Владиміръ Николаевичъ и Ланская въ третій разъ поѣхали къ секретарю ЦИК-а Енукидзе. Давыдовъ былъ въ такомъ состояніи, что слезы все время падали изъ глазъ.

— Вы, — обращался онъ къ Енукидзе, — всѣ еще недавно, чествуя меня, обѣщали беречь дѣдушку русской сцены и отказываете въ такой просьбѣ.

Давыдовъ и Ланская уѣхали. Ихъ впечатлѣніе было такое, что надеждъ нѣтъ никакихъ.

Къ счастью, они ошиблись, просьбу Владиміра Николаевича исполнили.

В. Н. Давыдовъ изъ толстаго превратился въ худенькаго. Онъ таялъ съ каждымъ днемъ. Въ Петербургѣ ему, первому актеру Россійскаго театра, приходилось сначала выступать съ чтеніемъ стиховъ и басенъ, мѣняя по нѣсколько театровъ въ вечеръ. Публика относилась къ нему благоговѣйно и самая широкая публика, включая рабочія массы.

Изъ Петербурга Давыдовъ уѣхалъ опять въ Москву и нашелъ пріютъ въ Домѣ Щепкина, въ Маломъ театрѣ, который возглавлялъ А. И. Южинъ.

Да и гдѣ же настоящее мѣсто В. Н. Давыдова, какъ не подъ сѣнью перваго русскаго театра?

Въ сообщаемыхъ свѣдѣніяхъ, записанныхъ со словъ Н. Е. Одинцовой-Ланской, могутъ встрѣтиться неточности, но каждому знавшему и видѣвшему великаго Давыдова, свѣдѣнія эти очень цѣнны.

СОДЕРЖАНІЕ.

IMPRIMERIE VAL
124, rue Compans
PARIS — XIX.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

« LES ÉDITEURS RÉUNIS »

29, rue St-Didier

PARIS - 16e